

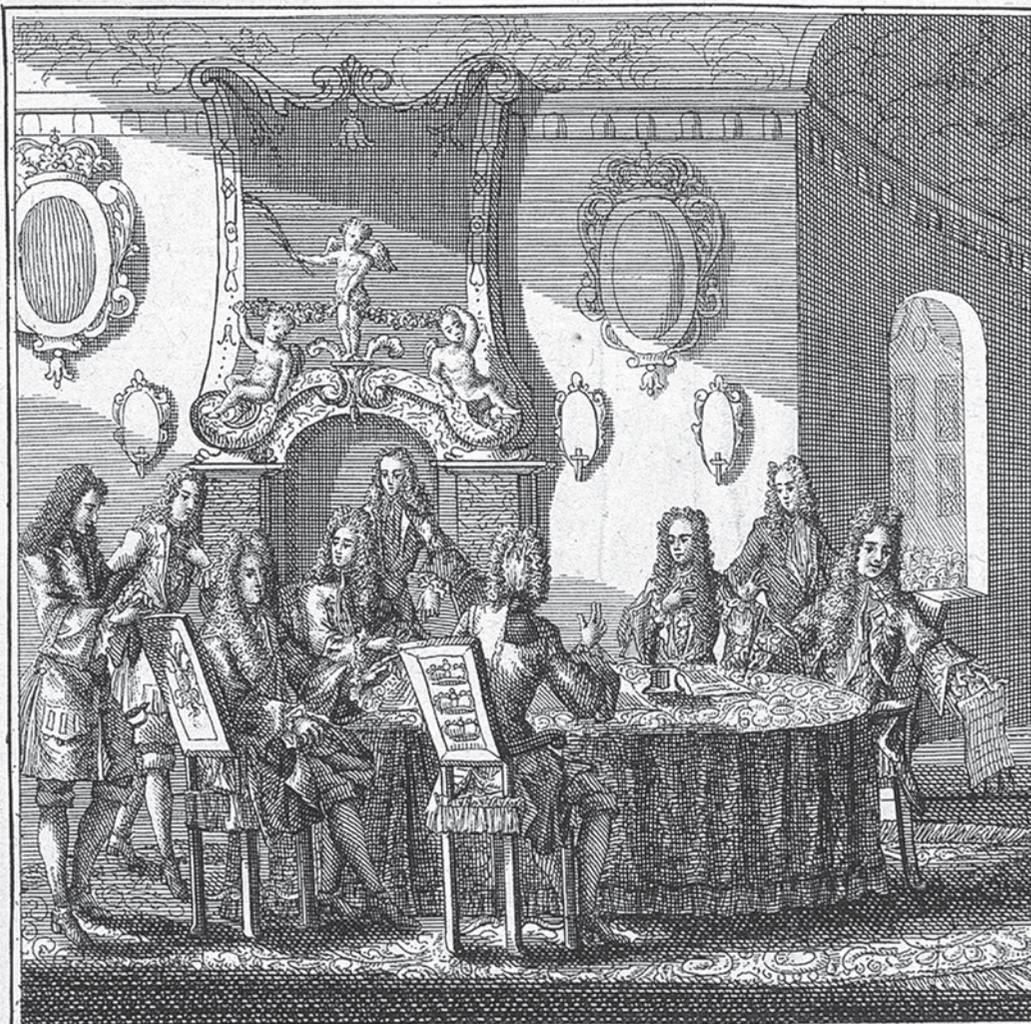
Февраль 2026

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

10 февраля
День дипломата

Проблемы
внешней политики,
дипломатии,
национальной
безопасности

История наших побед. Ништадтский мирный договор

В номере:

Марат Бердыев, посол по особым поручениям МИД России
О взаимодействии России и Китая в АТЭС

Александр Щипков, ректор Российского православного
университета. Не стать частью чужой истории

Александр Панов, профессор, **Михаил Мотявин**, младший научный
сотрудник ИСКРАН. Д.Трамп и проблемы Корейского полуострова

Александр Фоменко, историк. Фактор Бирнса

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Ежемесячный журнал

ДИПЛОМАТИЯ

Марат Бердыев 4

Совместно с китайскими друзьями мы смогли деполитизировать АТЭС

Китай принимает АТЭС третий раз. В его лице объединение обрело сильного председателя. Видим в Пекине нашего единомышленника, нацеленного на сохранение идентичности объединения и решение задач экономического развития, а не обсуждение конъюнктурных тем в рамках парадигм развития отдельных экономик.

Михаил Якушев 8

Дьяки Посольского приказа: служение Отечеству и Богу

Практически все посольские дьяки Русского государства до назначения на пост имели опыт дипломатической деятельности, так как служили подьячими в Посольском приказе. Некоторые из них в конце жизни становились насельниками обителей, принимали монашеский постриг или схиму и были захоронены в монастырях.

ПОЛИТИКА

Филипп Трунов 16

Рациональное и иррациональное во внешней политике Д.Трампа

Внешняя политика Д.Трампа глубоко продумана, не представляет собой набор хаотичных, часто случайных решений, как может показаться на первый взгляд. Администрация 47-го президента стремится не допустить, чтобы вновь возникающий миропорядок потерял существенную часть США-центричности, что было характерно для предшественника. Поэтому она использует широкий набор инструментов.

**Олег Карпович,
Вячеслав Егоров** 30

Будущее трансатлантизма

Изменения в трансатлантических связях нынешнего временного периода имеют свою отличительную особенность. Роль администрации Д.Трампа заключается, пожалуй, в том, что она впервые публично акцентирует аспект национального интереса США как первопричину для изменения привычного понимания содержания трансатлантических связей как приоритета своей внешней политики.

МИР ВОКРУГ НАС

**Александр Панов,
Михаил Мотявин** 36

Президент США Д.Трамп и проблемы Корейского полуострова

Позиция Пхеньяна изложена максимально ясно и кратко - признание США ядерного статуса КНДР и снятие санкций. Остается непроясненным, на какие компромиссы при этом будет готова северокорейская сторона. Об американской позиции, если она и есть, известно только из расплывчатых высказываний Д.Трампа, смысл которых - «давайте поговорим, возможно, о санкциях».

Александр Брегадзе 46

Республика Джибути: «Мал золотник, да дорог»

История формирования и становления Республики Джибути полна бурных событий, связанных с борьбой за влияние в этом столь важном в геостратегическом плане регионе между арабами, эфиопами, португальцами, турками, итальянцами, англичанами, французами... Была даже попытка обосноваться там и со стороны Российской империи.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Иван Кравченко 52

Если слепой ведет слепого

Мы разучились думать. Перестали создавать новое и качественное, предпочитая живой мысли искусственные, «выращенные в пробирках» смысловые полуфабрикаты. Ленимся быть инженерами собственного сознания, променяв креативную искру на дешевый ширпотреб, который подсовывает нам информационный маркетинг.

МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ

Сергей Гриняев 56

Развитие современных подходов к организации и реализации научно-исследовательских работ в НАТО в контексте обновленной Стратегии в области науки и технологий

Обновленная Стратегия определяет долгосрочные ориентиры развития научно-исследовательской деятельности НАТО, отражая как внутренние потребности Альянса, так

и внешние вызовы, связанные с изменением характера современных угроз.

Алексей Меньшов 70

Украинский кризис как катализатор трансформаций в стратегии энергетической безопасности Евросоюза

В долгосрочной перспективе европейский курс на декарбонизацию и альтернативные поставщики действительно повышает вероятность дальнейшего снижения доли РФ в структуре импорта газа. Политические факторы будут играть ключевую роль в том, сохранится ли «окно возможностей» для частичного восстановления энергетического диалога ЕС - Россия.

**Юлия Никитина,
Егор Сергеев** 78

Содействие международному развитию России в новых геополитических реалиях: актуализация задач, калибровка инструментов

Содействие развитию предполагает, что у государства-донора не обязательно есть свое альтернативное видение наилучшей для реципиента модели развития. СМР - это со-действие, то есть совместный поиск наилучших практик, способствующих развитию общества государств-партнеров.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Виталий Филипович 86

Вредоносные ИКТ-практики как угроза стабильности международных отношений

Наиболее активно используемой в настоящее время с вредоносными целями «инновационной» технологией являются дипфейки, которые представляют собой визуальный контент, созданный ИИ путем генерирования звукового ряда и изображения с целью введения в заблуждение и манипулирования.

«МАЛЫЕ» НАЦИ(ОНАЛИ)ЗМЫ

Эдуард Попов 98

Уничтожение народа - уничтожение памяти: дпящийся геноцид Галицкой Руси. К вопросу о морально-политических и правовых оценках первого геноцида в истории современной Европы

Тема геноцида Галицкой Руси и других русских регионов Австро-Венгерской империи в годы Первой мировой войны не известна широким слоям

общества, между тем события 1914-1918 годов стали первым в истории современной Европы актом геноцида.

Кирилл Шевченко 104

От этноцида к геноциду: Галицкая Русь и русины в XIV-XX веках

Вплоть до начала XX века коренное восточнославянское население исторической Галицкой Руси именовало себя «русинами», не подозревая о своей принадлежности к «украинцам», коих в то время не существовало в качестве устойчивой этнокультурной общности, а местная галицко-русская интеллигенция исповедовала идею общерусского единства.

ВЕХИ ИСТОРИИ

Александр Щипков 112

Кто не хочет писать свою собственную историю, тот станет частью чужой истории

Оглядываясь на Великую Отечественную войну, в которой нами одержана безоговорочная Победа, мы каждый раз извлекаем новые уроки. Главный вывод: мы, русские, жертвы объявленной нам «расовой войны», в 1945 году победившие главного на тот момент врага, имеем право на анализ ее истоков без скидок на толерантность.

Александр Фоменко 116

Фактор Бирнса, или Попытки Трумэна договориться с Москвой

Мнение Трумэна о Сталине изначально не было отрицательным, это видно из его дневников и писем, рассекреченных в 1980-х годах. В свой первый день в Потсдаме, 17 июля 1945 года, он записал: «Я могу договариваться со Сталиным. Он прост, но чертовски умен!»

Петр Мульгатули 134

План совместного похода императора Павла I и Наполеона Бонапарта в Индию: исторический факт или миф?

В исторической литературе прочно закрепилось представление о якобы имевшемся плане императора Павла I и Первого консула Наполеона Бонапарта совместного похода в Индию в 1801 году с целью изгнания оттуда англичан.

СОВЕТ ЖУРНАЛА:

С.В.ЛАВРОВ, министр иностранных дел России

А.А.АВДЕЕВ, *Чрезвычайный и Полномочный Посол*

А.И.ДЕНИСОВ, *первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук*

А.С.ДЗАСОХОВ, *доктор политических наук*

И.С.ИВАНОВ, *президент РСМД, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук*

К.И.КОСАЧЕВ, *заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания России, кандидат юридических наук*

В.П.ЛУКИН, *член Совета Федерации Федерального Собрания России, доктор исторических наук, профессор*

А.Ю.МЕШКОВ, *Чрезвычайный и Полномочный Посол России во Франции и Княжестве Монако по совместительству*

А.Н.ПАНОВ, *доктор политических наук*

А.К.ПУШКОВ, *член Совета Федерации Федерального Собрания России, кандидат исторических наук*

Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН

С.А.РЯБКОВ, *заместитель министра иностранных дел России*

М.В.СЕСЛАВИНСКИЙ, *общественный и государственный деятель, заместитель генерального директора по взаимодействию с органами государственной власти ООО «ХК ЮэСэМ»*

А.В.ТОРКУНОВ, *ректор МПМО МПД России, академик РАН, доктор политических наук*

А.А.ФЕДОТОВ, *кандидат юридических наук*

В.А.ЧИЖОВ, *первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности*

Ю.К.ШАФРАНИК, *президент фонда «Мировая политика и ресурсы», доктор экономических наук*

А.В.ЯКОВЕНКО, *Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заместитель генерального директора медиагруппы «Россия сегодня», доктор юридических наук*

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

А.Х.Абашидзе, *доктор юридических наук, профессор*

М.Ц.Арзаканян, *доктор исторических наук, профессор*

Ю.А.Булатов, *доктор исторических наук, профессор*

В.П.Воробьев, *доктор юридических наук, профессор*

В.И.Гасумянов, *доктор экономических наук, профессор*

О.Г.Карпович, *доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор*

И.И.Кравченко, *кандидат политических наук*

А.В.Крутских, *доктор исторических наук, профессор*

В.Д.Кузнецhevский, *доктор исторических наук, профессор*

О.В.Лебедева, *доктор исторических наук, профессор*

В.О.Печатнов, *доктор исторических наук, профессор*

Е.Б.Пядышева, *кандидат исторических наук, доцент*

Ю.Н.Саямов, *доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор*

А.В.Торкунов, *доктор политических наук, профессор, академик РАН*

А.В.Фролов, *доктор политических наук*

В.В.Штоль, *доктор политических наук, профессор*

СОВМЕСТНО С КИТАЙСКИМИ ДРУЗЬЯМИ МЫ СМОГЛИ ДЕПОЛИТИЗИРОВАТЬ АТЭС

«Международная жизнь»: *Марат Владимирович, что для России значит площадка АТЭС? Какое место занимает АТР в шкале российских политических и экономических интересов? Какие возможности Россия может предложить партнерам в развитии интеграции и хозяйственных связей?*

Марат Бердыев: АТЭС - ведущая площадка экономического сотрудничества в АТР, обладающая широким географическим охватом и сбалансированным составом участников. На экономики АТЭС приходится 60% мирового ВВП, а на его территории проживает 40% населения. В 2025 году рост ВВП в АТЭС составил 3,1%. По сути, это наиболее

как скажут специалисты, ближе к арифметической погрешности. Целый ряд факторов, а именно здоровая деловая конъюнктура и стремление к сложению потенциалов в реагировании на общие проблемы, позволяет использовать работу на площадке АТЭС в интересах широкого круга стран Мирового большинства.

Россия придает большое значение взаимодействию в данном формате со всеми конструктивно настроенными партнерами в АТР. Совместно с китайскими друзьями мы смогли еще в прошлом году полностью деполитизировать указанную платформу, а также деукраинизировать ее вопреки

МАРАТ БЕРДЫЕВ

Посол по особым поручениям МИД России

оголтелой позиции горстки русофобов, упорно защищающих нацистский проект в Киеве. В их числе Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, чей антироссийский запал становится серьезной обузой для конструктивной работы в АТЭС.

Со своей стороны стремимся направить работу форума в продуктивное русло на благо всеобщему

динамичная часть мирохозяйственной системы. Сравните, например, указанный показатель с положением дел в ЕС, который погряз в санкциях и экономическом хаосе, где рост на протяжении уже многих лет можно рассмотреть только под микроскопом, он зачастую не превышает 1% - то есть,

процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Готовы делиться наработками и передовыми достижениями в таких актуальных сферах, как цифровая экономика, повышение потенциала удаленных и сельских территорий, справедливые энергопереходы и преодоление последствий климатических изменений, устойчивое финансирование, содействие МСП и женскому предпринимательству. В последнее время расширили этот список новыми предложениями, связанными с борьбой с кибермошенничеством в финансовой сфере и применением ядерных технологий в мирных отраслях, прежде всего энергетике и медицине.

Россия вносит весомый вклад в наращивание региональных экономических темпов и демонстрирует стабильный рост. Активно развиваем двусторонние отношения со странами АТР. Отрадно констатировать, что по итогам 2025 года российско-китайский товарооборот остается на внушительной отметке в 228,1 млрд долларов¹.

Последовательно углубляем интеграцию на евразийском пространстве. Расширяем сеть ЗСТ: с 2016 года действует соглашение между ЕАЭС и Вьетнамом, в декабре прошлого года подписан аналогичный документ с Индонезией, который охватывает свыше 80% товарной номенкла-

туры и объемов поставок. Активно развиваем транспортные коридоры по территории России, реализуя масштабные соединительные возможности стратегических транспортных коридоров Северного морского пути (СМП), «Север - Юг» и «Запад - Восток».

Упомянув СМП, отмечу, что активность грузоперевозок по этому кратчайшему маршруту из Азии в Европу стабильно растет. По итогам 2025 года данный показатель превысил 37 млн тонн (к 2030 г. прогнозируется уже порядка 100 млн тонн). Динамика уже превзошла самые лучшие советские достижения и будет только увеличиваться, залогом чему создаваемый мощный ледокольный флот и портовая инфраструктура. Кстати, в октябре прошлого года по Севморпути прошел первый транзитный рейс из Китая. Открыты к сотрудничеству с другими заинтересованными партнерами в регионе.

Все это укладывается в логику практической реализации флагманской российской инициативы Большого Евразийского партнерства, созвучной планам по выстраиванию зоны свободной торговли АТЭС. В ее основе идея интеграции, сопряжения регуляторных систем и стандартов, снятия барьеров на пути торгово-инвестиционных потоков.

«Международная жизнь»: *Китай в рамках своего председательства в АТЭС выдвинул привлекательный лозунг: «Построение Азиатско-Тихоокеанского сообщества и содействие общему процветанию». Какую, на ваш взгляд, пользу АТЭС может принести предлагаемая Пекином программа мероприятий и их результаты?*

М.Бердыев: Мероприятия АТЭС в КНР, безусловно, станут знаковыми событиями, которые придадут региональному сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе ощутимый импульс и содержательное наполнение.

Китай принимает АТЭС третий раз (ранее в 2001 и 2014 гг.). В его лице объединение обрело сильного председателя. Видим в Пекине нашего единомышленника, нацеленного на сохранение идентичности объединения и решение задач экономического развития, а не обсуждение конъюнктурных тем в рамках парадигм развития отдельных экономик. Тем более что страна стояла у истоков многих ключевых для сегодняшней

атэсовской повестки дня направлений, таких как, например, взаимосвязанность.

Придаем большое значение предстоящему саммиту объединения в Шэньчжэне. Исходим из того, что он соберет внушительный состав мировых лидеров и станет площадкой для диалога ведущих держав - России, Китая и США. Убежден, что принятые по итогам переговорного процесса документы сыграют значительную роль в дальнейшем развитии АТЭС и всей международной экономической системы.

Разделяем предложенные китайскими друзьями приоритеты работы форума АТЭС на 2026 год - открытость внешнему миру; развитие инновационного потенциала, в том числе через

использование технологий искусственного интеллекта (ИИ); сотрудничество и согласованность в интересах укрепления взаимосвязанности и устойчивого экономического роста в АТР.

Обозначенные сферы отражают ключевые направления развития современной, в том числе российской, экономики. Готовы к интенсивной совместной работе с Пекином на всех отраслевых треках в этом году. Планируем обсудить преодоление торгово-экономических дисбалансов, цифрового разрыва и регулирование цифровой сферы. Отдельное внимание будет нами уделено теме сбалансированных энергопереходов на основе всех известных технологий.

Ожидаем активного продвижения и сближения известных китайских и российских инициатив с фундаментальными целями АТЭС по построению открытого, динамичного, устойчивого и мирного АТР. Приветствуем дальнейшую координацию в вопросах формирования Большого Евразийского партнерства и «Одного пояса, одного пути».

«Международная жизнь»: *Как вы можете охарактеризовать положение в мировой экономике? Как АТР и евразийский континент могут эффективно ответить на эти вызовы, в том числе с опорой на инструментарий АТЭС и интеграционные инициативы?*

М.Бердыев: Азиатско-Тихоокеанский регион, как и весь мир, сталкивается с фундаментальными геополитическими вызовами, в основе которых лежат экономическая конкуренция и соперничество. Привыкшие властвовать и доминировать страны Запада нацелены любой ценой сохранить эту роль. Их поведение, включая политизацию в работе таких многосторонних площадок, как АТЭС, углубляет противоречия вместо выхода на конструктивные решения в интересах всех.

Между тем стабильность и устойчивость мировой системы может базироваться только на проверенных временем целях и принципах Устава ООН и положениях международного права, которые регулируют межгосударственные отношения, в том числе в экономической сфере. Механизмы глобального управления должны отвечать интересам развивающихся стран Глобального Юга и Востока, голос которых должен быть четко различим во всех многосторонних форматах.

Убеждены, что эти ключевые для наших стран проекты являются взаимосвязанными и взаимодополняющими.

Готовы к активной работе по укреплению многосторонней торговой системы с центральной ролью ВТО. Абсолютным приоритетом считаем отказ от дискриминационных протекционистских и ограничительных мер в торговле, вводимых под политическими предлогами. Упомянутый пласт проблем очень схож с тарифными вызовами, с которыми столкнулась КНР вместе с подавляющим числом членов АТЭС.

Необходимо предпринять действенные шаги по преодолению этих проблем для стабилизации цепочек поставок, развития технологической кооперации, преодоления цифрового разрыва, а также поиска эффективных решений в вопросах борьбы с изменением климата, продовольственной безопасности, обеспечения качественного роста. Мы, в России, приветствовали бы такое развитие событий.

Кроме того, назрела необходимость консолидации нашего евразийского континента. Как недавно совершенно справедливо отметил министр иностранных дел России С.В.Лавров, в Евразии, в отличие от Африки и Латинской Америки, нет обще-континентальной организации. Хотя именно здесь расположен ряд великих цивилизаций, включая те, которые сегодня представляют Россия, Китай, Индия и другие.

И хотя уже сегодня можно констатировать позитивную динамику на этом направлении, в том числе благодаря налаженным контактам между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, предстоит еще очень долгий путь. В качестве первого шага достаточно было бы наладить равноправный общеконтинентальный диалог. Это было бы полезно как с точки зрения выстраивания политических контактов, так и гармонизации проектов в экономической, торговой, инфраструктурной и платежной областях.

Все это находит свое отражение в продвигаемой Россией (совместно с белорусскими коллегами) инициативе о выработке Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке, которую мы объявили открытой для участия всех без исключения государств континента. Отмечаем и востребованность наших подходов к формированию евразийской архитектуры безопасности. Отрадно, что позиции Москвы и Пекина по этому вопросу совпадают.

Широкие возможности открываются по линии БРИКС в плане разработки и выполнения решений в части платежных систем, демократизации экономпроцессов, инклюзивных, справедливых рыночных условий хозяйствования для всех экономоператоров.

Россия категорически против любых мер принуждения, а также проявления колониаторских практик, направленных на получение односторонних преимуществ в духе «игр с нуле-

вой суммой». Сегодня с этими деструктивными тенденциями мы обязаны эффективно бороться. Глобальная экономика стала по-настоящему многополярной. Новые экономические локомотивы - Россия, Китай, Индия, страны АСЕАН - занимают передовые позиции в технологическом развитии, промышленном производстве, аграрной отрасли. В качестве примера можно привести ситуацию в области цифровой трансформации, где данные экономики занимают лидирующие позиции.

Данный конструктивный настрой является прочным фундаментом для результативной работы, в том числе на площадке АТЭС, в котором мы видим серьезный созидательный потенциал. Убеждены, что он позволит добиться действительно важных осозаемых результатов в период китайской «вахты» в форуме.

Желаем нашим китайским друзьям успехов и прорывных достижений.

¹Снижение на 6,9% по сравнению с 2024 г. Российский экспорт составил 124,8 млрд долл. (-3,9%), импорт - 103,3 млрд долл. (-10,4%) // Посольство России в КНР.

Ключевые слова: АТЭС, АТР, Мировое большинство, Большое Евразийское пространство, Глобальный Юг и Восток.

Михаил Якушев

*Советник Историко-документального департамента
МИД России, кандидат исторических наук*

mmyakushev456@gmail.com

Ключевые слова: *Московский Кремль, дьяки Посольского приказа, думный дьяк, Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский монастырь.*

ДЬЯКИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА: СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ И БОГУ

На протяжении истории России монастыри Первопрестольной и других русских городов были и остаются важными духовно-нравственными и культурно-просветительскими центрами нашего государства, а их судьба тесно переплетается с историей Русского государства, внешней политикой и дипломатией. Одним из таких мест является Свято-Троицкая Сергиева лавра¹ - оплот православия и русской государственности.

26 июня 2024 года в преддверии православного праздника Святой Живоначальной Троицы Президент Российской Федерации В.В.Путин в сопровождении патриарха Кирилла, продолжая преемственность и древнерусскую традицию, посетил Свято-Троицкую Сергиеву лавру, приложился к иконе Святой Троицы Андрея Рублева, а также поклонился раке с мощами Сергия Радонежского - одной из главных реликвий обители.

Значимость Свято-Троицкой Сергиевой обители подчеркивает тот факт, что именно в ее некрополе захоронен ряд известных глав Посольского приказа, проводников внешней политики России. Другие видные дипломаты, в том числе и руководители Посольского приказа², покоятся в монастырях Москвы³, а также в обителях провинциальных городов, куда некоторые из них в последние годы жизни прибыли для духовного служения, приняв монашеский постриг.

Троицкий монастырь под Москвой был одним из главных мест паломничества русских царей в сопровождении видных государственных деятелей, в том числе служивших во внешнеполитическом ведомстве.

В 1570 году Посольский приказ возглавил хранитель государственной печати («печатник») Андрей Яковлевич Щелкалов (Щелканов) (1570-1594 гг.), сменивший на посту дьяка⁴ Ивана Михайловича Висковатого (Висковатова).

А.Я.Щелкалов происходил из малоизвестного рода. Его отец Яков Семенович Щелкалов был дьяком. В 1550 году имя А.Я.Щелкалова появилось в «Тысячной книге»⁵. В 1560 году А.Я.Щелкалов был приставом при литовских послах, в 1564 году - в числе чиновников, принимавших послов великого магистра Тевтонского ордена В.Шутцбара (1543-1566 гг.), а также участвовал в переговорах об условиях освобождения из русского плена ландмейстера Тевтонского ордена в Ливонии Иоганна Вильгельма фон Фирстенберга (1557-1559 гг.)⁶. В том же году А.Я.Щелкалов был упомянут при встрече царя Ивана IV Грозного (1547-1594 гг.) с литовским послом М.Б.Гарабурдой в Великом Новгороде. В 1570 году А.Я.Щелкалов принимал крымских посланников в Посольской избе⁷ и брал у них грамоты.

В 1571 году он вел переговоры с османским послом Б.Челибеем и шведским послом Г.Янсом. В 1572 году английские купцы получили грамоту на право торговли в Русском государстве за подписью А.Я.Щелкалова. В 1573 году А.Я.Щелкалов вместе с братом принимал австрийского⁸ посла П.Магнуса и вел с ним предварительные переговоры перед приемом у царя Ивана IV. В 1575 году А.Я.Щелкалов принимал австрийских послов П.Магнуса и Г.Вестфалуса, вел переговоры с датским эмиссаром Э.Эйзенбергом. В 1577 году А.Я.Щелкалов принимал крымского гонца Х.Челибея «со товарищи» в Посольской избе и брал у них грамоты, а в 1578 году дал польским послам ответный список. В 1581 году А.Я.Щелкалов вел переговоры с папским легатом⁹ в Восточной Европе, иезуитом Антонио Поссевином, в 1582-м - с польскими послами, в 1583-м - с английским послом Джеромом (Еремеем) Боусом (1583-1584 гг.), в 1589-м - с австрийскими послами, а в 1590 и 1593 годах - с персидскими послами.

А.Я.Щелкалов оставался во главе Посольского приказа до 1594 года, руководя всеми переговорами с иностранными государствами: принимал послов, брал у них грамоты, выслушивал их речи и давал ответы. Голландский купец И.Масса дал А.Я.Щелкалову следующее описание: «человек необыкновенно пронырливый, умный и злой... не имея покоя ни днем, ни ночью, работая как безгласный мул, он был недоволен тем, что у него мало работы и желал еще больше работать»¹⁰.

За годы государственной службы А.Я.Щелкалов руководил Разрядным и Поместным приказами, а также Приказом Казанского дворца.

А.Я.Щелкалов умер в 1598 году и был похоронен в Кирилло-Белозерском монастыре¹¹, в конце жизни приняв монашеский постриг с именем Феодосий¹².

В 1594 году А.Я.Щелкалова на посту главы Посольского приказа сменил его брат Василий Яковлевич Щелкалов (Щелканов) (1594-1601 гг.). В 1550 году имя В.Я.Щелкалова впервые встречается в «Тысячной книге» (1550 г.) и «Дворцовой тетради» (1552 г.)¹³. В 1566 году

Значимость Свято-Троицкой Сергиевой обители подчеркивает тот факт, что именно в ее некрополе захоронен ряд известных глав Посольского приказа, проводников внешней политики России.

он участвовал в Земском соборе по поводу продолжения войны с Речью Посполитой. В 1567 году ездил с посольством к польскому королю Сигизмунду II Августу (1548-1572 гг.) для заключения мирного договора. В 1576-1577 годах В.Я.Щелкалов был упомянут среди дьяков в Ливонском походе царя Ивана IV.

В.Я.Щелкалов принимал участие во многих переговорах с иностранными послами вместе со своим братом¹⁴. В 1584 году он вел переговоры с английским дипломатом, управляющим Московской торговой компанией Джеромом (Иеронимом) Горсеем (1573-1591 гг.).

За годы государственной службы В.Я.Щелкалов возглавлял Разрядный и Стрелецкий приказы, а также Приказ Казанского дворца.

В.Я.Щелкалов умер в 1611 году и был погребен в Троице-Сергиевом монастыре, в конце жизни приняв иноческий постриг с именем Вассиан¹⁵.

Братья Щелкаловы были активными участниками дипломатических миссий и являлись одними из самых известных дьяков Посольского приказа. По мнению современников, Василий Яковлевич, хотя и уступал Андрею Яковлевичу в «дипломатической ловкости», был самым влиятельным дьяком после брата в истории Русского царства. Иностранцы, особенно англичане, не любили Андрея Яковлевича и Василия Яковлевича и давали им нелестные отзывы, главным образом из-за того, что братья Щелкаловы стремились отменить торговые привилегии для иноземных купцов.

Трижды Посольский приказ возглавлял Афанасий Иванович Власьев (1601-1603 гг., 1604-1605 гг., 1606 г.). Он родился в дворянской семье. Его отец Иван Власьев был рязанским помещиком и дьяком приказа Большого дворца¹⁶. В 1594 году А.И.Власьев был назначен первым подъячим Посольского приказа. В его послужном списке - участие в пяти посольствах, причем в трех случаях в качестве главы миссии. В 1595 году ездил в составе посольства к императору Священной Римской империи Рудольфу II (1576-1612 гг.), желавшему привлечь Россию к войне против Османской империи. В 1597 году А.И.Власьев присутствовал на дворцовом приеме австрийского посла А.Донау¹⁷. В 1599-1600 годах А.И.Власьев как глава посольства был направлен в Священную Римскую империю. В 1601 году он входил в состав делегации на переговорах с английским послом Р.Леем и вел переговоры с польским послом Я.Сапегой.

В 1601-1602 годах А.И.Власьев был направлен с посольством в Польшу для ратификации договора о перемирии на 20 лет, причем это был первый случай в практике Посольского приказа, когда за границу выехал глава дипломатического ведомства¹⁸. В 1602 году он направился в Ивангород для встречи принца Дании Ганца (Иоганна). В том же году он присутствовал на царской аудиенции датского принца Ганца и сопровождавших его послов А.Гульденштерна, А.Брая и К.Олка. В 1603-1604 годах А.И.Власьев был послан с верительными грамотами в Копенгаген в статусе «ближней думы посольского дьяка». В период его отсутствия Посольским приказом руководил И.Т.Грамотин¹⁹. В 1604 году А.И.Власьев участвовал в переговорах с английским послом Т.Смитом. В 1605 году он присутствовал на царской аудиенции шведского принца Густава, во время которой исполнял функции, входившие в компетенцию посольского дьяка, и участвовал в переговорах с крымскими гонцами и австрийскими послами. В 1605-1606 годах А.И.Власьев был направлен с посольством в Польшу.

А.И.Власьев был первым главой Посольского приказа, посланным за границу учеников, которых по возвращении в Россию планировалось сделать толмачами и переводчиками внешнеполитического ведомства для усиления его кадрового потенциала. Кроме того, А.И.Власьев стал одним из первых представителей высших чинов управления Русского царства, нанимавших на службу европейцев.

За годы государственной службы А.И.Власьев также руководил Печатным приказом и Приказом Казанского дворца.

Иностранные посланники в Посольском приказе. Художник В.Г.Шварц. 1867 г. ГИМ

А.И.Власьев скончался в 1613 году и был захоронен в Смоленском кафедральном соборе города Уфы.

Пять раз при разных правителях Посольский приказ возглавлял Иван Тарасьевич Грамотин (1603-1604 гг., 1605-1606 гг., 1610-1611 гг., 1619-1626 гг. и 1634-1635 гг.), причем сохраняя при этом свое влияние и авторитет. Он родился в дворянской семье. Его отец Курбатов Тарас Григорьевич²⁰ был коломенским помещиком и дворцовым дьяком.

В послужном списке И.Т.Грамотина - участие в трех посольствах. Дважды, в 1595 и 1599 годах, он был назначен подьячим в посольство к императору Священной Римской империи Рудольфу II. В 1618 году И.Т.Грамотин участвовал в переговорах со шведскими послами и принимал участие в царской аудиенции, во время которой выполнял функциональные обязанности посольского дьяка.

Следует особо отметить тот факт, что в 1627-1633 годах внешней политикой России единолично руководил Патриарх Московский и всея Руси Филарет (1619-1633 гг.) - двоюродный брат царя Федора I Иоанновича (1584-1598 гг.) и отец Михаила Федоровича Романова (1613-1645 гг.), выдавшего в 1634 году И.Т.Грамотину «печать свою, а писаться ему указал государь: печатник и думный дьяк». В 1635 году он покинул Посольский приказ с сохранением звания «печатник».

За годы государственной службы И.Т.Грамотин также руководил Печатным, Поместным и Золотым приказами.

И.Т.Грамотин воспринял отдельные элементы западноевропейской культуры, о чем свидетельствует заказ им собственного портрета - явление, распространенное в Европе, однако в России «парсуны» в то время встречались редко. Голландский купец И.Масса дал И.Т.Грамотину следующую характеристику: «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем»²¹.

И.Т.Грамотин умер в 1638 году, в конце жизни приняв монашеский постриг с именем Иоил, и был погребен в Троице-Сергиевом монастыре²².

В 1606 году главой Посольского приказа был назначен Василий Григорьевич Телепнев (1606-1611 гг.). Род Телепневых происходил от князей Оболенских. В 1604 году В.Г.Телепнев служил подьячим в Посольском приказе. В том же году он участвовал в приеме австрийского и крымского гонцов. В 1606 году был пожалован в думные дьяки. В 1606, 1608 и 1610 годах В.Г.Телепнев вел переговоры с польскими эмиссарами - послами Н.Олесницким и А.Гонсевским, а также гетманом С.Жолкевским²³.

За время руководства Посольским приказом В.Г.Телепнев вел дипломатические переговоры со шведскими (1610 г.) и австрийскими послами (1610 г.), крымскими и ногайскими гонцами²⁴.

В общении с иностранными дипломатами В.Г.Телепнев не всегда соблюдал правила дипломатического этикета и иногда вел себя грубо. В 1606 году польские послы обратились с жалобой на В.Г.Телепнева: «и то делалось при наших очах, что он, Василий, пана Миколая обесчестил не токмо словом и рукою на него замахивался и тем, он обесчестил не посла...

а если он и будет здесь бояры и нам с ним ни о чем говорить»²⁵.

За годы государственной службы В.Г.Телепнев также руководил Поместным приказом²⁶.

В.Г.Телепнев скончался в 1638 году²⁷.

Дважды Посольский приказ возглавлял Петр Алексеевич Третьяков (1608-1610 гг., 1613-1618 гг.). Он происходил из знатного дворянского рода. Его отец А.Ф.Третьяков был московским дворянином.

В 1603 году П.А.Третьяков был на-

значен подьячим, а 1608 году - думным дьяком Посольского приказа. В 1613 году П.А.Третьяков повторно назначается главой Посольского приказа. В том же году он участвовал в организации церемонии венчания на царство Михаила Федоровича²⁸.

За время своей дипломатической службы П.А.Третьяков стал участником переговоров с польским послом М.Калничевским (1615 г.), английским послом Д.Мейриком (1615 г., 1616 г., 1617 г.), персидскими посланниками (1618 г.). П.А.Третьяков принял участие в подготовке Столбовского мира со Швецией (1617 г.) и соглашения о «большом вечном союзе»²⁹ России с Англией (1617 г.).

П.А.Третьяков умер в 1618 году, приняв в конце жизни монашеский постриг с именем Павел, и был погребен на территории Московского Кремля, в монастыре Чуда Архистратига Михаила в Хонех, который также называли Чудовым монастырем, или «Великой Лаврой»³⁰.

В 1626 году главой Посольского приказа был назначен Ефим Григорьевич Телепнев (1626-1630 гг.), старший брат В.Г.Телепнева. В 1595 году Е.Г.Телепнев служил подьячим в Посольском приказе. В 1610 году вместе с братом участвовал в переговорах с польским гетманом С.Жолкевским. В 1613 году он подписал Утвержденную грамоту об избрании на царство Михаила Федоровича. В 1615-1616 годах Е.Г.Телепнев был членом Великого русского посольства, проводившего переговоры с польской делегацией рядом со Смоленском.

За время руководства Посольским приказом Е.Г.Телепнев вел дипломатические переговоры с османским (1627 г.), французским (1629 г.), шведским послами (1629 г.).

За годы государственной службы Е.Г.Телепнев руководил Казенным, Печатным и Золотым приказами, а также Денежным двором.

И.Т.Грамотин воспринял отдельные элементы западноевропейской культуры, о чем свидетельствует заказ им собственного портрета - явление, распространенное в Европе, однако в России «парсуны» в то время встречались редко.

Е.Г.Телепнев скончался в 1636 году. Его отпевание совершил Патриарх Московский и всея Руси Иосиф I (1634-1640 гг.). Е.Г.Телепнев был погребен в «церкви Воскресения Христова, что на подворье Саввы Сторожевского монастыря»³¹.

Дважды Посольский приказ возглавлял Федор Федорович Лихачев (1630-1631 гг., 1635-1643 гг.). Он происходил из «детей боярских». До службы в Посольском приказе был дьяком Стрелецкого, Казенного, Поместного, Разбойного приказов и думным дьяком Разрядного приказа (1623-1630 гг.). В 1603 году Ф.Ф.Лихачев служил подьячим в Посольском приказе, а в 1630 году назначен его руководителем.

За время своей дипломатической службы Ф.Ф.Лихачев был участником переговоров со шведским послом А.Мониром (1629 г., 1630 г., 1631 г.), голландскими послами А.К.Бурхом и Иоганном ван Фелтдрилем (1629 г., 1630-1631 гг.), датским послом М.Юлем (1631 г.), а также французским послом (1629 г.). Ф.Ф.Лихачев принял участие в выработке условий Столбовского мира со Швецией (1617 г.).

В 1635 году он был повторно назначен главой Посольского приказа³². На Земских соборах 1639 и 1642 годов Ф.Ф.Лихачев выступал в качестве докладчика по вопросам внешней политики. В 1641 году ему было пожаловано звание «хранителя государственной печати», а в 1643 году государь «указал быть со своею царскою печатью, а в Посольском приказе быть ему не велено для его болезни». В 1649 году Ф.Ф.Лихачев подписал Соборное уложение царя Алексея Михайловича Романова (1645-1676 гг.).

За годы государственной службы Ф.Ф.Лихачев возглавлял Разрядный приказ, а также Приказ Казанского дворца.

В 1653 году, незадолго до смерти, Ф.Ф.Лихачев принял монашеский постриг с именем Филарет и был похоронен в Псково-Печерском монастыре.

С 1667 года руководителями Посольского приказа начали назначать не дьяков, а бояр.

Первым боярином, возглавившим Посольский приказ, и одним из самых известных русских дипломатов был Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащекин (1667-1671 гг.)³³. Он происходил из скромной дворянской семьи. Сын помещика Л.Д.Ордина-Нащекина³⁴. Участвовал в разграничении новой русско-шведской границы после Столбовского мира 1617 года. А.Л.Ордин-Нащекин подписал союзный договор с Курляндией (1656 г.), Валиесарское перемирие со Швецией (1658 г.) и Андрусовское перемирие с Речью Посполитой (1667 г.)³⁵. В 1667 году А.Л.Ордин-Нащекин был назначен руководителем Посольского приказа. Кроме того, он был «царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберегатель», так как в Посольском приказе хранились государственные печати, которые прикладывались к дипломатическим и внутривластным актам, а само ведомство нередко именовалось Государственным приказом посольской печати. А.Л.Ордин-Нащекин предлагал расширить торгово-экономические и культурные связи с государствами Западной Европы и Востока, заключить союз с Польшей для совместной борьбы со Швецией³⁶.

За годы государственной службы А.Л.Ордин-Нащекин возглавлял Аптекарский и Малороссийский приказы, а также Приказ по делам пленных.

В 1672 году он принял монашеский постриг с именем Антоний и занимался благотворительностью: построил церковь Казанской иконы Божией Матери в Пскове и обустроил Любятковский Свято-Никольский монастырь в селе Любятове, а в 1680 году умер в схиме и был погребен в Крыпецком Иоанно-Богословском монастыре³⁷.

Карьера А.Л.Ордина-Нащекина на государственной службе уникальна для истории России, так как он был первым мелким дворянином, получившим звание боярина и государственные должности не благодаря семейным связям, а вследствие личных достижений и способностей.

Следует заметить, что практически все посольские дьяки Русского государства до назначения на пост имели опыт дипломатической деятельности, так как служили подьячими в Посольском приказе. Некоторые из них в конце жизни становились насельниками обителей, принимали монашеский постриг или схиму и были захоронены в монастырях.

Вышеупомянутые дипломаты, на протяжении многих лет находившиеся на государственной службе, внесли значимый вклад не только в развитие государственного управления, укрепление внешнеполитических отношений Русского царства с иностранными государствами, но и оставили яркий след в культурном наследии России и служении Русской церкви.

¹Свято-Троицкая пустынь (1337 г.) первоначально была особножительным монастырем (в противоположность общежительного монастыря), в 1688 г. стала ставропигиальным монастырем (имел самый высокий статус среди монастырей и напрямую подчинялся патриарху), а в 1744 г. получила статус лавры. Троицкий монастырь был крупнейшим церковным землевладельцем в Русском царстве.

²Якушев М.М. Российская дипломатия: события и имена // Международная жизнь. 2025. №2. С. 36-45.

³Богоявленский, Высоко-Петровский, Георгиевский, Донской, Златоустовский, Знаменский, Крестовоздвиженский, Новоспасский, Покровский, Симонов Успенский, Спасо-Андроников монастыри и др.

⁴В конце XVI в. думные посольские дьяки принимали грамоты, привезенные послами, вели предварительные переговоры, присутствовали на приемах иностранных дипломатов, проверяли приготовленные списки ответных грамот, составляли указы русским дипломатам, отправляемым за границу, и приставам для встречи иностранных послов, знакомились с отчетами русских послов, вернувшихся в Россию после выполнения дипломатических поручений.

⁵«Тысячная книга», или «Тысяцкая книга» содержит в себе текст указа царя Ивана IV о раздаче подмосковных поместий «лучшим слугам», а также поименный список этих лиц с указанием размеров земли, полученной каждым из «тысячников».

⁶Рогожин Н.М. Братья Щелкановы // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII веков / Под ред. Е.В.Чистяковой. Сост. Н.М.Рогожин. М., 1989. С. 71-92.

⁷В первой половине XVI в. приемы послов проходили в различных избах и палатах Кремлев-

ского дворца: Набережной палате и Средней избе, а во второй половине XVI в. - в Брусняной выходной избе, Столовой брусняной избе, Золотой подписной палате и Грановитой палате.

⁸Эмиссаров Священной Римской империи иногда называли «цесарскими» или австрийскими послами.

⁹Папский легат - личный представитель Папы Римского.

¹⁰Масса П. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. и коммент. А.А.Морозова. М., 1937.

¹¹Кирилло-Белозерский, или Кириллов монастырь (1397 г.) - одна из древнейших обителей России и крупнейший церковный землевладелец в Русском царстве после Троицкого монастыря.

¹²В 1650 г. в некрополе Кирилло-Белозерского монастыря был погребен видный дипломат боярин Федор Иванович Шереметев, принявший участие в подписании Деулинского перемирия (1618 г.) и заключении Поляновского мира с Речью Посполитой (1634 г.). Перед смертью Ф.И.Шереметев принял иноческий чин и был назван при постриге Феодосий.

¹³«Дворцовая тетрадь», или «Дворовая тетрадь» - список двора царя Ивана IV с указанием сведений о боярах, дьяках, князьях и «приказных людях».

¹⁴После смерти старшего брата В.Я.Щелкалов сделал вклад «на помин души» (вечное поминовение) в Федоровский монастырь Переславля-Залесского.

¹⁵Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования. СПб., 1888; Лихачев Н.П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894.

¹⁶Лисейцев А.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 594.

- ¹⁷РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. «Коллекция уникальных единиц хранения». Оп. 32/1. Д. 8.
- ¹⁸Рогожин Н.М. У государевых дел быть указано. М., 2002. С. 98.
- ¹⁹Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 61.
- ²⁰На начальном этапе своей карьеры (до 1603 г.) Иван Тарасевич именовался Иваном Курбатовым.
- ²¹Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории (1883-1912 гг.). Т. I. СПб., 1912. С. 390.
- ²²Савелов А.М. Родословные записи Леонида Михайловича Савелова: опыт родословного словаря русского древнего дворянства. М., 1906-1909 гг. Вып. 2. №2. Грамотины. С. 254-255.
- ²³Рогожин Н.М. Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 73.
- ²⁴Некоторых послов он принимал вместе с думным дворянином Василием Федоровичем Яновым, сопровождавшим государя Михаила Федоровича в поездках по монастырям и присутствовавшего на царских обедах. В 1657 г. В.Ф.Янов умер, в конце жизни приняв монашество под именем Варлаам, и был погребен в Троице-Сергиевом монастыре. В 1700 г. на территории Троице-Сергиева монастыря был похоронен известный русский военный и государственный деятель, первый российский генералиссимус, ближний боярин (ближайший советник царя) и сподвижник Петра I Алексей Семенович Шенин. В 1698 г. А.С.Шенин организовал первую в России Навигацкую школу.
- ²⁵Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 131, 529, 532.
- ²⁶Лисейцев А.В. Дьяк Василий Телепнев и Посольский приказ в Смутное время // Дипломатический вестник. 2000. №11.
- ²⁷Место его захоронения неизвестно. По одной из версий, В.Г.Телепнев был захоронен при церкви Николая Чудотворца в Косине.
- ²⁸В 1616 г. П.А.Третьяков скрепил своей подписью черновой и первый экземпляры Утвержденной грамоты (Соборной клятвы) в 1613 г. об избрании Михаила Федоровича русским царем.
- ²⁹П.А.Третьяков был на стороне английской Московской торговой компании в ее борьбе с голландским купечеством за право вести транзитную торговлю с Персией через территорию России, однако это право не было предоставлено ни одной из сторон.
- ³⁰В 1682 г. в некрополе Чудова монастыря в присутствии Патриарха Московского и всея Руси Иоакима (1674-1690 гг.) был погребен ближний боярин, глава Посольского приказа (1680-1681 гг.) В.С.Вольинский. В 1727 г. в фамильном склепе Чудова монастыря был захоронен известный русский дипломат, посол России в Англии, Франции и Нидерландах, сподвижник и свояк Петра I князь Борис Иванович Куракин.
- ³¹Забелин П.А. Материалы по истории Москвы. Ч. I. М., 1884. С. 530.
- ³²Ф.Ф.Лихачев участвовал в торжественных церемониях свадеб царя Михаила Федоровича (1624 г., 1626 г.) и царских приемах по случаю православных праздников.
- ³³Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.А.Ордина-Нащекина и попытки ее осуществления. М., 2013.
- ³⁴Галактионов П.В. А.А.Ордин-Нащекин - русский дипломат XVII в. М., 1961.
- ³⁵Чистякова Е.В., Галактионов П.В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащекин // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII веков / Сост. Н.М.Рогожин. М., 1989. С. 108-149.
- ³⁶В качестве главы Посольского приказа стал инициатором «корабельного дела», утвердив первый Морской устав, и составителем Новоторгового устава - важнейшего документа, регулировавшего как внутреннюю, так и внешнюю торговлю в Русском царстве. В рамках Морского устава была назначена команда «солдат корабельных» - первое подразделение морской пехоты в истории России. В 1655 г. А.А.Ордин-Нащекин стал основателем первого русского банка в Пскове под названием «Земская изба», просуществовавшего всего год.
- ³⁷Галактионов П.В. Указ. соч.

Филипп Трунов

Ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН, доктор политических наук

ltrunov@mail.ru

Ключевые слова: *Д.Трамп, США, новый миропорядок, «сделки», Россия, украинский вопрос, Афганистан, Иран, Китай, сдерживание, «западные демократии», «либеральные демократии».*

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ Д.ТРАМПА

Д.Трамп как 45-й президент США: приоритет - разрушать соглашения

В первую легислатуру Д.Трампа (2017-2021 гг.) Белый дом несоизмеримо чаще прекращал или приостанавливал участие в уже существовавших международных соглашениях, чем заключал новые «сделки». Процесс выхода США из формализованных договоренностей стартовал раньше в экономической и экологической сферах. Примерами тому служил отказ от дальнейших переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (с ЕС) с января 2017 года и решение выйти из Парижского соглашения по климату, озвученное 1 июня 2017 года.

Ближе к середине первого срока Д.Трампа Соединенные Штаты стали отказываться от своих обязательств в договорах в сфере контроля над оружием массового уничтожения (ОМУ). 8 мая 2018 года Белый дом вышел из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) - документа (2015 г.), который должен был урегулировать иранскую ядерную проблему. 20 октября 2018 года администрация 45-го президента США заявила о решении прекратить выполнение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) (1987 г.). Де-юре ДРСМД прекратил существование 2 августа 2019 года.

Как результат, резко обострилась проблема контроля над ОМУ, средствами его доставки на уровнях как региональных подсистем (ближне- и средневосточной, комплекса европейских таковых), так и глобальном.

Свое решение выйти из СВПД Белый дом старался обосновать, выдвигая обвинения в адрес Ирана, по ДРСМД - России. Де-факто важной причиной являлось недовольство со стороны США тем, что свой парк ракетных вооружений постепенно наращивал Китай. Соответственно, указанные шаги администрации Д.Трампа оказались во многом направлены против ИРИ, КНР и РФ. Примечательно, что на уровне Евро-Атлантического сообщества в целом все три данные незападные державы стали воедино обозначаться в качестве оппонентов лишь с июня 2022 года (во вновь принятой Стратегической концепции НАТО)¹.

Именно в первое президентство Д.Трампа стала полноценно функционировать система сдерживания КНР. США инициировали с 2017 года перезапуск Четырехстороннего диалога по безопасности (ЧСДБ - QUAD, до того функционировал в 2007-2008 гг.) с участием Индии, а также Австралии и Японии. Формат стал собираться один-два раза в год на уровне глав внешнеполитических ведомств стран-участниц. Одновременно динамичное развитие

получило военное измерение деятельности ЧСДБ - ежегодно организуемые учения Malabar [1, с. 114]. В 2018 году Соединенные Штаты переименовали Тихоокеанское командование вооруженных сил в Индо-Тихоокеанское, тем демонстрировали восприятие Индии как контрбалансера по отношению к Китаю [2].

Также в первую легислатуру Д.Трампа заметное функциональное развитие получила система сдерживания России. 45-й президент США оставил без изменений согласованное с его предшественником Б.Обамой решение развернуть сеть наземных многосторонних боевых групп НАТО в странах Балтии и Польше, то есть учредить полноценную основу для сил передового развертывания Альянса вблизи границ России и союзной ей Беларуси [3]. США не только не препятствовали, но, напротив, поддерживали европейских партнеров в разработке и реализации ими планов с целью увеличить и совершенствовать систему группировок блока, которая имела антироссийскую нацеленность. Одновременно с этим Белый дом при Д.Трампе искал пути оптимизировать собственное военное присутствие в Европе, неоднократно озвучивал в 2018-2020 годах идею сократить таковое в Германии (с выводом военнослужащих в другие европейские страны - участницы НАТО и сами Соединенные Штаты) [4].

Таким образом, для внешней политики 45-го президента США было характерно совершенствование систем сдерживания РФ и КНР, реализация недружественных по отношению к ним, их значимым партнерам (прежде всего, Ирану), мер в деле расшатывания режима международного контроля над ОМУ и средствами его доставки. Экономически показательно принятие закона CAATSA (август 2017 г.), должного обеспечить ужесточение санкционного давления на ИРИ, КНДР и РФ [5].

И все же уместно утверждать, что в отличие от предшественницы и особенно преемницы - администраций Демократической партии - аппарат Д.Трампа как 45-го президента отличали в целом заметно больший реализм и, напротив, меньшая идеологическая

В первую легислатуру Д.Трампа заметное функциональное развитие получила система сдерживания России. 45-й президент США оставил без изменений согласованное с его предшественником Б.Обамой решение развернуть сеть наземных многосторонних боевых групп НАТО в странах Балтии и Польше.

зашоренность. Действиям Белого дома в 2017-2021 годах, в отличие от президентства Дж.Байдена, не было присуще последовательное стремительное движение по лестнице эскалации в конфронтации с РФ. Разрушая существовавшие договоренности, 45-й президент США демонстрировал убежденность, что он расчищал пространство и стимулировал переговоры с целью выработать новые соглашения, в том числе на тех направлениях, где их ранее не было в принципе.

Важнейший тому пример - «сделка» между Соединенными Штатами и афганским движением «Талибан» от 29 февраля 2020 года. Этот документ был согласован в финальной версии и подписан в последний (четвертый) год легислатуры 45-го президента США. Тогда же уже резко уменьшилось число договоров, из которых Соединенные Штаты еще демонстрировали намерение выйти. Данные факты указывали, что Д.Трамп стал считать, что уже выполнил основную часть своей разрушительной нагрузки - по прекращению действия соглашений с избыточными (в представлении данного политика) обязательствами США. Теперь 45-й президент США считал возможным начать полноценно приступить к созидательной переговорной деятельности. Однако она преследовала единую с разрушительной таковой нацеленность - оптимизировать использование ресурсов Соединенных Штатов. В увязке с этим Д.Трамп старался обеспечить максимальную свободу маневра во внешней политике и одновременно сохранить основы влияния США на направлениях, где готовились «сделки». Однако степень полноты достижения каждой из этих целей оказалась весьма различной, что наглядно показал кейс с соглашением 2020 года.

«Сделка» по Афганистану и ее последствия

В 2010-х годах стратегия США по Афганистану - наиболее масштабному с начала XXI века направлению приложения военных усилий самих Соединенных Штатов, их европейских партнеров по НАТО вне зоны ответственности Альянса - последовательно прошла пять психологических стадий принятия неизбежного. Конкретно при администрации Д.Трампа имели место три завершающих стадии - торга (старт переговоров с афганскими талибами), гнева (заявление Д.Трампа в начале сентября 2019 г. о прерывании контактов и усилении военного давления) и финального, самого принятия (возобновление диалога, выработка соглашения) [6; 7, с. 21-26]. Принимаемым неизбежным стало утверждение у власти в Афганистане движения «Талибан» - оппонента «западных демократий». В соответствии с соглашением США свертывали свое военное присутствие в строго оговоренные сроки (14 месяцев). На практике это делало неизбежным не только вывод контингентов других государств - членов НАТО, партнеров, но и обрушение официальных властей, недееспособных без поддержки «западных демократий» [8]. Притом США готовили и подписали соглашение 29 февраля 2020 года без согласования с европейскими партнерами (которые противились переговорному процессу), демонстрируя приверженность рациональному национальному эгоизму. Однако последние были вынуждены принять факт случившегося, не имея возможности без поддержки Соединенных Штатов сохранить собственные военно-политические позиции.

Данное соглашение важно и тем, что оно символизировало «смену вех» в приоритетах Запада в его стратегической активности: цель обеспечивать присутствие в зонах нестабильности на Глобальном Юге переставала быть ключевой. Вместо нее в качестве первоочередного утверждался приоритет, появившийся уже с середины 2010-х годов: сдерживать и отбрасывать системных оппонентов, особенно РФ и КНР. Россия укрепляла свои позиции как западный центр притяжения на Глобальном Севере и Глобальном Востоке, а Китай - как

системообразующий элемент последнего. Соглашение 29 февраля 2020 года во многом задало рамочные условия для будущего резкого усиления систем сдерживания РФ и КНР. Однако настоящим это стало уже при администрации Дж.Байдена, соединившись с крайне опасной готовностью Белого дома при 46-м президенте США стремительно идти по лестнице эскалации при выстраивании конфронтации с Россией.

Финальное решение по соглашению с «Талибаном», а именно полностью реализовать документ, принимал также уже аппарат Дж.Байдена (как объявленного победителем на президентских выборах в ноябре 2020 г.). С одной стороны, США высвободили отборные военно-людские (инструкторов, советников, подразделения спецназа) и финансовые ресурсы, то есть была достигнута задача оптимизировать использование своих возможностей. С другой, - в Афганистане смог полноценно осуществиться сценарий урегулирования вооруженного конфликта с выводом «западных демократий» за скобки процесса. Иными словами, незападный, точнее антизападный, актер в виде «Талибана» взял ответственность за обеспечение мира и безопасности в стране, в том числе борьбу с террористическими группировками (прежде всего одной из дочерних структур «Исламского государства»^{*2} - ИГИЛ-Хорасан^{*} [9]).

Оставление США в ходе ускоренной эвакуации многочисленной военной техники, которую талибы продемонстрировали на специальном параде, нанесло заметный репутационный ущерб Соединенным Штатам. Соглашение от 29 февраля 2020 года не обеспечило «окно возможностей» для внешнеполитического маневра США. Произошла также утрата ими присутствия в Афганистане, географическое положение которого делало это особенно важным для потенциального совершенствования систем сдерживания КНР, РФ и ИРИ одновременно.

47-й президент США, стремясь целиком переложить на администрацию Дж.Байдена негативные последствия от «сделки» (2020 г.), в сентябре 2025 года поставил вопрос о возвращении Соединенным Штатам авиабазы Баграм в Афганистане. Предварительно Д.Трамп сфокусировал внимание на инциденте с атакой боевиков ИГИЛ^{*} на военных США в аэропорту Кабула в августе 2021 года. По мнению 47-го президента, косвенную ответственность за это несла администрация Дж.Байдена, которая осуществляла неорганизованную эвакуацию из Баграма, где из тюрьмы бежали террористы - будущие организаторы атаки. Критике подвергся и «Талибан», обвиненный в повторном случайном освобождении одного из данных боевиков ИГИЛ^{*3}. Тем самым Белый дом при Д.Трампе пытался приписать афганским талибам попустительство при проецировании неклассических угроз безопасности в отношении граждан США. Создавался информационный фон для постановки вопроса о возвращении военного присутствия Соединенных Штатов. Однако Второй исламский эмират Афганистан категорически отверг требование Д.Трампа.

«Сделка» с афганским «Талибаном» привела в итоге к тому, что западно- и непосредственно США-центричность международной системы уменьшилась. Государства - члены НАТО, прилагавшие длительные масштабные усилия, были способны лишь регулировать вооруженный конфликт в Афганистане, то есть поддерживать уровень насилия на определенном, отнюдь не нулевом, уровне [10, с. 12-13]. После того, как «западные демократии» во главе США вынужденно вышли из данного процесса, он стал урегулированием, то есть нацеленным на всеобъемлющее прекращение огня и установление мира в Афганистане.

Это явление стало отправным для возникновения полноценной тенденции к середине 2020-х годов. Так, в Мали (в 2020-2021 гг.), Буркина-Фасо (в 2022 г.) и Нигере (в 2023 г.) к власти пришли местные военные, вынудившие Францию и другие «либеральные демократии» вывести к 2024 году свои контингенты, которые лишь регулировали конфликты

и не смогли воспрепятствовать укреплению террористических группировок пятого поколения. Три данные африканские страны, образовав Альянс государств Сахеля (2023 г.), смогли заметно продвинуться в деле урегулирования [11], опираясь на поддержку ряда западных игроков, особенно России. Приход к власти в Афганистане «Талибана» привел к тому, что территория данной страны не могла быть использована для сдерживания Китая и России. Это положение имеет большую практическую ценность для углубления сотрудничества их с Ираном, усилий по обеспечению стабильности в Центральной Азии, а также расширению возможностей ШОС, деятельность которой стала приобретать глобальное измерение.

Д.Трамп как 47-й президент США: «сделок» больше и скорее

Лейтмотив второй легислатуры Д.Трампа, как минимум начальных ее этапов, - достичь как можно большего числа «сделок», в основном межгосударственных. С целью побуждать массово заключать соглашения с США в экономической сфере 47-й президент США уже 1 февраля 2025 года инициировал увеличение ввозных пошлин на товары из Канады, Мексики и КНР, а 2 апреля 2025 года - из большинства стран мира. В ходе попыток урегулировать вооруженные конфликты в сфере безопасности и обороны США изначально старались максимально подчеркнуть свои политико-дипломатические возможности. В случае, если Белому дому не удавалось в форсированном ритме достичь договоренностей, он пытался оказывать давление.

Почему 47-й президент США сосредоточился на заключении многочисленных «сделок»? Будучи 45-м главой государства в Соединенных Штатах, Д.Трамп уже вышел из большинства договоров, обязательства по которым он считал чрезмерно обременительными. Тем самым в первый срок (2017-2021 гг.) была проведена масштабная подготовительная работа для инициатив второго такового. Притом четырехлетний разрыв между легислатурами способствовал тому, чтобы Д.Трамп и его ближайшее окружение могли спокойно обдумать итоги на 2021 год, подобрать более тщательно команду, в целом сделать так, чтобы выросла проактивность действий. Просматривается также желание Д.Трампа изменить свой образ во внешней политике: от разрушителя к созидателю.

Безусловно, определенное значение имели личностные особенности Президента США. Он пришел в большую политику из крупного бизнеса, а потому стремился скорее добиться наибольшей материальной выгоды и продемонстрировать ее. Притом в свою вторую легислатуру Д.Трамп обращал намного большее внимание на то, чтобы «сделка» оказалась не кратковременной, а давала как минимум среднесрочный эффект, столько же работая на укрепление положительного имиджа главного архитектора договоренности. Это обусловлено рядом причин. Одна из них - стремление получить Нобелевскую премию мира. Ее Б.Обаме, предшественнику Д.Трампа как посту 45-го президента США, присудили уже в первый год пребывания у власти (2009 г.). Это заметно увеличило стремление действующего главы Соединенных Штатов обрести данную награду.

Не менее важно использовать эффект от «сделок», выгодных США, для того чтобы обеспечить для Республиканской партии необходимый уровень электоральной поддержки на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2026 года. Еще более она нужна самому Д.Трампу с учетом его планов попытаться остаться у власти на третий срок, что неизбежно ставит сложнейший вопрос изменения действующей версии Конституции США.

Но все же большее значение, чем причины личностного и внутривнутриполитического характера, имело формирование нового миропорядка. В своем развитии данный процесс на 2025 год

продвинулся несоизмеримо дальше и масштабнее, чем это было к концу первой legislatury Д.Трампа. Например, иллюстративны успехи БРИКС - в частности, расширение состава структуры, окончательно согласованное на XVI саммите БРИКС (в Казани) в октябре 2024 года. Формат объединяет в себе «восходящие державы» из различных частей мира. Из числа государств-основательниц это представители Глобального Юга - Бразилия и Индия, Глобального Востока - Китай; Россия, которая является объединительным началом для Глобального Востока и Глобального Севера.

Огромную роль в складывании нового, более совершенного и справедливого, миропорядка играет вынужденная специальная военная операция (СВО) (с 24 февраля 2022 г.). Вооруженные силы РФ последовательно стремятся урегулировать вооруженный конфликт, что в принципе невозможно без разгрома неонацизма на Украине как ультрарадикального, априори деструктивного актора. Именно его «либеральные демократии» настойчиво стремятся использовать для сдерживания России, не осознавая, сколь опасно для них самих «заигрывание» с неонацизмом. Показателен здесь пример политики «умиротворения агрессора» в 1937-1939 годах, за которой последовала агрессия Третьего рейха против самих «западных демократий», с разгромом Франции, стран Бенилюкса (1940 г.) и созданием угрозы существования для Великобритании [12].

Проведением СВО Россия старается решить связанный воедино комплекс задач: дерадикализировать западную часть постсоветского пространства, резко ослабить систему «сдерживания» и «отбрасывания», повысить порог (набор условий для) применения силы. От того, насколько полно РФ сможет достичь каждую из этих целей, во многом зависит то, насколько в действительности безопасным и справедливым станет возникающий миропорядок.

Освобождая территории своих новых «старых» субъектов, создавая буферную зону на территории Украины, российские войска продвигаются географически на запад, опровергают иллюзорную уверенность «западных демократий» в том, что они могут географически неограниченно и хронологически бесконечно распространять свое присутствие и влияние. Неготовность принять реальность и, напротив, приверженность утопии проявилась в сверхсплоченности внутри коллективного Запада при администрации Дж.Байдена.

Как США, так и другие страны - участницы НАТО, увеличивали не только объемы помощи Украине, но ударную мощь, дальность передаваемых для неонацистского режима вооружений. За первый год (до февраля 2023 г.) их линейка расширилась от стрелкового оружия до танков, не говоря уже о БМП, БТР, ствольной и реактивной артиллерии. Спустя еще два года, к февралю 2025 года, ВСУ стали получать самолеты, ракеты с дальностью не менее 250 км, начал прорабатываться вопрос о передаче таковых малых и средних, способных преодолевать расстояние свыше 500 км.

Увеличение объемов и дальности передаваемых Украине вооружений потенциально должно было усиливать в целом потенциал ВСУ, как минимум не давать ему сокращаться. В реальности ситуация была обратной: на протяжении не менее чем год, с осени 2024 года, «военная машина» Украины не могла организовать новых наступлений. Последние

Для внешней политики 45-го президента США было характерно совершенствование систем «сдерживания» РФ и КНР, реализация недружественных по отношению к ним, их значимым партнерам (прежде всего Ирану), мер в деле расшатывания режима международного контроля над ОМУ и средствами его доставки.

фактически демонстрировали возможности коллективного Запада вновь продвигать присутствие на восток.

Вооруженные силы РФ последовательно реализовывали те приоритеты при ведении боевых действий, которые были выработаны в отечественном военном искусстве еще в XVIII веке, при Петре Великом и А.В.Суворове. Первоочередная задача - критически ослабить наиболее боеспособное «ядро» сил противника (кадровый состав ВСУ на февраль 2022 г., идейных адептов неонацистского режима, которые массово влились в его войска весной-осенью 2022 г.). В свою очередь, это устранит основное препятствие для занятия значительных территорий. Именно данная логика действий объясняет темпы продвижения ВС РФ.

Разрушая существовавшие договоренности, 45-й президент США демонстрировал убежденность, что он расчищал пространство и стимулировал переговоры с целью выработать новые соглашения, в том числе на тех направлениях, где их ранее не было в принципе.

Ежедневные сводки Министерства обороны РФ акцентируют внимание не только на освобожденных населенных пунктах, но потерях противника в живой силе и технике. Последовательное выбывание «ядра» ВСУ сопровождается постепенным, но в целом неуклонным увеличением темпов продвижения российских войск. За первые три квартала 2025 года они освободили 4,9 тыс. кв. км территории и 212 населенных пунктов⁴ (прежде всего в ДНР, где система укреплений ВСУ наиболее мощная).

По сравнению с администрацией Дж.Байдена, Белый дом при 47-м президенте де-факто намного отчетливее осознавал, что вновь возникающий миропорядок утрачивает свою западно- и США-центричность. Само это понимание следует признать рациональным. Так, уже через десять дней после начала новой легислатуры Д.Трампа государственный секретарь М.Рубио публично признал, что мир отнюдь не однополярный, как это представлялось после холодной войны, а стал многополярным⁵.

Однако, как показала практика внешней политики США в 2025 году, аппарат 47-го президента США стремился замедлить, остановить, повернуть вспять эти самые объективные тенденции, которые ведут к утрате миропорядком западно- и США-центричности, что уже в основе иррационально. В рамках реализации данной стратегии главная тактика - заключение многочисленных «сделок», в основном с конкретными государствами, притом в различных сферах: торгово-хозяйственной, политической, военной. Белый дом считал, что в реалиях 2025 года сделать это было легче и, главное, в принципе более возможно, чем завтра (в 2026 г.) и тем более послезавтра (2027-2028 гг.). Отсюда подчеркиваемое желание 47-го президента США выходить на заключение соглашений именно в форсированном темпе.

Главная их цель в *экономической* сфере - обеспечить благоприятные рамочные условия для реиндустриализации в США. Двигаясь по этому пути, администрация Д.Трампа старалась решить в комплексе несколько масштабных задач. Одна из них - ослабить возможности Китая как «мировой фабрики», разрушить концепцию «кимерики», при которой КНР выступала основным производителем товаров, а США - их потребителем [2]. Информационно Соединенные Штаты пытались подчеркнуть, что Китай являлся основной территорией для производства искусственного наркотика фентанила, массово распространяемого в самих США⁶. Тем самым Белый дом рассматривал территорию Китая

(а, значит, и его самого) как источник для масштабной неклассической угрозы безопасности. Акцентируя на этом внимание, администрация Д.Трампа стремилась использовать ситуацию для повышения эффективности оказываемого на КНР давления в торгово-хозяйственной сфере, обеспечения для себя больших возможностей для маневра в ходе переговорного процесса.

Вводя жесткие протекционистские таможенные барьеры, Белый дом стремился закрыть свой объемный внутренний рынок для китайского экспорта. Вместе с тем едва ли возможно массовое возвращение в США производств, вынесенных в КНР в постбиполярных реалиях. Соответственно, эта составляющая попыток осуществить реиндустриализацию Соединенных Штатов - за счет частичной деиндустриализации системного оппонента - на практике несостоятельна. Притом полноценный торговый конфликт с КНР весной - летом 2025 года стал оказывать заметное негативное влияние на ситуацию внутри США.

Именно это побудило Д.Трампа после серьезных колебаний (озвученная изначально идея не встречаться с Си Цзиньпином) не только организовать встречу с Председателем КНР 30 октября 2025 года, но и пойти на заметные уступки, особенно по таможенным тарифам. Представляется, что в данном случае администрация

47-го президента пришла к выводу, что фактор времени как минимум пока работал против Соединенных Штатов. Логично, что договоренности с Си Цзиньпином, по итогам которых стороны воздержались от совместной пресс-конференции, Д.Трамп старался информационно представить как свой успех, особое внимание уделяя шагам навстречу со стороны КНР, в том числе в деле ужесточения борьбы с производством фентанила⁷.

Намного большего успеха при реализации своих тактик, в том числе собственной реиндустриализации через деиндустриализацию визави по «делкам», администрация Д.Трампа достигала в случае с европейскими «либеральными демократиями». Этому весьма способствовало желание последних отказаться от недорогих углеводородов из России, мотивированное политико-идейными причинами, а, по сути, идеологической зашоренностью [13].

В данном случае Белый дом успешно использовал желания истеблишмента европейских «либеральных демократий» ужесточать «сдерживание» России и сохранять возможно большую степень единства внутри Евро-Атлантического сообщества. Обыгрывая эти два стремления, Белый дом сумел добиться от ЕС обязательств по инвестициям в экономику США от большинства европейских государств - членов НАТО - оплаты ими производимых в Соединенных Штатах вооружений и военной техники для ВСУ (программа PURL, Prioritized Ukraine Requirements List, список приоритетных требования по Украине)⁸.

В политической и военной сферах администрация Д.Трампа в первые месяцы пребывания у власти стремилась через «делки» добиться двух групп задач. Одна - прекратить как можно большее число военных и вооруженных конфликтов, занять роль модератора (пребывающего над схваткой) и гаранта мира и безопасности, притом в основном - политико-дипломатически, то есть без принятия обременительных военных обязательств. Другая группа задач - повысить со своей стороны управляемость конфронтациями с системными

Освобождая территории своих новых «старых» субъектов, создавая буферную зону на территории Украины, российские войска продвигаются географически на запад, опровергают иллюзорную уверенность «западных демократий» в том, что они могут географически неограниченно и хронологически бесконечно распространять свое присутствие и влияние.

оппонентами - ИРИ, КНР и РФ. Под понятием «управление конфронтацией» автор понимает стремление одной из сторон повысить степень проактивности (и, соответственно, уменьшить реактивность) предпринимаемых шагов по «сдерживанию», эффективность и результативность этого процесса - ограничивать возможности оппонента, истощать, постепенно делать его «хрупким» изнутри. Одновременно США стремились обеспечить обратную ситуацию для себя, а также своих партнеров, особенно если они считались идейно близкими к данной администрации.

Одним из таковых для аппарата Д.Трампа выступал Израиль. После атаки ХАМАС 7 октября 2023 года ЦАХАЛ развернули цикл масштабных наземных операций в Газе, которые привели к поражениям (но не полному разгрому) ХАМАС, большим потерям среди мирного населения, особенно детей, тому,

что фактически контроль над большей частью сектора перешел к Израилю. В конце сентября - ноябре 2024 года он нанес сильные, достаточно эффективные удары по движению «Хезболла» в Ливане. Это означало резкое ослабление одного из осевых элементов в «оси сопротивления» Ирана. Сразу же вслед за этим рухнул другой таковой, наиболее ценный, - правительство САР во главе с Президентом Б.Асадом.

В конце ноября - начале декабря 2024 года из провинции Идлиб, турецкой

зоны деэскалации в Сирии, группировка «Хайят Тахрир Аш-Шам»* осуществила внезапные глубокие удары, развалила оборону правительственных войск и заняла Дамаск. «Ось сопротивления» представляла собой обширное стратегическое предполье для Ирана, территориально к западу и югу от него, служила системой препятствий на пути сдерживания ИРИ. Исходя из этого, критическое ослабление одного западного отрезка (под контролем движения «Хезболла») и обрушение другого (в САР) Израиль де-факто трактовал как признаки того, что сам Иран стал «хрупким» [10].

Такому восприятию способствовало и то, что ИРИ как объект для сдерживания провозгласил с середины 2022 года массив государств - членов НАТО, обвиняя Тегеран в нарушениях СВПД и попытках разработать ОМУ. Используя порицание за это как обоснование своих действий, Израиль 13 июня 2025 года начал массированные удары с использованием авиации, ракет, БПЛА по территории Ирана. Однако последний осуществил ответные действия по противнику, применив свои ракетные вооружения и ударные беспилотники.

22 июня 2025 года впервые в истории войн, которые вел Израиль (с 1948 г.), и впервые же с начала своего президентства Д.Трампа пошел на боевое применение ВС США для поддержки партнера - ВВС, в том числе самолеты стратегической авиации осуществили удары по ядерным объектам Ирана. Тем самым администрация 47-го президента США резко снизила порог (набор условий) для применения силы на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ).

Белый дом старался подчеркнуть, что это разовый удар (однако не исключал возможности повторить его) с целью значительно отбросить назад «ядерную программу» ИРИ, побудить его начать переговоры по новой «делке» (более жесткой по условиям, чем СВПД, из которой Д.Трампа вышел), прекратить военный конфликт. В последнем случае Соединенные Штаты

предоставили экстренную помощь Израилю как ценному партнеру, осознавая, что он оказался в состоянии истощения. Соответственно, Белый дом не мог позволить ему стать «хрупким», что ослабило бы две переплетенных воедино системы - сдерживания Ирана и присутствия самих США на БСВ.

Представляется, что этот мотив во многом определял решительность действий Белого дома при выдвижении плана по решению палестинской проблемы 29 сентября 2025 года⁹. При этом администрация Д.Трампа оказывала влияние на правительство Б.Нетаньяху, требуя от него поступиться меньшим - занятыми территориями в Газе, сохранять которые ему становилось все сложнее, ради большего. Таковым выступало не просто прекращение участия израильского государства в цикле военных и вооруженных конфликтов, что все более подрывало его мощь, но само его сохранение как дееспособного актора.

Так, вновь имело место сочетание рационального - понимание того, что партнер начинает критически ослабевать, что весьма опасно для самих Соединенных Штатов - и иррационального. Последнее состояло в уверенности обеспечить США-центричность региональной подсистемы международных отношений на БСВ и попытках через сдерживание лишать субъектности государство-цивилизацию, каковым является Иран. Желание совместить рациональное с иррациональным было отчетливо и в линии США по украинскому вопросу.

Причины двойственности позиции Д.Трампа по украинскому вопросу

Линия администрации Д.Трампа по конфликту на Украине демонстрировала в 2025 году заметную зигзагообразность. Иллюстративно, что двусторонние телефонные консультации с Президентом России В.В.Путиным Д.Трамп инициировал уже в первый месяц своей legislatures, за чем последовали интенсивные очные двусторонние встречи на высоком уровне. Наиболее показательна дружественная тональность личных и в составе делегаций переговоров двух президентов в Анкоридже 15-16 августа 2025 года. Однако в сентябре-октябре 2025 года позиция Д.Трампа привела к определенной стагнации и даже деградации переговорного процесса. Инициировав в ходе телефонных консультаций с В.В.Путиным идею скорейших очных переговоров в Будапеште¹⁰, Д.Трамп затем отменил их, ввел согласованные по времени с ЕС санкции, первые с начала его действующей legislatures. Это обусловлено соизмеримым влиянием двух противоположных по нацеленности групп причин.

С одной стороны, стратегию предельного ужесточения системы сдерживания России вплоть до состояния балансирования на грани полномасштабной войны сформулировали и последовательно осуществляли «либеральные демократии» - таковые в Европе, администрация Дж.Байдена. Они - идейные оппоненты для Д.Трампа, который в противовес так называемым либеральным ценностям отстаивал принципы протестантского национализма [14; 15; 16]. Союзники администрации Д.Трампа среди властей в странах - участницах ЕС - правительства В.Орбана в Венгрии, Р.Фицо в Словакии. Эти политики отчетливо осознавали необходимость отказаться от избыточной внешнеполитической нагрузки - прежде всего в виде поддержки неонацистского режима на Украине, который сегодня является ближайшим союзником «либеральных демократий».

По сравнению с последними у современных Венгрии и Словакии, а потенциально и у США при Д.Трампе, должен быть более высокий порог применения силы во внешней политике. Иными словами, они стремились не провоцировать эскалации, а, наоборот, снижать напряженность в рамках конфронтации, вернуться к полноценному использованию политико-дипломатических возможностей. Следование данным путем должно создать благоприятный внешний

фон, обеспечить мощную поддержку электората внутри страны, столь необходимые для того, чтобы преобладать по влиянию перед адептами либеральных ценностей.

В представлении автора, данную линию изначально, в первые недели и месяцы своего второго президентства, избрал Д.Трамп. Он рассчитывал выйти на благоприятные для США внешнеэкономические и политические «сделки», тем самым обеспечить благоприятный фон для борьбы с оппонентами - сторонниками «либеральной демократии» внутри как самих Соединенных Штатов, так и Евро-Атлантического сообщества в целом. В последнем случае Д.Трамп рассчитывал через форсированное достижение многочисленных «сделок» заметно укрепить положение США в мире и, опираясь на этот результат, резко укрепить положение своей администрации, ее идейных сторонников уже непосредственно в рамках коллективного Запада.

С другой стороны, фактор принадлежности к нему также оказывал заметное влияние на администрацию Д.Трампа, особенно по мере того, как ей не удавалось реализовать форсированный выход на всеобъемлющее соглашение по Украине. Белый дом не препятствовал тому, чтобы сохранить для нее заметную военную поддержку (как минимум до заключения договоренностей), но с переложением нагрузки, особенно финансовой, на партнеров по НАТО. Администрация Д.Трампа стала использовать их, чтобы продемонстрировать готовность продолжать давления на РФ, притом считала его опосредованным, то есть де-юре без своего полноценного вовлечения. Соответственно, осенью 2025 года аппарат 47-го президента США стал реализовывать схему, во многом противоположную той, что была весной 2025 года: показать свой вес в рамках коллективного Запада, его вновь возросшую сплоченность, с данных позиций пытаться вести диалог с Россией.

Однако такой поворот означал, что Д.Трамп вступил как минимум в тактический союз с европейскими «либеральными демократиями», что весьма невыгодно самому действующему Президенту США. Ему стало намного сложнее вести борьбу с адептами либеральных ценностей внутри Соединенных Штатов и в целом Евро-Атлантического сообщества. Уверенность Д.Трампа в том, что он уже сумел подчинить идейных оппонентов себе, иллюзорна: «либеральные демократии» идут навстречу 47-му президенту США лишь там, где они сами в этом заинтересованы (прежде всего в деле роста своих военных расходов), притом оказывая заметное деформирующее влияние на своего идейного оппонента, ослабляя тем самым его электоральную поддержку.

Иллюстративно, что в 2025 году Д.Трамп неоднократно отдавал приказ использовать контингенты Вооруженных сил США для борьбы с незаконной миграцией и оргпреступностью в городах и штатах, где администраторами являлись представители Демократической партии. В конце октября 2025 года военное ведомство США отдало приказ о подготовке в составе Национальной гвардии сил кризисного реагирования, оснащенных и подготовленных для борьбы с беспорядками, численностью 23,5 тыс. человек личного состава (до 500 на каждый штат)¹¹. Эта цифра показывает, сколь остра и масштабна для 47-го президента борьба с адептами либеральных ценностей.

Показательно также, что его администрация не смогла побудить европейские государства - члены НАТО и Украину принять те положения, которые были согласованы на встрече В.В.Путина и Д.Трампа в Анкоридже 15-16 августа 2025 года. Напротив, возрастало влияние на Белый дом партнеров, которых он должен был убеждать. Попытки изменить эту тенденцию, особенно после телефонных консультаций президентов РФ и США 16 октября 2025 года, предприняли идейные союзники Д.Трампа - прежде всего Венгрия.

«Либеральные демократии» как временные союзники, которые становятся постоянными попутчиками, побуждали США подниматься еще выше по лестнице эскалации в конфрон-

тации с Россией - в частности, передать Украине крылатые ракеты «Томагавк» средней дальности действия, способные нести ядерные боезаряды. Однако каждая новая преодоленная ступень сверхопасна, учитывая, сколь большое их число стремительно преодолела администрация Дж.Байдена, тем самым провокационно приближалась к риску полномасштабного военного конфликта с применением ОМУ.

Последовательно стремясь не допустить его, Россия в конце октября 2025 года заявила об успешных испытаниях межконтинентальной крылатой ракеты неограниченной дальности «Буревестник» с ядерной энергетической установкой, оснащенной ею беспилотного подводного аппарата «Посейдон», а также скорой поставке на боевое дежурство межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Сармат»¹². Данные меры весьма своевременны и безальтернативны как предупреждающие США о тупиковости дальнейшего следования по лестнице эскалации. Стараясь не допустить репутационного урона, Белый дом неизбежно пойдет на ряд формально симметричных шагов, но с высокой долей вероятности в облегченном варианте (испытания ЯО, но субкритические, т.е. без ядерных взрывов; запуск МБР-носителя ОМУ, но без ядерной боеголовки). Притом в целом перечисленные вынужденные шаги России будут побуждать аппарат Д.Трампа ставить в своей политике, особенно в отношении РФ, рациональное над иррациональным.

Внешняя политика Д.Трампа глубоко продумана, не представляет собой набор хаотичных, часто случайных решений, как может показаться на первый взгляд. Администрация 47-го президента стремится не допустить, чтобы вновь возникающий миропорядок потерял существенную часть США-центричности, что было характерно для предшественника. Поэтому она использует широкий набор инструментов.

Так, в Западном полушарии Д.Трамп уже в первые дни своего президентства демонстрировал стремление включить территории Канады и о. Гренландия в состав Соединенных Штатов, тем самым пытаться сделать синонимичными понятия «североамериканский» и «принадлежащий США». Прослеживается стремление максимально сблизить содержание последнего эпитета с «американским» в целом: иллюстративно, что осенью 2025 года Белый дом инициировал военно-политический кризис вокруг Венесуэлы, обвиняя ее в производстве наркотиков, то есть искусственно выстраивал образ как источник неклассических угроз безопасности¹³. Последнюю схему аппарат 47-го президента США неоднократно использовал в отношении тех, от кого стремился добиться серьезных уступок - талибов в Афганистане, Китая.

Наиболее распространенной тактикой являлся ускоренный выход на «сделки», выгодные США, в том числе с целью не допустить критического ослабления их партнеров в различных частях мира. Весьма сложным это оказалось для администрации Д.Трампа на украинском направлении. Рациональное проявилось прежде всего в следующем. Придя к власти, 47-й президент продемонстрировал осознание того, что Россия постепенно, но неуклонно движется к разгрому военной машины Украины, что заметно укрепляет позиции РФ как конституирующего элемента Глобального Севера. Притом Д.Трамп понимал, сколь опасно для самих США оказалось стремительное следование администрации Дж.Байдена по лестнице эскалации, в данной связи - необходимость вернуться к полноценному диалогу с РФ. Иррациональным являлось желание Д.Трампа не допустить критического ослабления Украины¹⁴, постановка здесь геостратегических мотивов выше, чем готовность до конца идти в идейной борьбе с «либеральными демократиями», возвращенным при их поддержке неонацизмом. 47-й президент США видел именно в форсированных переговорах

способ отстоять указанную позицию, то есть ограниченно учесть объективные национальные интересы России. Но только их всеобъемлющий учет позволит «сделке» состояться. С этой реальностью администрация 45-го президента США уже столкнулась на афганском направлении (при выработке соглашения с «Талибаном» в 2020 г.), аппарат 47-го президента США - с КНР при попытках оказать на нее масштабное давление в торгово-хозяйственной сфере. Стадия принятия неизбежного наступит для США и по украинскому вопросу.

¹NATO 2022 strategic concept. Brussels: NATO HQ, 2022. P. 1-5.

²Здесь и далее * обозначены запрещенные в России организации.

³<https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/08/fourth-anniversary-of-the-attack-at-abbey-gate-2025/>

⁴<http://www.kremlin.ru/events/president/news/78166>

⁵<https://www.state.gov/secretary-marco-rubio-with-megyn-kelly-of-the-megyn-kelly-show>

⁶<https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-closes-deminimis-exemptions-to-combat-chinas-role-in-americas-synthetic-opioid-crisis/>

⁷<https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/11/fact-sheet-president-donald-j-trump-strikes-deal-on-economic-and-trade-relations-with-china/>

⁸См., например: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressebegegnung-kanzler-carney-2381528>

⁹<https://www.whitehouse.gov/articles/2025/10/global-support-for-president-trumps-bold-vision-for-peace-in-gaza/>

¹⁰<http://www.kremlin.ru/events/president/news/78237>

¹¹<https://www.washingtonpost.com/national-security/2025/10/30/pentagon-national-guard-quick-reaction-force/>

¹²<http://www.kremlin.ru/events/president/news/78341>

¹³Например: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/09/presidential-determination-on-major-drug-transit-or-major-illicit-drug-producing-countries-for-fiscal-year-2026>

¹⁴<https://www.whitehouse.gov/articles/2025/03/more-support-for-trump-administrations-pursuit-of-peace-in-ukraine/>

Источники и литература

1. Трунов Ф.О. США и система военно-политических форматов антикитайской направленности в ИТР // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2025. №4. С. 110-134.

2. Сидоров А.Ю. Отношения США и Китая при администрации Дж.Байдена: новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2024. №4. С. 27-48.

3. Трунов Ф.О. Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г. // Россия и современный мир. 2022. №4. С. 100-122.

4. Трунов Ф.О. Эволюция военного присутствия США в Европе: пример ФРГ // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. №2. С. 38-56.

5. Белов В.Б. Хозяйственно-политическая роль Германии в Евросоюзе // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 93-113.

6. Мачитидзе Г.Г. США - «Талибан»: сравнительный анализ этапов переговоров // Сравнительная политика. 2020. №1. С. 65-74.

7. Трунов Ф.О. Вынужденное принятие неизбежного в стратегии США по урегулированию: от Вьетнама и Афганистана к Украине // Международная жизнь. 2025. №4. С. 20-29.

8. *Мачитидзе Г.Г.* США - Афганистан: крах асимметричного альянса // Международные процессы. 2022. №4. С. 23-36.
9. *Степанова Е.А.* Терроризм и антитерроризм в талибском Афганистане и фактор ИГИЛ-Хорасан // Пути к миру и безопасности. 2024. №2. С. 11-53.
10. *Трунов Ф.О.* Европейские государства и проблемы безопасности на Большом Ближнем Востоке: устремления и военно-политические возможности // Актуальные проблемы Европы. 2025. №4. С. 8-30.
11. *Абрамова Е.А., Дегтерев Д.А.* Франция в меняющейся расстановке сил в Сахеле: геометрия влияния // Актуальные проблемы Европы. 2025. №4. С. 154-173.
12. *Трунов Ф.О.* Значение победы в Великой Отечественной войне для судеб народов Европы и Северной Америки // Вестник Российской академии наук. 2025. №25. С. 16-25.
13. *Братерский М.В.* Экономические перспективы Евро-Атлантического сообщества в период глобальной политической перестройки // Актуальные проблемы Европы. 2025. №2. С. 22-42.
14. *Новикова О.Н.* Христианский национализм в США // Россия и современный мир. 2024. №3. С. 180-193.
15. *Петров И.И.* Три европейских партийных полюса и начало второго президентского срока Дональда Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2025. №2. С. 43-65.
16. *Надточей Ю.И.* «Непознанная Венера»: Европейский союз в современном идейном дискурсе Республиканской партии США // Актуальные проблемы Европы. 2025. №2. С. 66-92.

Олег Карпович

*Проректор по экспертно-аналитической работе
Дипломатической академии МИД России, профессор,
доктор политических наук, доктор юридических наук*

ogk@dipacademy.ru

Вячеслав Егоров

*Заместитель руководителя Института актуальных
международных проблем Дипломатической академии
МИД России*

iamr@dipacademy.ru

Ключевые слова: *НАТО, США, европейские страны, союзники, геостратегическая ситуация, национальные интересы, трансформация.*

БУДУЩЕЕ ТРАНСАТЛАНТИЗМА

Система трансатлантических отношений, включая военно-стратегическое сотрудничество США и стран Европы, основанных на их участии в НАТО, переживает очевидную трансформацию после президентских выборов в США в 2024 году и прихода к власти администрации Д.Трампа. Содержание этой трансформации обозначил в ряде своих последних публичных выступлений министр иностранных дел России С.В.Лавров, который, сославшись на мнение представителей администрации Д.Трампа, указал на то, что она стремится в области внешней политики прежде всего к защите и продвижению национальных интересов [1]. Имеется в виду определенное смещение фокуса внешнеполитических интересов в сторону более рационального подхода Вашингтона к пониманию темы союзнической солидарности, отказа от следования и где-то подчинения эгоизму и капризам западноевропейских участников НАТО, в сторону большей ориентации на продвижение национальных интересов в других регионах мира, нежели их приоритизация исключительно на Европе. В этом, как можно предположить, заключается формирующееся сейчас отличие нынешнего американского руководства от администраций Демократической партии, включая последнюю во главе с Дж.Байденом.

Вместе с тем изменения в системе трансатлантических отношений, после того как она сформировалась после окончания Второй мировой войны и создания НАТО, происходили и раньше, следуя за поворотами геостратегической ситуации в мире, а также за процессом их осмысления как в натовских штабах, так и столицах стран-членов, начиная с Вашингтона. И новеллы в нюансировке союзнических отношений проявлялись на протяжении довольно длительного периода времени существования НАТО и в целом всего того концептуального комплекса вопросов, который включает в себя понятие послевоенной трансатлантической солидарности или связки США и стран Западной Европы.

Изменения в трансатлантических связях нынешнего временного периода имеют, однако, свою отличительную особенность. Роль администрации Д.Трампа заключается, пожалуй, в том, что она впервые публично акцентирует аспект национального интереса США как первопричину для изменения привычного понимания содержания трансатлантических связей как приоритета своей внешней политики. Тем более что Д.Трамп активно использует этот фактор национального интереса для решения своих политических задач внутри страны.

Некоей «прелюдией» для этой позиции администрации послужили тогда казавшиеся «сенсационными» и «скандальными», по оценкам некоторых европейских участников НАТО, заявления того же Д.Трампа в период его первой администрации (2017-2021 гг.), когда он намекнул на сомнения в готовности США сохранять свои «ядерные гарантии» союзникам и требовал от последних увеличения расходов в рамках НАТО для обеспечения интересов безопасности западноевропейцев [2]. Эта «прелюдия», что хотелось бы отметить отдельно, была усилена и действиями той же администрации Дж.Байдена, который ритуально клялся в сохранении военно-стратегической трансатлантической связи и ругал Д.Трампа за попытку подорвать ее, но на деле проводил линию, стимулировавшую отток европейского капитала и европейского передового менеджмента в США, усилившую переформатирование трансатлантического соотношения сил в пользу США, которые «проглотили» европейские союзники.

Расшифровывая свое понимание национального интереса США и аргументируя тем самым необходимость изменения парадигмы отношений с союзниками, администрация Трампа использует на данном этапе дефиниции, которые адресованы в первую очередь настроениям широких слоев американских избирателей. Они имеют явный критический, порой агрессивно-эмоциональный «запал» в отношении союзников и основываются на утверждениях, что последние поддерживают свое процветающее существование и во многом «живут за счет» необоснованного прикармливания части национального богатства США, как в сфере торгово-экономических отношений, так и в области поддержания совместной системы обороны и безопасности в рамках НАТО.

О том, что такого рода настрой свойственен не только самому Д.Трампу, но присущ и всей его республиканской руководящей «команде», свидетельствует хотя бы выступление вице-президента США Дж. Ди Вэнса, произнесенное с эмоциональным «подъемом» и артикулировавшее критику в адрес союзников на Мюнхенской конференции по безопасности

Система трансатлантических отношений, включая военно-стратегическое сотрудничество США и стран Европы, основанных на их участии в НАТО, переживает очевидную трансформацию после президентских выборов в США в 2024 году и прихода к власти администрации Д.Трампа.

14 февраля 2025 года [3]. Знаковый акцент в этой критике состоит, пожалуй, в том, что США уже не могут считать своих союзников как разделяющих одинаковые с американцами ценности, что имело место ранее, ибо в Европе развиваются тренды авторитаризма, политических преследований и зажима свобод личности.

Всемерно акцентируя тему диспаритета, с отрицательным для США сальдо, торгово-экономического и военно-стратегического сотрудничества с союзниками в рамках НАТО, администрация вместе с тем обходит упоминания о других геостратегических факторах, вызывающих концептуальное переосмысление парадигм трансатлантического партнерства. Среди них прежде всего фактор баланса военно-стратегических сил между Россией и США, с которым может быть связана переоценка трансатлантических отношений. И, как пред-

ставляется, этот фактор в значительно большей степени может выполнять роль катализатора американского национального интереса в отношениях с союзниками, нежели публично акцентируемая Д.Трампом скорбь по поводу экономического ущерба, понесенного американцами по вине объединенной Европы.

На самом деле советско-американский, ставший затем российско-американским, примерный ракетно-ядерный паритет, оформившийся в 60-70 годах прошлого века и выдержавший при

этом «ракетный» кризис 1962 года, формирует условия для нового восприятия темы «неразрывной привязки» США к безопасности своих союзников, которая была обещана американцами. Для США, оказавшихся в зоне досягаемости для советского/российского ядерного оружия, возникает вопрос об экзистенциальной цене, которую они вынуждены будут заплатить за такую привязку, не встававший ранее при создании западной секторальной системы безопасности на основе НАТО и в первый период холодной войны.

Размышления на эту тему внутри американской элиты, судя по всему, длятся долго, временами давая о себе знать через отдельные заявления или организуемые «утечки» от представителей истеблишмента, особенно через информированные экспертные круги. И в этом свете, к примеру, весьма показательными представляются и рассуждения Д.Трампа вокруг темы войны и мира, которые были отражены еще в его политической платформе 2000 года [4]. Да и более ранние истории вокруг «стратегической оборонной инициативы», а также американских «першингов» в Европе в период президентства Р.Рейгана (1981-1989 гг.) могут говорить в пользу того, что обсуждение данной темы внутри истеблишмента уже имело продвинутый характер, ибо тогдашняя администрация обозначила очевидное намерение прощупывать возможные направления движения для того, чтобы создать угрозу стратегическому ядерному потенциалу противоположной стороны с территории Западной Европы и за счет союзников, как бы выведя за скобки «советско-американского уравнения» собственные ядерные стратегические силы.

При этом развитие международной ситуации в последние годы, когда произошло смещение внешнеполитического внимания США в сторону регионов Тихого и Индийского океанов, также публично признанное американским руководством, не может не усиливать сомнения американской элиты в целесообразности сохранения своей военно-стратегической

сцепки с европейскими союзниками. Администрация Д.Трампа делает шаг вперед в плане признания этих сомнений и их дополнительного эмоционального подкрепления аргументами торгово-экономического и политического ряда.

Серьезно стимулирует Д.Трампа в этом же направлении и невыгодное для НАТО развитие военного конфликта на Украине, неуклонно размывающего перспективу интеграции Украины в Североатлантический альянс. И, соответственно, подрывающего возможные «сценарии» стратегов НАТО, имеющие целью приблизить военную инфраструктуру к границам России и за счет размещения там современных ударных систем нейтрализовать российские стратегические ядерные силы, будто бы сняв тем самым экзистенциальную для США угрозу ответного ядерного удара по своей территории.

Растущая неопределенность в реализации подобного рода сценария лишь побуждает истеблишмент США укрепляться во мнении о том, что на современном этапе понимание национального интереса страны может и не совпадать полностью с некогда сформулированными и традиционно понимаемыми обязательствами в области защиты безопасности Европы, а также в целом с устоявшимся контекстом трансатлантических отношений. Отсюда логичным видится и перекладывание Д.Трампом ответственности за войну на Украине на европейских союзников, которые, а не американцы, согласно логике Вашингтона, и должны нести риск ответного удара со стороны России в случае дальнейшей эскалации конфликта.

Соответственно, основной вопрос текущего момента можно свести к тому, будет ли развиваться публично обозначенная Д.Трампом эволюция трансатлантических отношений в контексте заявки американцев на приоритет своих национальных внешнеполитических интересов и насколько далеко она может продвинуться при нынешней администрации республиканцев. Вместе с тем важно отметить, что демонстрация администрацией Д.Трампа эволюции трансатлантических отношений в сторону большей защиты национальных интересов США уже сама по себе имеет большое политическое значение. Она вносит серьезный прагматический элемент в прежнее краеугольное направление внешней политики США, характеризовавшееся идеологически «лубочной» картиной союзнического единства, перечеркнув при этом усилия администрации Дж.Байдена рассеять опасения по поводу готовности Вашингтона сохранять безусловную привязку к защите европейских союзников всем набором имеющихся в его распоряжении средств.

Продолжающиеся информативные «вбросы» в общественное пространство о готовности администрации выйти из НАТО лишь дополнительно электризуют политическую неуверенность и растерянность европейцев. По сути, администрация Д.Трампа определяет новый «стандарт» понимания Вашингтоном трансатлантических отношений, который может «прижиться» и быть наконец-то признанным в истеблишменте. Если это случится, то с данной констатации может стартовать любая последующая администрация, не боясь теперь негативных для себя внутривнутриполитических последствий из-за отхода от устаревших сценариев отношений с союзниками.

Пойдет ли администрация Д.Трампа дальше по этому пути, то есть в направлении разного рода очерчивания и уточнений пределов союзной солидарности, либо же «переиграет»

Расшифровывая свое понимание национального интереса США и аргументируя тем самым необходимость изменения парадигмы отношений с союзниками, администрация Трампа использует на данном этапе дефиниции, которые адресованы в первую очередь настроениям широких слоев американских избирателей.

ситуацию в обратную сторону, вновь загнав тему трансатлантических связей на уровень неформальных коммуникаций, зависит от наличия условий, которые будут определять позицию действующего президента в отношении геостратегического приоритета трансатлантических связей. А эти условия, в свою очередь, будут зависеть от того, сложится ли межпартийный консенсус на сей счет в американской правящей элите. Другим обстоятельством явится содержание той политики, которую будут проводить в отношении Вашингтона европейские страны. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и влияние на трансатлантический контекст других международных факторов.

Логичным видится и перекладывание Д.Трампом ответственности за войну на Украине на европейских союзников, которые, а не американцы, согласно логике Вашингтона, и должны нести риск ответного удара со стороны России в случае дальнейшей эскалации конфликта.

Серьезную «ловушку» в связи с этим может иметь для Д.Трампа быстрое реформирование его оппонентами понимания военной взаимосвязи США и Европы, при которой стратегические ядерные силы США не были бы а priori привязаны к системе обороны союзников, выстроенной на новых началах. И в этом плане неудачное развитие «сценария» Украины, нацеленного на нейтрализацию стратегического ядерного щита России, отнюдь не означает окончательного отказа от попыток «перезапуска» этого «сценария» как такового. Только уже путем его корректировки, переноса акцента, к примеру, на перевооружение основных европейских союзников и появления у них возможности поражать цели в глубину российской территории.

В этой перспективе тема ослабления трансатлантических связей, на которую ориентировалась в течение целых десятилетий советская внешняя политика и которая все еще считается актуальной у части российского экспертного сообщества, смотрится скорее неправомерно идеализированной и наивной, на фоне системных объективных подвижек в отношениях США и европейских союзников, для выстраивания практической политики в отношении как США, так и стран зарубежной Европы.

Эта идея способна создавать идеологизированные иллюзорные ориентиры в отношениях России с группой западных стран, что, собственно, и имело место на протяжении советского исторического периода международных отношений. И она вряд ли может рассматриваться как адекватная нынешнему проблемному этапу международной обстановки. Более того, российские оппоненты на Западе заранее ожидают, что Россия продолжит провозглашать эти штампы в своем реагировании на эволюцию трансатлантических отношений США и Западной Европы. Получить свидетельства сохранения Россией такого рода внешнеполитических приоритетов является лишь стимулом для гипертрофирования «российской угрозы» Европе и для слома проявляющихся в системе трансатлантического сотрудничества рационально-прагматических тенденций.

Представляется, что в современных условиях центр тяжести российской внешней политики, в том что касается темы трансатлантических отношений, должен основываться, скорее, на понимании высокой степени риска слома существующих военно-стратегических балансов. И это диктует необходимость концентрации приоритетного внимания России на отношениях с США. Надо думать, что лишь принятие в кругах большей части американской элиты

внешнеполитической перспективы глобального баланса способно удерживать в прагматических рамках как систему российско-американских отношений, так и систему трансатлантического союзничества, предохраняя в том числе от попыток реализовать провокационные схемы с территории Европы, направленные на подрыв ядерного равновесия между обеими военными «сверхдержавами».

Таким образом, система трансатлантических отношений между США и европейскими союзниками по НАТО меняется. Администрация Д.Трампа де-факто формирует новый внешнеполитический «стандарт» американского подхода к трансатлантизму на предстоящую перспективу. Утвердится ли он, и в какой степени, либо будет вновь свернут к традиционному пониманию «трансатлантического единства» - привязке США к приоритетам европейской региональной группировки на базе Европейского союза, - от этого в конечном счете будет зависеть перспектива появления новой «точки отсчета» в определении геостратегической картины мира.

Источники и литература

1. Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова американским блогерам М.Науфалу, Л.Джонсону и Э.Наполитано. Москва, 12 марта 2025 г. // <https://mid.ru/ru/maps/fr/2002637/>
2. Joint Press Conference of President Trump and NATO Secretary General Stoltenberg // <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-nato-secretary-general-stoltenberg/>
3. Полный текст речи Джей Ди Вэнса на конференции по безопасности в Мюнхене (The White House, США). 16.02.2025 // ИноСМИ // <https://inosmi.ru/20250216/vens-271862680.html?ysclid=mg96ng1sy3353305253>
4. *Trump D., Shiflett D. The America We Deserve.* Los Angeles: Renaissance Books, 2000. P. 133.

Александр Панов

Чрезвычайный и Полномочный Посол, главный научный сотрудник Института США и Канады им. Г.А.Арбатова, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии, профессор МГИМО МИД РФ, доктор политических наук

panov.taishi@yandex.ru

Михаил Мотявин

Младший научный сотрудник Института США и Канады им. Г.А.Арбатова

m.motyavin@iskran.ru

Ключевые слова: *Корейский полуостров, стратегия «терпения-сдерживания» КНДР, северокорейская политика Д.Трампа в первый срок президентства, перспективы второго подхода Д.Трампа к проблематике Корейского полуострова.*

ПРЕЗИДЕНТ США Д.ТРАМП И ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В первый год своего президентского правления Д.Трамп, «неутомимый миротворец», остановил, по его утверждению, восемь войн и кризисов. В его списке проблем, представляющих угрозу миру и безопасности, числится, как можно понять, и ракетно-ядерная программа КНДР.

И в период предвыборной президентской кампании, и после повторного избрания президентом Д.Трамп неоднократно высказывался с сожалением о неудавшейся попытке покончить с «северокорейской ядерной угрозой» в первый срок своего президентства. Тем не менее он с теплотой вспоминал об установившихся в то время между ним и руководителем КНДР Ким Чен Ыном дружеских отношениях, высоко оценивал его лидерские качества, выражал надежду на возобновление доверительных контактов с ним.

Возникает вполне естественный интерес, совершит ли Д.Трамп второй раз вход в «одну и ту же реку «Ханган», соединяющую Север и Юг Кореи?

По просочившимся в средства массовой информации сведениям, полученным из президентского окружения, сотрудники Белого дома якобы получили указание прозондировать

перспективы возобновления контактов, через которые осуществлялась подготовка и проведение американо-северокорейских встреч на высшем уровне в 2018-2019 годах.

Прежде чем прогнозировать возможности Д.Трампа проявить свои «миротворческие усилия» по урегулированию проблем Корейского полуострова, целесообразно вернуться к итогам его первой попытки на этом направлении.

Неудавшийся гамбит

Анализ показывает, что в то время он отработал набор методик и приемов своего миротворчества, которые впоследствии, особенно после повторного президентства, активно использовал, пытаясь остановить вооруженные конфликты и урегулировать конфликтные ситуации.

Прежде всего Д.Трампа, отвергнув «стратегию терпения-сдерживания» КНДР, проводившуюся его предшественниками, президентами-демократами, развернул весной 2017 года комплексное силовое наступление на Пхеньян с целью заставить его отказаться от ядерного оружия.

К Корейскому полуострову были направлены авианосные соединения, осуществлены пролеты над ним американских стратегических бомбардировщиков с ядерным оружием, ужесточены антисеверокорейские санкции. Причем США добились при согласии Китая и России принятия дополнительных санкций под эгидой ООН.

Северокорейское руководство американский вызов приняло и ответило, согласно китайской стратегии, «острием против острия». Прежде всего последовал «ракетный ответ» - испытания межконтинентальных ракет, способных достичь территории США.

На угрозу Д.Трампа о том, что Пхеньян может «встретить огонь и ярость», северокорейский руководитель пообещал устроить американцам «море огня».

К концу 2017 года стало очевидно, что силовая стратегия не сработала, но привела к резкому обострению обстановки на Корейском полуострове, балансированию на грани открытого вооруженного конфликта.

В сохранившейся опасной тупиковой ситуации инициативу проявило северокорейское руководство. Были предприняты шаги по налаживанию отношений с Республикой Корея. 7 апреля 2018 года состоялась встреча лидеров Севера и Юга, завершившаяся подписанием совместной декларации, содержащей широкий набор договоренностей, направленных на формирование основы для снижения враждебности и напряженности в отношениях двух государств.

Руководитель КНДР Ким Чен Ын предпринял меры к улучшению отношений с Китаем и впервые после начала своего правления посетил Пекин в марте того же года. При этом он заявил о согласии с выдвинутым китайской стороной предложением о «двойной заморозке», предусматривавшей, что в качестве первого шага к урегулированию конфликта КНДР приостановит свою ядерную программу и пуски ракет, а США и РК приостановят совместные военные учения с антисеверокорейской направленностью.

Таким образом, американской стороне был послан сигнал о готовности Пхеньяна к переговорам. В лице Ким Чен Ына Д.Трампа встретил достойного партнера, способного, как и он, к неожиданным и неординарным шагам. Не исключено, что указанные сходные качества характеров двух лидеров поспособствовали установлению между ними отношений, которые они стали высоко оценивать.

Первый раунд противостояния руководитель КНДР явно выиграл. Д.Трампа был вынужден отказаться от силового, воинственного подхода и согласиться на личную встречу с Ким Чен Ыном.

12 июня 2018 года в Сингапуре состоялась, без преувеличения, историческая встреча руководителей США и КНДР. Было подписано совместное заявление, содержание которого могло бы стать важным этапом на пути к возможному построению двусторонних отношений нового качества. Более того, северокорейская сторона брала обязательство «работать на достижение полной денуклеаризации Корейского полуострова».

Д.Трамп после встречи заявил, что «покончил с ядерной угрозой Севера», отметил, что северокорейская сторона уже пошла на демонтаж полигонов для испытания ракетных двигателей. Он подтвердил готовность приостановить американо-южнокорейские военные учения.

Северокорейская сторона добилась того, что в совместном документе США впервые отметили возможность предоставления КНДР гарантий безопасности.

В лице Ким Чен Ына Д.Трамп встретил достойного партнера, способного, как и он, к неожиданным и неординарным шагам. Не исключено, что указанные сходные качества характеров двух лидеров поспособствовали установлению между ними отношений, которые они стали высоко оценивать.

Казалось, что открывался путь к нахождению варианта урегулирования сложного комплекса проблем Корейского полуострова.

Однако дальнейшие события стали развиваться по негативному сценарию. Как сетовал впоследствии Д.Трамп, его ближайшие советники не позволили ему привести начатый прогресс к успешному завершению.

Если использование грубой силовой политики в отношении Пхеньяна, грозящей вызвать открытое военное столкновение, не пользовалось единодуш-

ной поддержкой в администрации президента, то после сингапурского саммита верх стали брать те, кто считал, что президент сделал слишком много уступок северокорейской стороне без гарантий ее отказа от ракетно-ядерной программы. Они побудили главу Белого дома выдвинуть Пхеньяну дополнительные требования.

Это и было сделано на второй встрече Д.Трампа и Ким Чен Ына в Ханое в феврале 2019 года. Дополнительные требования включали обязательство северокорейской стороны предоставить информацию о количестве имеющихся у нее ядерных боезарядов и средств их доставки, согласиться на проверку этих данных международной инспекцией. Только после этого снималась бы часть санкций, а остальные сохранялись до завершения процесса денуклеаризации. Кроме того, Пхеньян должен был отказаться от обладания химическим и биологическим оружием. При этом Д.Трамп не стал обсуждать вопрос о предоставлении КНДР гарантий безопасности в случае заключения соглашения о северокорейском отказе от ядерного оружия.

Очевидно, что указанные требования не могли быть приняты северокорейским руководством.

Последняя попытка предотвратить переговорный процесс от полного краха была предпринята на третьей встрече на высшем уровне в конце июня 2019 года в Пханмунджоме, практически на границе, разделяющей РК и КНДР. Но и она окончилась без каких-либо договоренностей.

Постепенно начали нарастать кризисные явления в американо-северокорейских отношениях. И к концу 2019 года стало очевидно, что «северокорейский проект» Д.Трампа окончился безрезультатно.

После прихода к власти в США администрации Дж.Байдена американская политика в отношении КНДР вернулась к стратегии «стратегического терпения и сдерживания».

Вашингтон занимался созданием «кольца окружения» Китая из своих региональных союзников и партнеров. Была сформирована «тройка» - США, Япония, РК, не только с антикитайской, но и антисеверокорейской направленностью.

КНДР продолжала совершенствовать свою ракетную программу, создавая все новые виды средств доставки ядерных зарядов, включая ракеты подводного старта. Вместе с тем от проведения ядерных испытаний воздерживалась.

Не очень убедительные попытки американской администрации сообщить Пхеньяну о заинтересованности установить контакт с северокорейской стороной завершились ответом в том смысле, что северокорейскому руководству хорошо известна позиция Вашингтона в отношении КНДР и тратить время на «пустые разговоры» оно не намерено.

19 июня 2024 года произошло событие, коренным образом изменившее стратегическую обстановку в Северо-Восточной Азии, включая Корейский полуостров. В этот день между Россией и КНДР был заключен Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Согласно договору, носящему союзный характер, его участники будут готовы оказать вооруженную помощь партнеру, если он подвергнется агрессии.

Первый пример исполнения такого обязательства был продемонстрирован уже осенью 2024 года, когда военные подразделения северокорейских вооруженных сил приняли участие в боевых действиях по отражению нападения украинских войск на российскую территорию в Курской области.

Заклучив договор с Москвой, Пхеньян получил помимо Пекина, с которым имеет аналогичный договор с 1961 года, второго стратегического союзника и стал единственным в мире государством, имеющим союзнические отношения с двумя могущественными ядерными державами.

Перспективы второго подхода Д.Трампа к проблематике Корейского полуострова

Можно исходить из того, что Д.Трамп был осведомлен о заключении между Москвой и Пхеньяном договора о союзнических отношениях. Американские СМИ широко сообщали об участии северокорейских воинских подразделений в ликвидации украинской агрессии на территории Курской области. Не исключено, что помимо ностальгических воспоминаний о своих прошлых встречах и переговорах с северокорейским руководителем он задумался и о важности наверстать упущенное и в новой ситуации попытаться продемонстрировать необходимость учета американской роли во всех аспектах проблематики Корейского полуострова.

Первоначально Д.Трамп, касаясь темы своих отношений с Ким Чен Ыном, ограничивался высказываниями о том, что уважает сильных лидеров, тем более обладающих ядерным оружием, скучает по общению с северокорейским руководителем и надеется, что тот испытывает те же настроения. Каких-либо конкретных тем для обсуждения с ним он не затрагивал.

Северокорейская сторона публично на эти высказывания не отвечала до 28 июля 2025 года. В тот день северокорейские государственные СМИ опубликовали заявление сестры высшего руководителя КНДР, отвечающей в северокорейском руководстве за отношения Пхеньяна с США и РК.

В нем говорилось, что северокорейская сторона получила информацию о готовности Президента Д.Трампа к взаимодействию с северокорейским руководителем Ким Чен Ыном

с целью достижения полной денуклеаризации КНДР. При этом было особо подчеркнуто, что обстановка по сравнению с 2018 и 2019 годами изменилась и «если США не могут принять изменившуюся реальность и будут цепляться за несостоявшееся прошлое, встреча между КНДР и США останется надеждой американской стороны».

Было отмечено, что северокорейский руководитель не отрицает, что у него остались приятные впечатления от встреч с Д.Трампом и что личные отношения между ним и президентом «не так уж плохи». Однако если их личные отношения будут рассматриваться как способствующие денуклеаризации КНДР, то КНДР будет «рассматривать это как насмешку».

Таким образом, были достаточно четко сформулированы условия, при которых возможно возобновление американо-северокорейского диалога. А именно: признание США КНДР как ядерной державы и отсутствие какого-либо разговора об отказе Пхеньяна от ядерного оружия.

19 июня 2024 года произошло событие, коренным образом изменившее стратегическую обстановку в Северо-Восточной Азии, включая Корейский полуостров. В этот день между Россией и КНДР был заключен Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве.

Д.Трамп почти три месяца обдумывал ответ на позицию северокорейской стороны и озвучил ее в ходе своей поездки по ряду стран АТР в конце октября 2025 года. Прежде всего он подтвердил свою готовность с «удовольствием» встретиться с Ким Чен Ыном, особо отметив, что при посещении Республики Корея будет «находиться рядом» с ним. На вопрос журналистов о том, что США могли бы предложить руководителю КНДР в ходе такой встречи, Д.Трамп ответил, что для начала речь могла бы идти о «корректировке санк-

ций» [8]. Если это так, то тем самым он продемонстрировал намерение не затрагивать, по крайней мере в качестве главной, северокорейскую ядерную проблему.

Однако «love call» американского президента остался без ответа и встреча не состоялась.

Каких же действий можно ожидать от Президента Д.Трампа, если он действительно захочет проявить себя «миротворцем» и на Корейском полуострове?

Прежде всего, как справедливо было заявлено северокорейской стороной, обстановка радикально изменилась.

И дело далеко не в том, что Пхеньян за последние годы добился серьезных успехов в наращивании своего ракетного потенциала, а также увеличения, как признают эксперты, количества ядерных боеголовок.

В первую очередь произошел весьма значительный рост внешнеполитических позиций КНДР на мировой арене. Как уже отмечалось, решающую роль в этом сыграло заключение между Москвой и Пхеньяном союзного договора. Его подписание открыло путь к быстрому наращиванию политического, экономического, научно-технического, гуманитарного и, что особо важно, военного сотрудничества.

Нетрудно заметить, что российско-северокорейский договор оказал стимулирующее влияние и на активизацию китайско-северокорейских отношений, повышение уровня их политического и экономического взаимодействия. В октябре 2025 года было подписано двустороннее соглашение о поощрении культурных, образовательных и спортивных обменов.

Символом нового стратегического качества обстановки в Северо-Восточной Азии стало совместное участие в Пекине 3 сентября 2025 года высших руководителей Китая Си Цзиньпина,

России В.В.Путина, КНДР Ким Чен Ына в торжественных мероприятиях, посвященных празднованию 80-й годовщины победы китайского народа над японскими агрессорами.

Данное событие не прошло незамеченным американским президентом, который усмотрел в нем «антиамериканский заговор трех». Хотя это было сказано в полушутливой форме, однако очевидно, что в США и в целом на мировой арене оно было расценено как свидетельство появления нового влиятельного трехстороннего центра сотрудничества и взаимодействия.

КНДР начала все активнее преодолевать международную изоляцию. 10 октября 2025 года на праздновании 80-й годовщины создания Трудовой партии Кореи присутствовали председатель Государственного совета КНР, член Постоянного комитета Политбюро КПК Ли Цян, генеральный секретарь Лаосской Народно-революционной партии Тонкмуи Сисулит, заместитель председателя Совета Безопасности РФ Д.А.Медведев.

Очевидно, что в изменившихся условиях Пхеньян ощущает себя более уверенно и в большей безопасности, чем до заключения договора с Москвой. Его позиция относительно возможных переговоров с США имеет все основания быть еще более наступательной и запросной. Тем более что у северокорейского руководства имеется немалый опыт ведения переговоров с американской стороной и глубоко укоренившееся мнение, что ее представителям, включая президентов, доверять в плане выполнения достигнутых договоренностей следует весьма осмотрительно. Да и сами президенты далеко не всемогущи в принятии важных решений и подвержены немалому влиянию сотрудников администрации, разного рода советников, влиятельного лобби глубинного государства. Что и произошло в первый срок президентства Д.Трампа, когда его «благие намерения» в отношении КНДР были сведены ими к нулевому результату.

Подтверждение этому несложно увидеть и сейчас в том, что пока Д.Трамп заявлял о готовности встретиться с Ким Чен Ыном, Министерство финансов США 4 ноября 2025 года ввело санкции против восьми физических и двух юридических северокорейских лиц, которые, по его мнению, причастны к действиям, связанным с отмыванием денег в интересах финансирования программ производства вооружений в КНДР. В заявлении заместителя министра иностранных дел КНДР было отмечено, что, хотя это решение американских властей «наносит ущерб стране», оно следует «старому сценарию неудачного прошлого» и санкции не способны «изменить текущую стратегическую ситуацию между США и КНДР в пользу американской стороны» [4].

Приходится учитывать Президенту США и позицию своего союзника - Сеула. Но правда состоит в том, что, когда курс южнокорейского руководства начинает серьезно расходиться с мнением Белого дома, он нередко подвергается критике или игнорируется. Так, в первый президентский срок помощник Д.Трампа по национальной безопасности Дж.Болтон, настроенный на максимальное давление на Пхеньян, характеризовал политику Президента РК Мун Чжэ Ина, выступавшего за компромиссный подход к ведению дел с КНДР, как «глупость», «шизофрению» [9].

Были достаточно четко сформулированы условия, при которых возможно возобновление американо-северокорейского диалога. А именно: признание США КНДР как ядерной державы и отсутствие какого-либо разговора об отказе Пхеньяна от ядерного оружия.

Ли Чжэ Мён, избранный 4 июня 2025 года Президентом РК, уже в своих первых заявлениях после инаугурации, в том числе в выступлении 23 сентября на ГА ООН, высказывал намерение положить конец «порочному кругу ненужной военной напряженности в отношениях с Северной Кореей», чтобы добиться мирного сосуществования и совместного развития. Он отмечал, что северокорейскую ядерную проблему следует решать «поэтапно, исходя из трезвого понимания, что денуклеаризация не может быть достигнута в краткосрочной перспективе» [3].

Судя по этим высказываниям, на этот раз позиция южнокорейского президента не противоречит подходу американского президента к началу переговоров с руководителем КНДР. Известно, что заместитель министра вой-

ны по политическим вопросам Э.Колби придерживается того же мнения, что денуклеаризация Пхеньяна является малодостижимой целью, а США необходимо полностью сконцентрироваться на противостоянии Китаю, поскольку Северная Корея не представляет непосредственную угрозу для Вашингтона [6]. Государственный секретарь США М.Рубио считает первоначально важным изучить, как снизить риск непреднамеренной войны между Севером и Югом на Корейском полуострове. Очевидно, что

В изменившихся условиях Пхеньян ощущает себя более уверенно и в большей безопасности, чем до заключения договора с Москвой. Его позиция относительно возможных переговоров с США имеет все основания быть еще более наступательной и запросной.

за этим скрывается озабоченность неизбежной вовлеченности США в вооруженный конфликт в случае его возникновения [7].

Однако протянутую южнокорейским президентом «оливковую ветвь» Пхеньян не принял. Официально было заявлено, что «слепое доверие» Сеула к союзу с США и враждебность в отношении КНДР ничем не отличаются от антисеверокорейской политики предыдущего президента.

Не прошли незамеченными в Пхеньяне и заявления Ли Чжэ Мёна о готовности увеличить расходы на оборону страны и к 2030 году создать четвертую по величине оборонную промышленность в мире. Уже в настоящее время военный бюджет страны составляет 2,32% ВВП, а на 2026 год запланировано увеличить его на 8,2%, то есть доведя до 46 млрд долларов.

Кроме этого, Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК) прокомментировало совместный саммит США - РК в Кёнчжу и 57-е американско-южнокорейское заседание по вопросам безопасности как свидетельство о существовании конфронтационной политики в отношении КНДР. Замену выражения «полная денуклеаризация Корейского полуострова» на «полную денуклеаризацию Корейской Народно-Демократической Республики» оценили как отрицание самого существования КНДР [1].

Стоит заметить о наращивании количества совместных военных учений США - РК у берегов и на территории Корейского полуострова, частой переброске атомных авианосцев и стратегических бомбардировщиков в регион.

Прогнозируя возможность столкновения с Китаем в случае тайваньского вооруженного конфликта, в Вашингтоне не исключают, что в нем придется задействовать и американские вооруженные силы, дислоцируемые в РК.

Об этом южнокорейцев фактически предупредил министр войны США П.Хэгсет во время посещения РК в ноябре 2025 года, намекнувший на пресс-конференции, что в случае

необходимости реагировать на непредвиденные обстоятельства в регионе, американские войска, находящиеся на южнокорейской территории, помимо защиты союзника, будут использованы «для реагирования на это» [2]. В этой связи США не против того, чтобы Сеул наращивал собственные военные возможности и способности в большей степени самостоятельно противостоять КНДР. Вашингтон уже снял ограничения на производство южнокорейцами баллистических ракет дальностью свыше 200 км. По итогам переговоров, состоявшихся в РК 29 октября 2025 года между президентами двух стран, США «разрешили» Сеулу иметь атомные подводные лодки, которые предстоит построить на верфи Филадельфии, которую приобрела южнокорейская компания. При этом Ли Чжэ Мён обосновал свою просьбу обзавестись АПЛ необходимостью «отслеживать» подводные лодки КНДР и Китая [7].

Администрация Д.Трампа подтверждает гарантии «ядерного зонтика» США и следует договоренностям, зафиксированным в декларации, принятой по итогам американо-южнокорейских переговоров на высшем уровне в Вашингтоне в конце апреля 2023 года. В соответствии с договоренностями в южнокорейские порты заходят американские АПЛ, проводятся регулярные заседания двусторонней консультативной группы по ядерным вопросам, созданной по аналогу ядерных консультаций США с НАТО. По данным северокорейской стороны, осуществляются масштабные учения по отработке превентивного ядерного удара по КНДР [5].

Примечательно, что Республика Корея стала первой страной вне НАТО, которая обещала увеличить расходы на оборону до 3,5%, за что получила оценку от Вашингтона - «образцовый союзник».

Очевидно, что наращивание вооруженных сил РК, антисеверокорейское американо-южнокорейское взаимодействие в широком спектре военных приготовлений неизбежно будет использовано Пхеньяном на возможных переговорах с Вашингтоном в качестве доказательства необходимости иметь ракетно-ядерный потенциал для обеспечения безопасности страны.

В настоящее время КНДР, опираясь на свой определенного уровня ракетно-ядерный потенциал и союзнические отношения с Россией и Китаем, осознает, что находится в большей безопасности, чем прежде. Это дает основание Пхеньяну вести себя более уверенно в отношении США и, конечно, РК. Хотя по-прежнему северокорейская сторона негативно реагирует на американо-южнокорейские маневры и другие свидетельства активизации отношений Вашингтона и Сеула в военной сфере, заметно, что градус ее озабоченности и «предупреждения об ответных мерах» понизился.

Возможно ли в сложившейся ситуации возобновление прямого общения Д.Трампа и Ким Чен Ына и при каких условиях?

Позиция Пхеньяна изложена максимально ясно и кратко - признание США ядерного статуса КНДР и снятие санкций. Остается непроясненным, на какие компромиссы при этом будет готова северокорейская сторона.

Об американской позиции, если она и есть, известно только из расплывчатых высказываний Д.Трампа, смысл которых - «давайте поговорим, возможно, о санкциях».

В настоящее время КНДР, опираясь на свой определенного уровня ракетно-ядерный потенциал и союзнические отношения с Россией и Китаем, осознает, что находится в большей безопасности, чем прежде. Это дает основание Пхеньяну вести себя более уверенно в отношении США и, конечно, РК.

Таким образом, информации о намерениях сторон на переговорах, если они все же состоятся, недостаточно для того, чтобы прогнозировать их содержание и развитие.

Возвращаясь к позиции Д.Трампа в его «первый подход» к попытке найти путь к «снятию северокорейской ракетно-ядерной проблемы» и корректируя ее с нынешней изменившейся обстановкой, можно попробовать порассуждать на тему возможного содержания американо-северокорейских переговоров.

Нельзя исключать, что, «обидевшись» на нежелание Ким Чен Ына пойти на встречу с ним без предварительных условий, о которых он уже заявил, Д.Трамп может пригрозить размещением на территории РК ядерного оружия. Очевидно, что такой шаг, скорее всего, не приведет к уступкам со стороны Пхеньяна, но вызовет серьезную напряженность на Корейском полуострове и жесткую реакцию России и Китая.

Возможно, что в ходе неофициальных контактов американской и северокорейской сторон содержание переговоров могло бы выглядеть, на наш взгляд, следующим образом.

США, не признавая открыто ядерный статус КНДР, не будут настаивать на денуклеаризации, но предложат «временно заморозить» северокорейскую ракетно-ядерную программу. Взамен возьмут обязательство отказаться от визитов американских АПЛ в южнокорейские порты и прекратить полеты своих самолетов с ядерным оружием в районе Корейского полуострова. А также обязуются не размещать тактическое ядерное оружие на территории РК и не давать разрешения Сеулу на производство собственного ядерного потенциала.

КНДР может быть, согласится «заморозить» разработку межконтинентальной ракеты, способной достичь американской территории, и не возобновлять ядерные испытания.

В запросной позиции северокорейская сторона будет настаивать на полном снятии санкций, обеспечении гарантий безопасности, дипломатическом признании КНДР, выводе американских войск из РК. Со своей стороны обязуется не осуществлять нападение на США и РК при отсутствии «провокаций» с их стороны.

Безусловно, перечисленные компромиссы выглядят излишне оптимистично.

Более реалистичным представляется пессимистический сценарий. Предварительный зондаж, скорее всего, покажет неготовность сторон идти на существенные компромиссы, а без них какие-либо серьезные договоренности невозможны.

В результате на Корейском полуострове будет сохраняться статус-кво, который в настоящее время, как представляется, устраивает все стороны.

Серьезных причин для обострения обстановки, тем более для вооруженных столкновений, не просматривается.

КНДР имеет основания чувствовать себя в достаточной степени уверенной с точки зрения обеспечения своей безопасности.

Президент Д.Трамп вряд ли пойдет на подрыв своего имиджа «миротворца», перейдя от позитивных сигналов Пхеньяну к силовой политике.

РК после заключения между Москвой и Пхеньяном союзного договора проявила довольно значительную обеспокоенность. Однако пришла к выводу, что договор позволяет Сеулу рассчитывать на то, что Россия, незаинтересованная в появлении очага напряженности на своих дальневосточных границах, будет оказывать соответствующее сдерживающее воздействие на Пхеньян в случае его «чрезмерной реакции» на инциденты в отношениях с Югом. Вместе с тем Сеул продолжает тревожить возможность передачи Пхеньяну передовых российских военных технологий.

Главная задача политики России в отношении обстановки в СВА, как подчеркнул министр иностранных дел С.В.Лавров, выступая на международной конференции по евразийской

безопасности в Минске 28 октября 2025 года, заключается в том, чтобы не допустить силовых сценариев на Корейском полуострове.

Источники и литература

1. Уважаемый товарищ Ким Чен Ын нанес поздравительный визит в Министерство государственной безопасности по случаю 80-летнего юбилея органа государственной безопасности // Московский комсомолец. 19.11.2025 // <https://hab.mk.ru/politics/2025/11/19/uvazhaemyu-tovarishh-kim-chen-yn-nanes-pozdravitelnyy-vizit-v-ministerstvo-gosudarstvennoy-bezopasnosti-po-sluchayu-80letnego-yubileya-organa-gosudarstvennoy-bezopasnosti.html> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Hegseth visits inter-Korean border ahead of security talks with South Korean officials // The Asahi Shimbun. November 4, 2025 // <https://www.asahi.com/ajw/articles/16134089> (accessed 07.11.2025).
3. Jooheon Kim. US defense official highlights ROK's leading role in defense against DPRK // NK News. August 6, 2025 // <https://www.nknews.org/2025/08/us-defense-official-highlights-roks-leading-role-in-defense-against-dprk/> (accessed 22.09.2025).
4. North Korea Says Antagonised by US Sanctions, Will Respond // The Japan News. November 6, 2025 // <https://japannews.yomiuri.co.jp/news-services/reuters/20251106-291049/> (accessed 07.11.2025).
5. Press Statement of Kim Yo Jong, Vice Department Director of C.C., WPK // KCNA. March 3, 2025 // <http://kcna.kp/en/article/q/5a3983ce547beac76a3afdbcf6159dd.kcmsf> (accessed 23.09.2025).
6. Rubio says he'll explore ways to lower risks of 'inadvertent' inter-Korean war // The Korea Times. January 1, 2025 // <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/northkorea/20250116/rubio-says-hell-explore-how-to-lower-risks-of-inadvertent-inter-korean-war-keep-other-states-from-seeking-nuclear-arms> (accessed 22.09.2025).
7. S. Korea's Possession of Nuclear Submarines: Nuclear Nonproliferation, Enhancing Deterrence are Key Aspects // The Japan News. November 6, 2025 // <https://japannews.yomiuri.co.jp/editorial/yomiuri-editorial/20251106-291116/> (accessed 07.11.2025).
8. Trump Open to Extending Asia Trip to Meet with Kim Jong Un // The Japan News. October 28, 2025 // <https://japannews.yomiuri.co.jp/news-services/washingtonpost/20251028-289302> (accessed 01.11.2025).
9. Bolton John. The room where it happened. A White House Memoir. 2020.

Александр Брегадзе

Чрезвычайный и Полномочный Посол

toma-nalbandyan@mail.ru

Ключевые слова: *Республика Джибути, история возникновения и формирования, российско-джибутийские отношения.*

РЕСПУБЛИКА ДЖИБУТИ: «МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ»

Республика Джибути (Джибути) - действительно весьма небольшое государство на северо-востоке Африки, занимающее территорию всего 23 150 кв. км, с населением около 1,2 млн человек, примерно половина которого проживает в одноименной столице - Джибути.

Очевидно, что «дороговизна» этого «малого золотника» кроется в его особом геостратегическом положении в районе Африканского Рога. В частности, на востоке территория Республики Джибути омывается водами Аденского залива и Баб-эль-Мандебского пролива, на севере граничит с Эритреей, на западе и юго-западе - с Эфиопией, на юго-востоке - с непризнанным Сомалилендом, территория которого считается международным сообществом частью Сомали. Протяженность морской границы Республики Джибути 370 км.

Поэтому именно с ее территории в основном обеспечивается и контролируется бесперебойная работа международной морской двусторонней транспортной артерии, пролегающей через Баб-эль-Мандебский пролив по Красному морю до Суэцкого канала, по которой ежегодно проходит около 27 тыс. судов, то есть примерно 30% всей мировой торговли и 60% торговли между Европой и Азией.

Примечательно, что столь важная роль Джибути в этом регионе в какой-то мере «предначтена судьбой», ибо заложена в самом названии страны. Так, согласно местным легендам,

упоминающимся в одном из наиболее авторитетных исследований истории возникновения и формирования Республики Джибути французских авторов Ф.Оберле и П.Юго¹, «Джибути» означает «место, где было повержено чудовище». Как повествуют легенды, «чудовище» (некий кровожадный хищник) нападало не только на домашних животных, но и на людей, которые, в конце концов объединившись, избавились от него.

Конечно, сегодня «чудовище» ассоциируется в этом регионе прежде всего с пиратством и международным терроризмом, о проявлениях преступной деятельности которых регулярно сообщается в мировых СМИ. Однако, как известно, «воз и ныне там», несмотря на то что в этом регионе все нагляднее наблюдается активизация наращивания объемов вооружений и деятельности многочисленных военных баз и военно-морских сил иностранных государств, что не может не вызывать беспокойства из-за столь массивной милитаризации Африканского Рога, «не перестающего бодаться»...

Как все начиналось?

История формирования и становления Республики Джибути полна бурных событий, связанных с борьбой за влияние в этом столь важном в геостратегическом плане регионе между арабами, эфиопами, португальцами, турками, итальянцами, англичанами, французами... Была даже попытка обосноваться там и со стороны Российской империи.

В VII веке примерно нынешняя территория страны попала под власть арабских султанатов, получив название «Афарский султанат» (афары - одна из основных этнических групп Джибути - около 35% населения, наряду с представителями северных сомалийских народностей - исса и исаак - около 55%). С 1862 года Джибути являлась колонией Франции под названием «Французский берег Сомали». Именно Франция начала достаточно активно развивать портовые услуги в районе города Обок в связи с открытием 17 ноября 1869 года Суэцкого канала. Через эту территорию продолжилось и более активное освоение Восточной Африки. В частности, в конце XIX века началось строительство порта Джибути и железной дороги Джибути - Аддис-Абеба (Эфиопия, население которой сегодня составляет около 130 млн человек). Введение в эксплуатацию уже совместной джибутийско-эфиопской железной дороги (1917 г.) превратило город Джибути с его портом в важный военно-стратегический пункт Франции в Индийском океане.

В 1946 году колония получила статус «заморской территории» Франции. В 1967 году она была переименована во «Французскую территорию афаров и исса». На референдуме 8 мая 1977 года 98,7% населения этой французской территории, принявшего участие в голосовании, высказалось в пользу предоставления ей независимости, которая была провозглашена 27 июня 1977 года. Первым президентом страны стал лидер местной «Африканской народной лиги за независимость», бывший член Сената Франции Хасан Гулед Аптидон, бессменно руководивший страной до мая 1999 года (в 1979 г. он возглавил партию «Народное объединение за прогресс», созданную им на базе вышеупомянутой Лиги; скончался в конце 2006 г.).

В мае 1999 года ему на смену пришел Исмаил Омар Гелле - нынешний Президент Республики Джибути, который, согласно местной Конституции, является верховным главнокомандующим, имеет серьезное влияние на правительство. Исполнительная власть

С территории Джибути контролируется работа международной морской транспортной артерии, пролегающей через Баб-эль-Мандебский пролив по Красному морю до Суэцкого канала, по которой ежегодно проходит около 27 тыс. судов, то есть примерно 30% всей мировой торговли и 60% торговли между Европой и Азией.

осуществляется президентом и правительством (Советом министров). Правительство возглавляется премьер-министром.

Законодательные функции осуществляет однопалатный парламент - Национальное собрание, в состав которого входят 65 депутатов, избираемых на пятилетний срок. Нынешний председатель Национального собрания Дилейта Мохамед Дилейта длительное время возглавлял правительство, в состав которого входил в качестве министра иностранных дел нынешний председатель Комиссии Африканского Союза Мохамед Али Юсуф, избранный на этот пост 15 февраля 2025 года и посетивший Москву в этом качестве в начале мая того же года. Оба они весьма опытные и уважаемые в своей стране политики, которых высоко ценит Президент И.О.Гелле (в народе его «по-свойски» и с большим почтением именуют «ИОГ»).

Кстати, местное население отличается добродушием по отношению к иностранцам, в том числе, видимо, и за счет понимания взаимной заинтересованности в их пребывании на джибутийской земле.

В Джибути исторически сформировались достаточно крупные эфиопская и йеменская диаспоры, а также европейская - преимущественно французы, с учетом их особой исторической роли в «освоении» этой территории. Отсюда и лидирующая роль французского языка во внутри- и межгосударственном общении, наряду с арабским, поскольку в регионе до фран-

цузов, как уже упоминалось, доминировали арабы. Коренные народности больше предпочитают общаться между собой на своих языках - сомалийском и афарском.

Основная религия - ислам суннитского толка.

В административном плане Республика Джибути делится на пять округов - по названиям их административных центров - Али-Сабье, Дикиль, Обок, Таджура, Арта и город Джибути, имеющий особый статус столичного административного центра.

Введение в эксплуатацию уже совместной джибутийско-эфиопской железной дороги (1917 г.) превратило город Джибути с его портом в важный военно-стратегический пункт Франции в Индийском океане.

Страну отличают достаточно суровые условия проживания, особенно для иностранцев. В частности, вся территория Республики Джибути входит в зону повышенной сейсмичности, что ощущается достаточно регулярно. Климат - влажный, жаркий, пустынный; с ноября по апрель средняя температура колеблется от + 26°C до + 31°C, а с мая по октябрь - от + 37°C до + 45°C и нередко доходит до + 50°C. Отсюда еще одно неофициальное название Джибути - «сковородка мира». При этом суровые климатические условия скрашиваются красотой пейзажей, многочисленных живописных заливов, разнообразием и богатством подводного мира, что особенно привлекает к Джибути любителей подводного плавания.

Однако очевидно, что никакие климатические трудности или природные красоты этой страны не берутся в расчет при оценке, как уже неоднократно упоминалось, чрезвычайной важности ее особого геостратегического положения. При этом следует признать, что джибутийское руководство во главе с Президентом И.О.Гелле весьма прагматично, если не сказать с большим искусством использует этот фактор для развития страны, значительная часть территории которой фактически сдается в аренду. Неслучайно Джибути порой также называют «страной военных баз», арендные платежи которых приносят в бюджет страны, по различным оценкам, более 125 млн долларов в год.

В настоящее время на территории Республики Джибути расположены военные базы Франции, Испании, Германии, Италии, США, Китая, Японии, Саудовской Аравии. И, судя по всему, это не предел...

Французское военное присутствие в этой стране насчитывает около 150 лет. После получения Джибути независимости от Франции в 1977 году ее военное присутствие было оформлено соответствующим договором, который регулярно возобновлялся, в частности в 2011 и 2024 годах. Согласно последнему Договору о сотрудничестве в сфере обороны, срок действия которого составляет 20 лет, на территории Джибути сохраняется самый многочисленный военный контингент Франции за рубежом численностью в 1500 человек. При этом Франция обязалась построить в Джибути новый аэропорт, а также создать совместное представительство Агентства космических исследований. За счет этого сохранена прежняя арендная плата в 30 млн евро. При подписании договора И.О.Гелле подтвердил, что обе страны связывают «привилегированные отношения»².

США разместили в Джибути свой военный контингент в 2001 году в рамках операции «Несокрушимая свобода», спровоцированной событиями 11 сентября в Нью-Йорке. Процесс проходил не без проблем, так как американцы заняли противоположную сторону взлетной полосы аэропорта Джибути, где издавна размещались французские ВС. Понадобилось время и терпение с обеих сторон, чтобы упорядочить ритм совместного использования взлетной полосы, которая к тому же предоставлялась гражданским самолетам иностранных авиакомпаний. Американский военный контингент насчитывает 4 тыс. человек и находится в подчинении Африканского командования ВС США (Африком) со штаб-квартирой в пригороде немецкого города Штутгарта. Ежегодная аренда обходится американцам в 63 млн долларов; кроме того, 7 млн долларов они ежегодно перечисляли Джибути, по крайней мере до последнего времени, по линии USAID.

В 2000-х годах к войне против международного терроризма к США присоединились некоторые из их союзников, упоминавшихся выше, в частности Германия, Испания, Италия, Япония. Сравнительно небольшие военные контингенты этих стран по-прежнему участвуют в операции «Несокрушимая свобода».

Особо следует остановиться на военном присутствии с 2017 года в Республике Джибути Китая, являющегося к тому же ее основным торгово-экономическим партнером. Строительство военной базы КНР официально связано с реализацией проекта «Морского шелкового пути XXI века», инициированного китайским руководством в 2013 году. Очевидно, что этот проект предполагает расширение не только торговли, но и китайского военно-морского присутствия в Мировом океане. Видимо, неслучайно новый торговый порт-терминал Дорале, который теперь фактически превратился в основной транспортный узел Джибути, находится «через дорогу» от китайской военной базы. При этом один из шести портовых причалов отведен под китайские военные корабли.

Примечательно, что до февраля 2018 года портом Дорале управляла дубайская компания «DP World» («Международные дубайские порты»), на которую еще в начале 2000-х годов сделал ставку И.О.Гелле, рассчитывая превратить Джибути во «второй Дубай». Однако

В настоящее время на территории Республики Джибути расположены военные базы Франции, Испании, Германии, Италии, США, Китая, Японии, Саудовской Аравии.

достаточно быстро он переориентировался на Китай, понимая, что эта страна намерена не только «управлять» портом, но и осуществлять через него значительную часть своей международной торговли. Неспроста именно терминалом Дорале заканчивается построенная китайцами в 2011-2017 годах и полностью запущенная 1 января 2018 года новая железная дорога Аддис-Абеба - Джибути, которая, в частности, призвана обслуживать большую часть внешней торговли 130-миллионной Эфиопии.

С 2017 года началось военное присутствие в Джибути Саудовской Аравии, для которой важнейшей задачей является укрепление морской блокады йеменских хуситов и ограничение влияния в этом регионе Ирана.

Примеру Республики Джибути пытаются следовать два ее ближайших соседа - Эритрея и непризнанный Сомалиленд. Тем не менее именно Джибути исторически удерживает

пальму первенства в этой сфере, обладая не только явным геостратегическим преимуществом, которым в свое время воспользовалась Франция, но также политической стабильностью и сравнительно более развитой инфраструктурой.

Очевидно, что процесс активизации торгово-экономической конкуренции в регионе Африканского Рога и значение Баб-эль-Мандебского пролива в данном контексте взаимосвязаны, как и возможная перспектива дальнейшего расширения там

иностранным военно-политическим присутствия. Остается лишь надеяться, что это не приведет к военному противостоянию присутствующих в Джибути игроков, которые вынуждены отстаивать свои интересы, видимо, единственно пока возможным в современных реалиях путем, то есть с опорой на свои вооруженные силы, не забывая, конечно, при этом о возможностях дипломатии.

Следует признать, что в складывающейся ситуации в регионе Африканского Рога и с учетом общего международного контекста джибутийское руководство во главе с Президентом И.О.Гелле мудро маневрирует, успешно отстаивая интересы своей страны и подтверждая тем самым известную русскую поговорку «Мал золотник, да дорог».

В заключение хотелось бы вернуться к попытке Российской империи обосноваться в регионе Африканского Рога. Ее предпринял, вероятно с негласного одобрения Санкт-Петербурга, казачий атаман Н.И.Ашинов, который в 1882 году возглавил экспедицию в Абиссинию (прежнее название Эфиопии). Официально это мероприятие было приурочено к 900-летию Крещения Руси и ставило целью политическое и «духовное сближение» с православной Абиссинией. Недаром среди участников экспедиции в 150 человек находились 50 послушников «духовной миссии» под руководством архимандрита Паисия, которых сопровождали около 100 хорошо вооруженных терских казаков (некоторые из них были с семьями). Одновременно Ашиновым ставилась задача организации в этом регионе угольных складов для «дозаправки» российских кораблей в случае их появления там. Экспедиция добралась на зафрахтованном Ашиновым корабле до форта Сагаллу (в то время заброшенный египетский форт, уже контролировавшийся Францией). Ашинов назвал территорию форта «Станицей Москва», или «Новой Москвой» и объявил ее владением Российской империи.

Действия атамана Ашинова, включая попытку установления военного контроля над территорией «Новой Москвы», привели к конфликту с французскими колониальными властями, которые после неудачной попытки переговоров атаковали форт и интернировали оставшихся в живых членов экспедиции, включая Ашинова, в Европу, передав их затем российским властям.

Есть свидетельства того, что Н.И.Ашинов не оставлял надежды реализовать свою «абиссинскую миссию»³. С этой целью он якобы направил в 1891 году царю Александру III письмо с предложением своих новых услуг по освоению африканского континента.

Следует признать, что в среде ученых-африканистов отношение к Н.И.Ашинову и его «абиссинской миссии» неоднозначно. Доминирует версия о том, что эта миссия, все же негласно поддержанная российскими властями (там будто прослеживался и английский след), изначально учитывала все риски, в том числе и политические: в случае ее успеха Ашинов, видимо, мог бы рассчитывать на признание и поощрение, но в случае провала - на забвение.

Тем не менее «миссия Ашинова» - весьма незаурядное событие в истории российско-африканских отношений, заслуживающее его достойного увековечивания. Почему бы в связи с этим не согласовать с джибутийскими властями, особенно в контексте нынешнего сближения интересов России и Африканского союза, возможность установки памятной доски или символического памятника в районе Сагаллу в память об «абиссинской миссии» атамана Ашинова?

Это тем более было бы уместно на фоне наблюдающейся сегодня явной позитивной динамики развития российско-джибутийских отношений в сферах культуры, образования, межцерковных контактов, науки. В последнем случае речь, в частности, идет об открывающихся перспективах сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, в том числе в рамках второго этапа джибутийской космической программы на 2025-2030 годы, реализуемой под лозунгом «Мыслями в небе, ногами на Земле».

Весьма прагматичный подход, как, впрочем, и вся внешняя и внутренняя политика джибутийского руководства во главе с Президентом И.О.Гелле, максимально реалистично использующего особое геостратегическое положение Республики Джибути в ее интересах.

¹*Oberlé Ph., Hugot P. Histoire de Djibouti. Des origines à la République. Paris: Présence Africaine, 1985. P. 70.*

²Журнал «Жён Африк». 2024. Декабрь.

³Подробно «абиссинская миссия» Н.И.Ашинова описана в книге кандидата исторических наук,

старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН А.В.Хренкова «Русские в Африке: путешественники, разведчики, авантюристы». М.: Солон-Пресс, 2024.

Иван Кравченко

*Старший советник Генерального секретариата
МИД России, кандидат политических наук*

kravt-iv@yandex.ru

Ключевые слова: *компилирование, нежелание осмысливать, эпистемическая безопасность, информационная конкуренция, критическое мышление.*

ЕСЛИ СЛЕПОЙ ВЕДЕТ СЛЕПОГО

Мы разучились думать. Перестали создавать новое и качественное, предпочитая живой мысли искусственные, «выращенные в пробирках» смысловые полуфабрикаты. Ленимся быть инженерами собственного сознания, променяв креативную искру на дешевый ширпотреб, который подсовывает нам информационный маркетинг. Ведь гораздо проще пользоваться готовыми нарративными блоками как кубиками в детском конструкторе, чем генерировать что-то свое.

Мышление превращается в компилирование, игру шаблонами. Как следствие, мы не желаем самостоятельно анализировать, попадая в пагубную зависимость от поставщиков готовой информпродукции. Интеллектуальная жизнь увядает в ожидании у корыта, в которое периодически подкидывают корм. Атрофируется инстинкт информационного добытчика: человек теряет способность искать и находить пищу для ума, выбирать из имеющегося наиболее качественное и выгодное. Он просто поглощает все что дают. Но подобная «всеядность» индивида отнюдь не повышает его социальную конкурентоспособность. Ее итогом становятся деградация и инфантилизм. Неспособность и, что самое печальное, нежелание осмысливать происходящее, сопоставлять события, делать выводы.

Нетребовательность и апатичная покорность потребителя информации приводит к полному отсутствию уважения к нему со стороны ее производителей. Теперь можно не следить за качеством своего товара, ведь и так «пипп хавает». Людям теперь можно скормить любые «информпомои», они все смиренно проглотят и еще встанут в очередь за добавкой. Главное, не снижать интенсивности потока, поддерживая постоянное чувство пресыщенности, забывая, подобно гипнозу, все каналы восприятия.

Этому как нельзя лучше способствует и состояние окружающей нас медиасреды, то, что по Э.Тоффлеру называется «клип-культурой»¹ (массив «коротких, модульных всплесков информации... в скоротечной, бессвязной форме»). Не нужно заморачиваться с логикой изложения, аргументацией, обоснованием - лишь бы было ярко, громко и много. Медиамир регрессирует от состязательного интеллектуального ринга к грязной базарной площади, где полуграмотные, хамоватые торгаши пытаются переорать друг друга, дабы завлечь к своему лотку и обвесить-обсчитать очередного зеваку, подсовывая не нужный ему товар. Методы безудержной конкуренции за наше внимание далеки от каких-либо критериев истинности, понятий порядочности и этических ограничителей. Они основаны на эксплуатации всего, что уводит человека от рациональности, - инстинктов, чувств, эмоций.

Некоторые представители глобального правящего класса, не желая инвестировать в смену данного тренда, закономерно стремятся эту вакханалию возглавить. Любым контролирующим обществом силам, на первый взгляд, выгодно состояние ментальной зависимости и управляемости индивида, что гарантирует наименее затратное превращение его в ресурс власти. Однако такой подход крайне недальновиден и в стратегической перспективе губителен как для государства, так и для самих элит (если они себя со своим государством не отождествляют).

В современном сетевом мире руководящие касты не могут полностью отделить себя от того общества, в котором и за чей счет они существуют. Это то окружение, большинство простых людей, в котором их представители формируются как личности, с которым они всю жизнь вынуждены взаимодействовать. А интеллектуальный уровень социальной среды всегда определяет уровень развития индивида. Значит, элиты будут тупеть вместе с теми, кого они пытаются сделать дурачками. У гнилой рыбы голова свежей не бывает.

Тем более это касается и непосредственно контактирующей с «большими боссами» прослойки «ответственных исполнителей», обслуживающих и приближенных. Не все идиоты одинаково полезны. А вот деструктивный потенциал однозначно заложен в каждом из них, вне зависимости от того, насколько они лояльны или свои. И проявляться он будет абсолютно во всем: в необходимости самостоятельно принимать верные решения в критических ситуациях, разработке перспективных проектов, наконец, в элементарном качестве исполнения поручений, не говоря уже про деликатные. Итог такого служения «верой и правдой» печально предсказуем.

Еще один немаловажный момент. В любой стране информационное поле не может быть на сто процентов обособленным. Как его искусственно не закрывай, оно в определенной степени остается интегрированным в глобальную медиасферу. А здесь никто не отменял конкуренции, жестокой и беспринципной. На каждый свой «тезис для продвижения», на каждую родную «методичку» будут тысячи других, предлагающих иную версию «правды, только правды и ничего, кроме правды». Нет гарантий, что неспособному критически мыслить потребителю не придется по вкусу продукция конкурирующих сил. И он станет батарейкой в чужих инструментах социальной инженерии.

Получается, что в стратегической перспективе качество мышления среднестатистического гражданина, его способность адекватно оценивать реальность, принимать верные решения и противостоять манипуляции являются важным элементом национальной безопасности. Эта связь уже достаточно давно исследуется - есть интересные, заслуживающие внимания разработки.

Как наиболее яркий и любопытный пример, приведу доклад британского Института Алана Тьюринга, подготовленный группой авторов во главе с Э.Сегер. У них данный аспект выделяется как самостоятельный объект изучения и обозначен термином «эпистемическая безопасность» (epistemic security)². На этом хочу остановиться подробнее.

Суть понятия охватывает широкий междисциплинарный спектр. От уровня индивида - сохранения «истинности» научных знаний, умения анализировать и отделять информационные

зерна от плевел³ - до государственных масштабов - надежности и защищенности процессов производства, получения, распространения и потребления информации, координации информпотоков в обществе от целенаправленного или случайного пагубного воздействия⁴.

Среди новых вызовов человечеству в этой сфере на первом месте - вредоносная деятельность «противника» (adversaries)⁵, сознательно искажающего информацию в своих интересах, и «заблуждающихся» (blunderers), кто верит фейкам и неосознанно их распространяет. На втором - дефицит внимания в условиях многочисленности и скорости информпотоков и когнитивное искажение при восприятии и осмыслении происходящего. На третьем - появление замкнутых, «островных» сообществ с прочно устоявшимся особым мировоззрением, отвергающих любую информацию, противоречащую их взглядам. На четвертом месте - поляризация взглядов и обострение идейного соперничества между такими группами. И наконец, технологии создания контента и растущее число «посредников» передачи информации от производителя до потребителя осложняют оценку объективности первоисточника, что приводит к эрозии доверия.

Критически мыслящая общественная среда - базис, фундаментальный фактор для определения истинности и продвижения наиболее полезной информации как основы для принятия решений, в том числе и на государственном уровне. Она способна выровнять перекосы и нивелировать ущерб, даже если деятельность самих государственных акторов начинает подрывать безопасность государства. В частности, бесконтрольная цензура, бездумное подавление инакомыслия и повальная маргинализация несогласных рассматриваются как вызовы, равные по степени вреда откровенной дезинформации.

Среди мер укрепления эпистемической безопасности контрольно-запретительные, безусловно, важны: методики выявления вредоносной активности, механизмы, в том числе и правовые, «повышения стоимости» генерирования и распространения неподтвержденной или откровенно сфальсифицированной информации для «противника» и «заблуждающихся». Но основная масса рекомендаций сводится к формам социальной поддержки: внедрению институциональных и технических механизмов верификации достоверных информационных источников для рядового потребителя. Сюда же относится и «усиление мощности сигнала»⁶ для выверенных данных, которые могут сформировать базис для принятия решений, при этом оценки подобной информации от различных слоев общества и заинтересованных групп будут только на пользу. Ставится также задача систематизировать и объединить профильные разработки, создать сеть экспертов по вопросам эпистемической безопасности, анализировать «враждебные сценарии» с позиции противника.

Актуальность и возрастающая востребованность подобных исследований заключается в их прикладном характере и кумулятивном эффекте: интеграции знаний в широком диапазоне социальных и технических дисциплин. Они способны кратно укрепить информационный иммунитет общества и государства, позволяют выстраивать прочные, глубоко эшелонированные системы медиаобороны.

Внедрение данных наработок в практику информпротивоборства дает возможность не только с наименьшими потерями отражать любые атаки, но и выявлять их подготовку на ранних стадиях. Определять потенциальных союзников и противников в медиасфере. Хорошо подготовленному специалисту достаточно беглого взгляда на любой контент, чтобы по смысловым оттенкам, акцентировкам, лексическому окрасу без труда определить, чью «методичку» отрабатывает автор и в интересах какой группы влияния подготовлен материал. То есть по сути это уже существенный элемент OSINT-систем - разведки и контрразведки на основе открытых источников.

Ценность изысканий по эпистемической безопасности универсальна. Они затрагивают интересы не только первичной целевой аудитории: тех, кто принимает государственные

решения или обеспечивает данные процессы. Первым они помогут сохранить власть, вторым - не лишиться работы. Эти тезисы и постулаты будут неизбежно просачиваться, пусть в упрощенной форме, и достигать широкого круга читателей, заставляя всех нас в очередной раз задуматься, в каком мире живем, куда этот мир движется и выгодно ли нам безвольно дрейфовать по течению, деградируя и превращаясь в бездумных социальных насекомых.

Отказ от живой мысли и творчества вернет всем нам оковы рабства. Только на этот раз не правового и экономического, а когнитивного, что гораздо страшнее. Такая кабала ослепляет, начисто лишает индивида перспективы осознать свое рабское положение, понять, какому хозяину и с какой целью он служит. Перед нами обезличенный одноразовый человек-функция, приводимый в действие простым набором информационных феромонов. Желанная и самая выгодная мишень для любых медиадиверсий.

Пускать подобные тенденции на самотек, а тем более поощрять и пытаться на этом что-то заработать - смертельно опасно для любого государства. Массовая утрата умственно развитых и трезвомыслящих людей, не говоря уже об интеллектуальной элите, неизбежно обернется экзистенциальными потерями. Эпистемический вызов перерастет в прямую угрозу госбезопасности. Никто не подскажет выход из политического тупика, в который загонят стратегов подобострастные и недалекие советчики. Никто не поможет найти решение, когда страна окажется в кризисе.

Наконец, всегда следует помнить, что носители креативности и инновационного потенциала - мощнейший движитель эволюции любого государства и общества, способный разогнать экономику в разы быстрее нефти, газа и всех редкоземельных металлов вместе взятых. Идея всегда правит ресурсами. Те, у кого есть Идея и Технология, всегда подчиняют себе тех, у кого есть ресурсы. Первые станут метрополией, вторые останутся колонией.

История человечества давно доказала следующее. Можно воспитывать общество безмозглой черни, систематически обирая ее, паразитируя на тех жалких грошах, которые она зарабатывает. Но доход от превращения людей в скот будет минимальным. И недолгим. Ведь рано или поздно у этих несчастных просто ничего не останется. И они либо вымрут, либо, озверев от отчаяния, поднимут бунт, сметая все и всех на своем пути.

А можно вкладывать в интеллектуальное развитие социума, выявлять, поддерживать и продвигать таланты, обеспечивать свободную конкурентную атмосферу, где всем хватает кислорода. Тогда, как отмечал Э.Тоффлер, «под влиянием «поумневшей» окружающей среды умнее станут и сами люди»⁷. Эти умные, способные заработать несравненно больше, сами начнут генерировать доход стране и обществу, осознавая сонаправленность государственных интересов со своими личными.

¹Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 277-278.

²Sege E., Avin S., Pearson G., Briers M., Ó Heigeartaigh S., Bacon H. Tackling threats to informed decision-making in democratic societies. Promoting epistemic security in a technologically-advanced world / The Alan Turing Institute. 2020 // https://www.turing.ac.uk/sites/default/files/2020-10/epistemic-security-report_final.pdf

³Sege E. The greatest security threat of the post-truth age / BBC. 10.02.2021 // <https://www.bbc.com/future/article/20210209-the-greatest-security-threat-of-the-post-truth-age>

⁴Sege E. et al. Op. cit.

⁵Здесь и далее - перевод автора.

⁶Sege E. et al. Op. cit.

⁷Тоффлер Э. Op. cit.

Сергей Гриняев

Главный научный сотрудник Центра арктических исследований отдела страновых исследований Института Европы РАН, доктор технических наук

sgreen@csef.ru

Ключевые слова: международные отношения, безопасность, НАТО, научно-технологическая стратегия, искусственный интеллект, информационные технологии, трансатлантическое сотрудничество, перевооружение, европейская безопасность, вызовы для России.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ОРГАНИЗАЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ В НАТО В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕННОЙ СТРАТЕГИИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Современная международная обстановка характеризуется возрастающей конкуренцией в научно-технологической сфере, что обуславливает необходимость пересмотра подходов к организации и реализации научно-исследовательских работ в ведущих военно-политических блоках. Принятие НАТО в июне 2025 года обновленной Стратегии в области науки и технологий (далее - Стратегия) стало ответом Альянса на вызовы, связанные с быстрым развитием технологий двойного назначения¹. Введение новой системы управления научно-исследовательскими программами, реструктуризация Совместной программы работ (Collaborative Programme of Work - CPoW) и создание групп по координации потенциала (Capability Coordination Groups - CCGs) отражают стремление Альянса повысить эффективность интеграции научных достижений в процессы военного строительства и оборонного планирования. Важным фактором становится анализ опыта применения новых технологий в современных конфликтах, что позволяет корректировать приоритеты исследований и разрабатывать эффективные механизмы реагирования на возникающие угрозы [2].

Приоритеты научно-технологического развития НАТО до 2030 года

Обновленная Стратегия определяет долгосрочные ориентиры развития научно-исследовательской деятельности НАТО, отражая как внутренние потребности Альянса, так и внешние вызовы, связанные с изменением характера современных угроз. Центральное место в документе занимает формирование условий технологического превосходства, что предполагает не только развитие собственных научно-исследовательских компетенций, но и обеспечение быстрого внедрения инноваций в военную практику. В числе ключевых приоритетов выделяются совершенствование систем многоуровневой обороны, развитие возможностей в области кибербезопасности, интеграция новых информационных технологий и искусственного интеллекта, а также повышение устойчивости и адаптивности систем управления и связи. Особое внимание уделяется развитию боевых платформ, предназначенных для планирования и ведения многодоменных операций², что отражает стремление НАТО к обеспечению оперативной совместимости и гибкости реагирования на комплексные угрозы.

В Стратегии подчеркивается необходимость ускорения трансфера технологий из гражданского сектора в военную сферу, что реализуется через реструктуризацию Совместной программы работ и создание специализированных групп по координации потенциала, охватывающих ключевые направления, - воздушные, космические, сухопутные, морские, кибернетические, моделирование и симуляция, устойчивость и многодоменные операции. Такой подход позволяет повысить эффективность распределения ресурсов, обеспечить координацию усилий между научными, промышленными и военными структурами, а также создать условия для оперативного внедрения результатов исследований в процессы перевооружения.

Важной особенностью Стратегии является акцент на развитии технологий двойного назначения, что обусловлено необходимостью реагирования на быстро меняющийся характер угроз и повышением роли негосударственных акторов в сфере безопасности. Стратегия предусматривает активное взаимодействие с частным сектором, научными учреждениями и международными партнерами с целью создания гибкой и адаптивной системы научно-технологического развития. В результате формируется комплексная программа, ориентированная на обеспечение технологической автономии Альянса, минимизацию технологических разрывов и повышение устойчивости к внешним воздействиям.

Наиболее актуальные и значимые направления исследований включают разработку новых систем противовоздушной и противоракетной обороны, совершенствование средств радиоэлектронной борьбы, развитие платформ для применения автономных и полуавтономных боевых платформ в многодоменных операциях, а также создание

Принятие НАТО в июне 2025 года обновленной Стратегии в области науки и технологий стало ответом Альянса на вызовы, связанные с быстрым развитием технологий двойного назначения.

интегрированных систем управления и анализа больших данных. Особое внимание уделяется вопросам этики, надежности и устойчивости функционирования интеллектуальных систем, что отражает стремление НАТО к обеспечению безопасности и предсказуемости применения новых технологий в военной сфере.

В целом можно отметить, что приоритеты научно-технологического развития НАТО до 2030 года формируются с учетом необходимости обеспечения стратегического баланса, поддержания технологического лидерства и повышения эффективности коллективной обороны в условиях нарастающего дисбаланса международной системы безопасности [3]. Стратегия предусматривает постоянную корректировку приоритетов с учетом изменений в характере угроз и развития новых технологических тенденций, что обеспечивает гибкость и адаптивность научно-исследовательской деятельности Альянса.

Соотношение научно-технологической деятельности НАТО и геополитической обстановки

Современная научно-технологическая деятельность НАТО формируется в условиях значительного усложнения международной обстановки, что обусловлено не только нарастанием конкуренции с Россией и Китаем, но и расширением спектра угроз, связанных с деятельностью негосударственных акторов, киберпреступности и распространением технологий двойного назначения. Геополитическая динамика последних лет, включая обострение конфликтов на восточных и южных рубежах Альянса, а также изменение

баланса сил в глобальном масштабе требуют от НАТО постоянного пересмотра научно-технических приоритетов и адаптации исследовательских программ к новым условиям [4].

Научно-исследовательская деятельность Альянса становится неотъемлемой частью стратегии коллективной обороны, что проявляется в акценте на разработке технологий, способных обеспечить оперативное реагирование на широкий спектр угроз - от традиционных военных до гибридных³.

Важным элементом становится инте-

грация научных исследований в процессы стратегического планирования и оборонного строительства, что реализуется через проведение регулярных учений, моделирование сценариев развития угроз и анализ уязвимостей оборонных систем.

Результаты учений, в частности Cold Brew 2045⁴, которые проходят на базе Центра объединенного противоборства (Joint Warfare Centre - JWC, одного из ключевых центров НАТО, занятого подготовкой и моделированием совместных операций, размещается в Норвегии), демонстрируют стремление НАТО к опережающему анализу последствий внедрения новых технологий в военную сферу. В ходе учений анализируются сценарии применения перспективных технологий, оценивается их влияние на структуру и динамику конфликтов, а также выявляются потенциальные уязвимости и возможности для

Центральное место в документе занимает формирование условий технологического превосходства, что предполагает не только развитие собственных научно-исследовательских компетенций, но и обеспечение быстрого внедрения инноваций в военную практику.

совершенствования оборонных систем. Такой подход позволяет не только выявлять направления для дальнейших исследований, но и формировать единую повестку в условиях разнородности интересов участников Альянса.

Безусловно, текущая геополитическая обстановка оказывает все более значительное влияние на формирование научно-технической политики НАТО, что проявляется в акценте на развитии технологий, обеспечивающих стратегическую автономию, минимизацию зависимости от внешних поставщиков и повышение устойчивости критической инфраструктуры. Особое внимание уделяется вопросам кибербезопасности, защите информационного пространства и разработке средств противодействия информационно-психологическим операциям. Научные исследования в этих областях становятся приоритетными, что отражает необходимость реагирования на новые формы конфликтов и обеспечения устойчивости систем управления и связи⁵.

Важным аспектом становится также взаимодействие с международными партнерами и организациями, что позволяет расширять научно-техническую базу, обмениваться опытом и координировать усилия по противодействию транснациональным угрозам. В условиях нарастающей фрагментации международной системы научно-исследовательская деятельность НАТО приобретает характер многоуровневого взаимодействия, что требует постоянного согласования интересов, обмена информацией и выработки единых стандартов в области научно-технической политики⁶.

Таким образом, научно-технологическая деятельность НАТО тесно связана с геополитической обстановкой, что проявляется в фокусировании на развитии технологий, обеспечивающих стратегическую автономию, повышении устойчивости и гибкости оборонных систем, а также в интеграции научных исследований в процессы стратегического планирования и коллективной обороны. Такой подход позволяет Альянсу сохранять технологическое лидерство и эффективно реагировать на изменения в характере современных угроз.

Влияние трансатлантических взаимодействий на научную деятельность НАТО

Трансатлантическое сотрудничество между европейскими странами и США традиционно является фундаментом научно-технической политики НАТО, определяя как стратегические приоритеты, так и механизмы реализации исследовательских программ [5]. Однако в последние годы наблюдается существенное усложнение структуры взаимодействий, что обусловлено как изменением баланса сил внутри альянса, так и ростом стремления европейских государств к усилению собственной роли в формировании научной повестки.

В рамках обновленной Стратегии наблюдается тенденция к децентрализации научно-исследовательской деятельности, что проявляется в развитии национальных исследовательских центров, создании консорциумов и расширении программ обмена между европейскими странами. Европейские государства акцентируют внимание на развитии автономных исследовательских программ, снижении зависимости от американских технологий и формировании собственных научно-технических компетенций. Это проявляется также в увеличении объемов финансирования национальных программ, создании специализированных институтов и активном участии в международных научных проектах.

В то же время США продолжают играть ключевую роль в определении стратегических направлений научно-исследовательской деятельности НАТО, обеспечивая финансирование крупных проектов, предоставляя доступ к передовым технологиям и формируя стандарты в области научно-технической политики [5]. Американские исследовательские центры и корпорации по-прежнему активно участвуют в реализации совместных программ, что способствует интеграции результатов исследований в процессы перевооружения и модернизации вооруженных сил Альянса.

Приоритеты научно-технологического развития НАТО до 2030 года формируются с учетом необходимости обеспечения стратегического баланса, поддержания технологического лидерства и повышения эффективности коллективной обороны в условиях нарастающего дисбаланса международной системы безопасности.

Тем не менее проблемы трансатлантического взаимодействия проявляются в необходимости согласования приоритетов, распределения ответственности и обеспечения совместимости результатов исследований. В условиях разнородности интересов участников Альянса возникает потребность в создании эффективных механизмов координации, обмена информацией и контроля за реализацией программ. В этом вопросе

значимую роль играют как раз группы координации потенциала, которые обеспечивают упорядочение усилий по основным направлениям исследований и способствуют интеграции результатов в процессы стратегического планирования.

Особое внимание уделяется вопросам интеллектуальной собственности, обмена технологиями и обеспечения безопасности научных данных. В условиях нарастающей конкуренции трансатлантическое сотрудничество становится не только инструментом развития научно-технического потенциала, но и элементом стратегии коллективной безопасности.

В результате научная работа в НАТО приобретает характер многоуровневого взаимодействия, в котором сочетаются элементы конкуренции и кооперации, что требует постоянного согласования интересов, оптимизации распределения ресурсов и выработки единых стандартов в области научно-технической политики. Такой подход обеспечивает гибкость и устойчивость научно-исследовательской деятельности Альянса, позволяя эффективно реагировать на изменения в международной обстановке и поддерживать технологическое лидерство в условиях нарастающей конкуренции.

Стратегия НАТО и программа перевооружения Европы до 2030 года

Актуализация стратегии НАТО в области науки и технологий совпала с принятием Европейской комиссией новых инициатив, направленных на ускорение оборонно-промышленной интеграции и технологической модернизации государств - членов ЕС. Ключевым элементом европейского подхода выступает Европейская программа оборонной промышленности (EDIP), представленная в марте 2025 года⁷, которая впервые вводит комплексные меры по координации национальных программ вооружения, стимулированию совместных закупок и поддержке инновационных исследований в оборонной

сфере. Взаимодействие между НАТО и Европейским союзом на данном этапе приобретает стратегический характер, поскольку обе структуры стремятся к формированию устойчивой, технологически современной и взаимосовместимой оборонной архитектуры Европы.

В рамках EDIP Европейская комиссия определяет четыре ключевых направления: координация оборонных инвестиций, развитие совместных производственных цепочек, ускорение внедрения инноваций и обеспечение устойчивости поставок. Программа предусматривает создание единого координационного механизма, который позволяет государствам - членам ЕС синхронизировать национальные планы перевооружения, избегать дублирования разработок и повышать эффективность использования бюджетных средств. Особое внимание уделяется формированию общеевропейских стандартов и процедур, что соответствует целям НАТО по обеспечению оперативной совместимости вооруженных сил союзников.

С точки зрения научно-технической политики EDIP дополняет стратегию НАТО, акцентируя внимание на необходимости ускоренного внедрения результатов исследований в серийное производство и эксплуатацию новых образцов вооружения. Европейские инициативы предусматривают расширение финансирования опытно-конструкторских работ, поддержку трансграничных научных консорциумов и создание центров компетенций в приоритетных областях, таких как искусственный интеллект, кибербезопасность, автономные системы и новые материалы. Взаимодействие между программами НАТО и ЕС реализуется через согласование приоритетов исследований, обмен экспертными оценками и совместное проведение технологических демонстраций.

Результаты стратегических учений показали, что интеграция усилий НАТО и ЕС в области научных исследований и перевооружения позволяет не только повысить устойчивость оборонных систем, но и ускорить процесс внедрения инноваций в военную практику. Учения также выявили необходимость создания гибких механизмов обмена информацией, совместного тестирования перспективных технологий и быстрого реагирования на появление новых угроз.

Важным аспектом становится формирование единого европейского оборонного рынка, что способствует снижению зависимости от внешних поставщиков, диверсификации производственных цепочек и повышению технологической автономии региона. Европейская комиссия подчеркивает, что реализация EDIP и сопряженных с ней инициатив позволит государствам - членам ЕС перейти от фрагментированных национальных программ к интегрированной системе оборонных закупок и научных исследований⁸. Это, в свою очередь, соответствует целям НАТО по обеспечению технологического доминирования, оперативной совместимости и эффективного распределения ресурсов среди союзников [6].

Научно-исследовательская деятельность Альянса становится неотъемлемой частью стратегии коллективной обороны, что проявляется в акценте на разработке технологий, способных обеспечить оперативное реагирование на широкий спектр угроз - от традиционных военных до гибридных.

Таким образом, стратегия НАТО и программа перевооружения Европы до 2030 года формируют взаимодополняющую систему, в которой научно-техническое сотрудничество, интеграция производственных цепочек и координация оборонных инвестиций становятся ключевыми факторами обеспечения устойчивости и эффективности европейской обороны [7]. Синергия между инициативами НАТО и ЕС позволяет ускорить внедрение инноваций, повысить технологическую автономию и сформировать гибкую архитектуру коллективной безопасности в условиях нарастающих внешних вызовов⁹.

Роль новых информационных технологий и искусственного интеллекта

В структуре научных исследований НАТО особое место занимают новые информационные технологии и системы искусственного интеллекта, что обусловлено их ключевой ролью в обеспечении технологического превосходства и повышении эффективности военных операций¹⁰. Интеграция этих технологий рассматривается как стратегический приоритет, что отражается в акценте на разработке платформ для автономных и полуавтономных операций, анализе больших данных, совершенствовании систем управления и связи, а также развитии средств кибербезопасности [7].

Опыт применения новых информационных технологий и систем на основе искусственного интеллекта в современных конфликтах, в частности на Украине и теперь уже в Иране, анализируется с целью выявления уязвимостей, оптимизации алгоритмов при-

нятия решений и совершенствования методов ведения боевых действий. Европейские исследовательские центры сосредотачивают свое внимание на разработке систем автономного управления, анализе больших данных, защите критической инфраструктуры и обеспечении устойчивости информационных систем. Особое значение уделяется вопросам надежности и устойчивости функционирования интеллектуальных систем, что обусловлено необходимостью

В рамках реализации Стратегии НАТО 2025 года четко прослеживается тенденция к развитию национальных и трансграничных исследовательских проектов, отражающих специализацию отдельных стран - членов Альянса.

предотвращения неконтролируемого применения автономных платформ и обеспечения предсказуемости их поведения в боевых условиях¹¹.

Важной тенденцией становится развитие технологий двойного назначения, что позволяет использовать достижения гражданского сектора для совершенствования военных систем. Интеграция новых информационных технологий и искусственного интеллекта осуществляется через создание специализированных исследовательских центров, проведение совместных проектов с промышленными компаниями и научными учреждениями, а также разработку единых стандартов и протоколов для обеспечения совместимости и безопасности систем.

Опыт конфликтов на Украине и частично уже в Иране показывает, что применение новых технологий позволяет существенно повысить эффективность разведки, управления

войсками, координации действий и обеспечения устойчивости коммуникаций. В то же время выявляются уязвимости, связанные с возможностью кибернетических атак, нарушением работы систем управления и связи, а также необходимостью обеспечения защиты критической инфраструктуры. Анализ этих факторов становится основой для корректировки исследовательских программ, разработки новых методов защиты и совершенствования алгоритмов функционирования интеллектуальных систем.

В целом роль новых информационных технологий и искусственного интеллекта в научных исследованиях НАТО определяется их способностью обеспечивать технологическое превосходство, повышать эффективность военных операций и создавать условия для оперативного реагирования на новые виды угроз. Интеграция этих технологий становится ключевым элементом стратегии научно-технического развития Альянса, что отражается в акценте на развитии автономных платформ, совершенствовании систем управления и связи, а также обеспечении кибербезопасности и устойчивости критической инфраструктуры.

Специализация европейских государств в реализации новой Стратегии НАТО

В рамках реализации Стратегии НАТО 2025 года четко прослеживается тенденция к развитию национальных и транснациональных исследовательских проектов, отражающих специализацию отдельных стран - членов Альянса. Такая специализация обусловлена как исторически сложившимися научно-техническими компетенциями, так и политико-экономическими приоритетами национальных правительств и оборонных ведомств. В результате формируется распределенная сеть исследовательских и производственных центров, интегрированных в единую архитектуру научно-технической поддержки НАТО.

Германия традиционно занимает лидирующие позиции в разработке и внедрении платформ для многодоменных операций и интегрированных систем управления [9]. Одним из ключевых проектов, реализуемых при ведущем участии Германии, является программа создания перспективного комплекса авиационного вооружения, включающая пилотируемые и беспилотные летательные аппараты, а также системы искусственного интеллекта для управления воздушными операциями (Future Combat Air System - FCAS). Германия также активно участвует в развитии европейской системы противовоздушной и противоракетной обороны Европейская инициатива «Небесный щит» (European Sky Shield Initiative - ESSI), координируя исследовательские работы по интеграции средств обнаружения, перехвата и управления в единую сеть.

Франция фокусируется на разработке новых поколений морских платформ, автономных надводных и подводных аппаратов, а также систем радиоэлектронной борьбы. В числе значимых проектов - «Европейский патрульный корвет» (European Patrol Corvette - EPC), в рамках которого Франция совместно с Италией и Испанией разрабатывает универсальные патрульные корабли с расширенными возможностями интеграции беспилотных систем и средств ситуационной осведомленности. Французские исследовательские центры также занимают значимую позицию в области создания систем радиоэлектронной разведки и средств противодействия высокоточным вооружениям, разрабатывая решения для повышения устойчивости морских и воздушных платформ к современным угрозам.

Великобритания традиционно специализируется на технологиях кибербезопасности, радиоэлектронной разведки и автономных систем. Ведущим проектом является проект «Буря» (Tempest) - программа создания истребителя шестого поколения, предусматривающая интеграцию алгоритмов искусственного интеллекта, стелс-технологий и новых средств радиоэлектронной борьбы. Великобритания также реализует инициативы по

В условиях активизации гибридных воздействий со стороны недружественных государств Россия реализует комплекс мер по противодействию иностранному вмешательству во внутренние дела.

развитию национальных и многонациональных центров кибербезопасности, в том числе в рамках НАТО Совместного центра передового опыта в области киберзащиты, размещенного в Таллине (Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence - CCDCOE), где британские специалисты координируют исследования по защите критической инфраструктуры и реагированию на киберугрозы [10].

Италия и Испания активно развивают технологии в сфере морских и воздушных платформ, участвуя в проектах по созданию многоцелевых кораблей, беспилотных летательных аппаратов и систем противолодочной обороны. Италия, в частности, реализует программу разработки перспективной подводной лодки U212 NFS, ориентированной на интеграцию новейших средств обнаружения, связи и автономного управления. Испания, в свою очередь, участвует в проекте «Дистанционно управляемая авиационная средневысотная система с длительным временем автономности» (Medium Altitude Long Endurance Remotely Piloted Aircraft System - MALE RPAS), направленном на создание беспилотных авиационных комплексов для разведки и наблюдения в интересах НАТО.

Италия и Испания активно развивают технологии в сфере морских и воздушных платформ, участвуя

в проектах по созданию многоцелевых кораблей, беспилотных летательных аппаратов и систем противолодочной обороны. Италия, в частности, реализует программу разработки перспективной подводной лодки U212 NFS, ориентированной на интеграцию новейших средств обнаружения, связи и автономного управления. Испания, в свою очередь, участвует в проекте «Дистанционно управляемая авиационная средневысотная система с длительным временем автономности» (Medium Altitude Long Endurance Remotely Piloted Aircraft System - MALE RPAS), направленном на создание беспилотных авиационных комплексов для разведки и наблюдения в интересах НАТО.

Польша, Румыния и Чехия акцентируют внимание на модернизации инфраструктуры, интеграции национальных научных центров и институтов в архитектуру Альянса и развитии средств противодействия гибридным угрозам. Так, Польша реализует проект «Wisła» по созданию интегрированной системы противовоздушной и противоракетной обороны, предусматривающий поставку и адаптацию американских комплексов «Patriot», а также развитие национальных средств радиоэлектронной борьбы. Румыния участвует в проектах по модернизации средств связи и командования, а также в создании совместных исследовательских центров в области кибербезопасности.

Примером успешной кооперации и результатом работы групп координации является деятельность Центра морских исследований и экспериментов НАТО (Centre for Maritime Research and Experimentation - CMRE), базирующегося в Италии, где реализуются проекты по разработке автономных морских платформ и средств подводного наблюдения с участием специалистов из Франции, Италии, Испании и других стран. Результаты проведенных учений подтвердили эффективность распределенной специализации, позволив отработать сценарии интеграции национальных систем в условиях многодоменных операций и выявить направления для дальнейшего развития исследовательских программ. Анализ их итогов показал, что специализация отдельных стран способствует ускоренному внедрению инноваций, повышению технологической автономии и формированию гибкой архитектуры коллективной безопасности НАТО.

Угрозы и вызовы для Российской Федерации и пути их парирования

Анализ обновленной научно-технологической стратегии НАТО и результатов недавних учений сил Альянса свидетельствует о существенном изменении баланса угроз для Российской Федерации. Новая архитектура научно-исследовательской деятельности Альянса, нацеленная на ускоренную интеграцию передовых технологий двойного назначения, развитие многодоменных операций и кибернетических средств воздействия, формирует для России новый стратегический ландшафт, требующий системного ответа на государственном уровне [8].

Среди ключевых угроз выделяется снижение порога применения высокоточных и автономных систем вооружения, что увеличивает вероятность быстрого эскалационного сценария в случае кризиса. Внедрение в силах НАТО интегрированных платформ управления, основанных на широком применении алгоритмов искусственного интеллекта и анализа больших данных, создает условия для повышения эффективности разведки, целеуказания и управления войсками, что потенциально снижает время реагирования на внешние угрозы и усложняет задачи стратегического сдерживания.

Особое значение приобретают кибернетические угрозы и развитие средств радиоэлектронной борьбы. Кроме того, современные тенденции в развитии средств киберразведки и информационно-психологического воздействия требуют от Российской Федерации постоянного совершенствования соответствующих национальных систем и средств защиты информационного пространства.

Важным аспектом становится интеграция усилий НАТО и Европейского союза в области оборонных исследований и перевооружения, что ведет к формированию единой технологической базы и ускоряет внедрение инноваций в военную практику [1]. Синергия между программами НАТО и ЕС, в частности в сферах автономных систем, искусственного интеллекта и новых материалов, увеличивает технологический разрыв и требует от России активизации собственных научно-исследовательских программ.

В ответ Российская Федерация реализует комплекс мер в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (утверждена постановлением Правительства РФ от 29.03.2019 г. №377, с изменениями и дополнениями), направленной на обеспечение технологической независимости, развитие критических технологий и укрепление научно-технического потенциала страны¹². Программа предусматривает развитие национальных исследовательских центров мирового уровня, поддержку фундаментальных и прикладных исследований, стимулирование инновационной активности и создание условий для ускоренного внедрения результатов научных разработок в промышленность и оборонный сектор.

В рамках программы формируется система мониторинга и анализа зарубежных научно-технических тенденций, что позволяет своевременно выявлять критические направления исследований в НАТО и ЕС и разрабатывать асимметричные меры реагирования.

Важной задачей становится интеграция науки, образования и промышленности. Программа предусматривает и меры по международному научному сотрудничеству, обмену опытом и интеграции российских исследовательских коллективов в глобальное научное пространство, что способствует повышению конкурентоспособности отечественных разработок.

В условиях нарастающей конкуренции и технологического давления со стороны НАТО и ЕС государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» обеспечивает системный подход к парированию внешних вызовов, укреплению научно-технического суверенитета и поддержанию стратегического баланса. Реализация программы способствует формированию устойчивой национальной инновационной системы, способной эффективно реагировать на современные угрозы и обеспечивать долгосрочное развитие страны в условиях глобальных трансформаций.

В дополнение к реализации этой программы предпринимается широкий спектр мер, направленных на парирование новых вызовов, формируемых трансформацией военной и научно-технической политики НАТО и ЕС.

Важнейшим направлением реагирования становится совершенствование системы стратегического сдерживания. В последние годы Россия обновила ключевые положения своей ядерной доктрины¹³, расширив перечень условий, при которых возможно применение ядерного потенциала, что призвано повысить уровень стратегической неопределенности для потенциальных противников и минимизировать риск внезапной эскалации. Одновременно проводится модернизация средств доставки и систем управления ядерными силами, что обеспечивает поддержание баланса в условиях ускоренного развития высокоточных неядерных вооружений у государств НАТО.

Значительное внимание уделяется укреплению национальной системы кибербезопасности. Введен запрет на использование иностранных средств защиты информации в критически важных отраслях, что позволяет снизить уязвимость инфраструктуры перед внешними киберугрозами¹⁴. Создаются специализированные отраслевые центры компетенций по информационной безопасности, обеспечивающие мониторинг, выявление и нейтрализацию компьютерных атак, а также повышение квалификации кадрового состава в данной области. Развиваются отечественные технологии криптографической защиты, что способствует формированию суверенной цифровой среды.

В условиях активизации гибридных воздействий со стороны недружественных государств Россия реализует комплекс мер по противодействию иностранному вмешательству во внутренние дела. Усилены механизмы выявления и пресечения деятельности иностранных агентов и нежелательных организаций, расширен перечень блокируемых интернет-ресурсов, распространяющих деструктивную информацию. Принята обновленная стратегия противодействия экстремизму, учитывающая современные формы информационно-психологического воздействия и диверсионно-террористической активности¹⁵.

Особое значение приобретает развитие союзнических форм взаимодействия в оборонной сфере. Заключение двусторонних соглашений о гарантиях безопасности, в том числе с Республикой Беларусь¹⁶, а также формирование единого оборонного пространства Союзного государства позволяют повысить уровень координации и оперативного реагирования на возможные угрозы со стороны НАТО. Развертывание современных средств радиоэлектронной борьбы и противоракетной обороны на западных рубежах России и Беларуси служит дополнительным элементом стратегического сдерживания.

В ответ на санкционное давление и попытки технологической изоляции реализуются асимметричные меры, направленные на обеспечение устойчивости национальной экономики и оборонно-промышленного комплекса. В частности, расширяется импортозамещение в критических секторах, стимулируется развитие отечественных производствен-

ных цепочек и поддерживается экспорт российской высокотехнологичной продукции на альтернативные рынки.

Таким образом, реагирование Российской Федерации на новые угрозы носит комплексный и многоуровневый характер, сочетая развитие научно-технического потенциала с совершенствованием системы стратегического сдерживания, укреплением кибербезопасности, противодействием гибридным воздействиям и расширением союзнических форм сотрудничества. Такой подход обеспечивает гибкость и адаптивность национальной системы безопасности в условиях динамично меняющейся международной обстановки.

В дальнейшем для эффективного парирования угроз, исходящих от научно-технологической политики НАТО, Российской Федерации необходимо продолжать развитие национальной научно-технической базы, совершенствовать механизмы интеграции науки и производства, а также укреплять международное сотрудничество в приоритетных областях исследований и технологий [11]. Системный мониторинг зарубежных тенденций, поддержка отечественных инноваций и развитие кадрового потенциала позволят обеспечить устойчивое научно-технологическое развитие и защиту национальных интересов в долгосрочной перспективе.

Заключение

Анализ трансформаций в организации и реализации научно-исследовательских работ в НАТО позволяет сделать вывод о формировании новой парадигмы научно-технического развития Альянса, ориентированной на обеспечение технологического превосходства, повышение устойчивости и эффективности коллективной обороны в условиях нарастающей нестабильности международной системы безопасности. Обновленная Стратегия в области науки и технологий, принятая в 2025 году, определяет долгосрочные приоритеты, механизмы и направления развития научно-исследовательской деятельности, акцентируя внимание на интеграции новых информационных технологий, искусственного интеллекта и кибербезопасности.

Взаимодействие европейских и североамериканских участников Альянса приобретает характер многоуровневой кооперации, что требует постоянного согласования интересов, оптимизации распределения ресурсов и выработки единых стандартов в области научно-технической политики. Специализация европейских государств и формирование распределенной сети исследовательских центров обеспечивают гибкость, устойчивость и эффективность научно-технической политики НАТО, способствуют формированию единой архитектуры научно-технической поддержки перевооружения и модернизации вооруженных сил.

Для Российской Федерации анализ тенденций в научно-технической деятельности Альянса позволяет выявлять новые угрозы, разрабатывать эффективные меры по их парированию и обеспечивать поддержание стратегического баланса в условиях нарастающей международной конкуренции. Практическая значимость исследования заключается в формировании объективной базы для оценки перспектив развития научно-технического потенциала НАТО и выработки стратегических решений в сфере национальной безопасности, что способствует укреплению позиций Российской Федерации на международной арене и обеспечению устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

- ¹NATO releases new Science & Technology Strategy. NATO. 11.06.2025 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_236107.htm (accessed 17.06.2025).
- ²Alliance Concept for Multi-Domain Operations, Enclosure 1 to SH/SDP/SDF/TT-010038CT/SPP/CNDV/TT-5856, NATO. 10.03.2023 // URL: <https://www.act.nato.int/activities/multi-domainoperations/> (accessed 12.01.2024).
- ³Science and Technology Macro Trends 2025-2045. NATO // URL: https://sto-trends.com/assets/briefing-papers/NATO_STO_Science_and_Technology_Trends_2025_2045_Volume_1_English.pdf (accessed 22.06.2025).
- ⁴Cold Brew 2045. NATO. 14.03.2025 // URL: <https://events.jwc.nato.int/event/376> (accessed 03.03.2025).
- ⁵Science and Technology Macro Trends 2025–2045. NATO // URL: https://sto-trends.com/assets/briefing-papers/NATO_STO_Science_and_Technology_Trends_2025_2045_Volume_1_English.pdf (accessed 22.06.2025).
- ⁶NATO Intelligence, Surveillance and Reconnaissance Force (NISRF). NATO. 25.03.2025 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48892.htm (accessed 22.06.2025).
- ⁷European Council conclusions on European defence. European Council. 06.03.2025 // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/03/06/european-council-conclusions-on-european-defence/> (accessed 22.06.2025).
- ⁸European Commission Unveils Defence Readiness Omnibus and EDF Interim Evaluation. European Commission. 17.06.2025 // URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/european-commission-unveils-defence-readiness-omnibus-and-edf-interim-evaluation-2025-06-17_en (accessed 22.06.2025).
- ⁹Questions and answers on ReArm Europe Plan/Readiness2030. European Commission. 19.03.2025 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/hu/qanda_25_790 (accessed 22.06.2025).
- ¹⁰Emerging and disruptive technologies. NATO. 08.08.2024 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_184303.htm (accessed 22.06.2025).
- ¹¹Vincent B. NATO about to develop new strategy to guide members' use of autonomous systems in warfare. Defenses Coop. 16.09.2022 // URL: <https://defensescoop.com/2022/09/16/nato-about-to-develop-new-strategy-to-guide-members-use-of-autonomous-systems-in-warfare/> (accessed 22.06.2025).
- ¹²Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 №377. Правительство России. 29.03.2019 // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/858/events/> (дата обращения: 22.06.2025).
- ¹³Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. №991 // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 30.06.2025).
- ¹⁴В РФ запретили западные средства защиты ПО в критической инфраструктуре. ТАСС. 01.01.2025 // URL: <https://tass.ru/ekonomika/22778097> (дата обращения: 30.06.2025).
- ¹⁵Утверждена Стратегия противодействия экстремизму в России. Кремль. 28.12.2024 // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/76020> (дата обращения: 30.06.2025).
- ¹⁶Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях в рамках Союзного государства. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.03.2025 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62699/ (дата обращения: 30.06.2025).

Источники и литература

1. Алешин А.А. Сотрудничество ЕС и НАТО после начала специальной военной операции России / А.А.Алешин // Современная Европа. 2024. №5(126). С. 189-200.
2. Антюхова Е.А. Система планирования деятельности НАТО в контексте положений Повестки «НАТО-2030» и Стратегической концепции НАТО 2022 г. / Е.А.Антюхова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. №3. С. 31-47.

3. Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты / Б.И.Ананьев, А.О.Безруков, И.В.Болгова [и др.]. Москва: Весь Мир, 2020. 278 с.
4. Волгина А.А. Проблема стратегического соперничества в Концепции НАТО 2022 г. / А.А.Волгина, И.К.Лапшина // Дни науки студентов Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г.Столетовых // Сборник материалов научно-практических конференций. Владимир, 18 марта 2024 г. Владимир: Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г.Столетовых. 2024. С. 2340-2344.
5. Данилин И.В. Государственная научно-техническая политика США / И.В.Данилин. Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М.: ИМЭМО РАН, 2004. 113 с.
6. Инновационная конкуренция / Н.И.Иванова, И.В.Данилин, И.В.Кириченко [и др.]. Москва: Весь Мир, 2020. 216 с.
7. Малинецкий Г.Г. Перспективные технологические тренды стран НАТО в обеспечении сферы обороны и безопасности / Г.Г.Малинецкий, Т.С.Ахромеева // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2025. №1. С. 44-54.
8. Малинецкий Г.Г. Технологии будущего и вооружения России / Г.Г.Малинецкий // Стратегическая стабильность. 2014. №4 (69). С. 21-29.
9. Синдеев А.А. Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.) / А.А.Синдеев // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. №9. С. 65-78.
10. Цахилова Л.М. Стратегии кибербезопасности в НАТО и Европейском союзе / Л.М.Цахилова // Информационные войны. 2023. №2 (66). С. 65-72.
11. Чернышева Г.Н. Современное состояние оборонно-промышленного комплекса России / Г.Н.Чернышева, Т.Б.Ивашина, Ю.А.Савич // Регион: системы, экономика, управление. 2024. №1 (64). С. 134-142.

Алексей Меньшов

Аспирант факультета глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова

menshov0315@gmail.com

Ключевые слова: *Европейский союз, стратегия, энергетическая безопасность, украинский кризис, природный газ, «северные потоки», диверсификация, энергетический кризис.*

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК КАТАЛИЗАТОР ТРАНСФОРМАЦИЙ В СТРАТЕГИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОСОЮЗА

Место украинского фактора в стратегии безопасности ЕС (2014-2022 гг.)

Украинский кризис в энергетических нормативно-правовых актах ЕС

Евросоюз определяет энергетическую безопасность как совокупность следующих факторов: непрерывный доступ к энергии по доступной цене, что включает бесперебойность поставок, поддержание запасов, защиту критической инфраструктуры и диверсификацию источников энергии.

Цель статьи заключается в выявлении роли украинского кризиса в трансформации стратегии энергобезопасности ЕС, а также в определении основных перспектив ее развития.

В работе использован контент-анализ правовых актов и официальных документов Евросоюза, включая стратегии, регламенты и совместные заявления. В статье проанализирована степень влияния конфликта вокруг Украины на формирование подходов ЕС.

Основным документом, который определяет направления и подходы ЕС в области энергетической безопасности, является Стратегия энергетической безопасности Европейского союза, которая была принята 28 мая 2014 года¹. Принятие документа стало реакцией ЕС на растущий

геополитический риск, связанный с обострением отношений между Россией и Украиной. При этом в документе сохранялась экономическая логика - упор делался не на полный отказ от российского газа, а на минимизацию транзитных рисков (в данном случае - через Украину).

Стоит отметить, что энергетические кризисы 2006 и 2009 годов, а именно перебои транзита российского газа через Украину, показали уязвимость Евросоюза, но остались сигналами, не став триггерами фундаментальных изменений в энергетической политике Брюсселя. Меры, принятые руководством Союза, не носили стратегического характера, скорее были направлены на купирование угроз в моменте. Это подтверждается отсутствием в тот период времени документов, которые были прямо направлены на преодоление украинского фактора в вопросе транзита российского газа.

Стратегия энергетической безопасности ЕС 2014 года основывается на многостороннем подходе, включающем срочные меры для преодоления кризисов, таких как энергетический кризис зимы 2014-2015 года. В стратегии высказывались опасения по поводу прекращения поставок российского газа через территорию Украины. Она обосновала необходимость диверсификации. К 2014 году Евросоюз получал 40% российского газа именно через Украину. Тогда ключевой момент был не столько в отходе от российских поставок, хотя данная позиция тоже звучала, сколько в обходе украинской территории [12].

Подобная диверсификация (строительство «Северного потока - 2», «Балканского потока») отражает взвешенный подход к внешней энергетической политике ЕС: экономическая выгода и безопасность поставок превалировали над потенциальными политическими рисками. Украинский кризис выступал здесь не столько идеологическим, сколько транзитным вызовом.

В рамках политики диверсификации внешних поставок и сопутствующей инфраструктуры украинский кризис оказал влияние не только на разработку ГП «Северный поток - 2» [1], но и ГП «Балканский поток». Изначально планировалось строительство «Южного потока», но ввиду европейских санкций против России и неоднозначной позиции Болгарии [2] его пришлось отменить, а уже в 2019 году завершили подводную часть пришедшего на смену предыдущему «Турецкого потока». Часть данного газопровода позволила Венгрии, Сербии, Болгарии и другим странам по интерконнектерам получать газ практически напрямую из России, то есть минуя ненадежного транзитера - Украину [4].

В документе также подчеркивается, что государства-члены обязаны предпринимать совместные усилия, то есть вырабатывать единый подход при взаимодействии с внешними акторами. Исходя из контекста 2014-2015 годов речь шла о России, энергетические отношения с которой теперь нужно было строить коллегиально, что было предусмотрено и ранее, но в результате вышеупомянутых событий приобрело особую остроту.

Таким образом, обострение российско-украинских отношений 2014 года подтолкнуло как Евросоюз, так и отдельных его членов выработать нормативные меры по недопущению усилившегося риска прекращения поставок через украинскую территорию. На практике ЕС совмещал две стратегии: 1) краткосрочные меры по снижению транзитных рисков (стресстесты, более жесткие правила к ГТС) и 2) более масштабные инфраструктурные решения,

Обострение российско-украинских отношений 2014 года подтолкнуло Евросоюз выработать нормативные меры по недопущению усилившегося риска прекращения поставок через украинскую территорию. Однако по-настоящему радикальный поворот в сторону «политизации» процесса произошел уже после 2022 года.

в том числе по обходу «украинского фактора». Однако по-настоящему радикальный поворот в сторону «политизации» процесса произошел уже после 2022 года.

Практические аспекты украинского вопроса в энергетической политике ЕС 2014-2022 годов

Украинский кризис 2014 года оказал непосредственное влияние на институциональное укрепление механизмов принятия решений Евросоюза в энергетической сфере. Это выразилось в усилении роли наднациональных институтов, институционализации кризисного реагирования на уровне ЕС, расширении полномочий Энергетического союза, стандартизации и гармонизации внутренних рынков, что нашло свое отражение и в стратегии.

В контексте расширения полномочий Энергетического союза ЕС был принят Регламент о мерах по безопасности поставок газа, который наделил Еврокомиссию правом «оценки влияния газового контракта на безопасность газоснабжения» Союза и последующей рекомендации в этом отношении. Проект Энергетического союза уже в 2019 году смог закрепить за Еврокомиссией больше полномочий. Она смогла повысить свою роль в заключении межправительственных соглашений с третьими странами в области энергетики, а также получила возможность влиять на долгосрочные национальные проекты в данной области [7]. В этом контексте в ЕС стало больше «наднациональности» в области обеспечения энергобезопасности.

Обострение украинского кризиса 2014 года потребовало от ЕС срочных действий для предотвращения рисков прекращения поставок газа, что повлияло на долгосрочную энергетическую политику. Евросоюз рекомендовал странам-членам проводить стресс-тесты энергосистем, оценивать риски в соответствии с Регламентом 994/2010² и разрабатывать планы действий в рамках Координационной группы по газу³. То есть украинский кризис 2014 года ускорил процесс институционализации энергетической политики ЕС, продемонстрировав потенциальную уязвимость «разрозненных» политик отдельных стран-членов.

Проект «северных потоков» стал частью важной политики Евросоюза по диверсификации источников поставок энергоресурсов [13]. До 2022 года Германия, как один из лидеров Евросоюза, видела в этом проекте выгоду. Он позволил бы странам ЕС получать газ напрямую без страны-транзитера, в частности ненадежной Украины. Это не только удешевило бы поставки, но и обезопасило бы их от незаконного отбора, перебоев ввиду технических проблем и прочих трудностей. Стоит уточнить, что ненадежным транзитером Украина считается не только у российских исследователей [5], но и на Западе [10,11].

Обострение ситуации вокруг Украины нельзя назвать единственной причиной строительства вышеупомянутых трубопроводов, но она является одной из основных. Например, в статье Жизнина С.З. и Тимохова В.М. [3] упоминается, что украинский кризис и последовавшие санкции Запада подняли вопрос о поставках российского газа в Евросоюз, что касалось строительства газопровода «Северный поток - 2». В статье Чернышевой А.М. и др. [6] также подчеркивается важность данного инфраструктурного проекта для энергетической безопасности Европейского союза: обеспечения стабильных поставок в обход украинской территории и получения более дешевого газа за счет исключения платы за транзит. Разумеется, в настоящее время политическая конъюнктура не позволяет в исключительно экономическом ключе рассуждать об импорте газа из России. Наоборот, геополитические соображения в тот период стали рассматриваться практически на равных с экономическими.

В целом в 2014-2022 годах ЕС формировал двухуровневую реакцию: укреплял внутренние механизмы (через наднациональные структуры, стресс-тесты, стандарты) и одновременно

создавал альтернативные проекты. Однако приоритетом в обозримой перспективе оставалась частичная диверсификация, а не полный отказ от российских поставок. «Украинский фактор» воспринимался скорее как рискованная переменная, а не как основа конфликта в широком политическом смысле.

Украинский кризис в стратегии энергобезопасности ЕС с 2022 года

Украинский кризис в энергетических нормативно-правовых актах ЕС с 2022 года и сравнение с 2014-2022 годами

В качестве первого примера модернизации стратегии ЕС в энергетике стоит рассмотреть коммюнике от 18 мая 2022 года «Внешнее энергетическое взаимодействие ЕС в меняющемся мире»⁴. Во-первых, это один из самых срочных документов в области обеспечения энергетической безопасности, который был принят практически сразу после очередного обострения украинского кризиса. Во-вторых, он так или иначе отражает и раскрывает пункты стратегии 2014 года, которые содержали в себе украинскую проблематику. В-третьих, коммюнике дает достаточно полное представление о том, какую позицию занимает и какую будет занимать Евросоюз в ближайшее после принятия данного коммюнике и «REPowerEU» время.

Украинскому вопросу уделяется в данном энергетическом документе приоритетное внимание. Во-первых, Европейский союз выражает свою политическую позицию, говоря о «неоправданной агрессии» против Украины, своей солидарности с украинской стороной и поддержке украинской энергетической системы. В этом контексте Евросоюз обозначил намерение реализовывать совместные с Украиной проекты в энергетической сфере, например в производстве биотоплива и водорода. Перспективы данного направления неясны, предстоит предпринять первые шаги в рамках принятых стратегий развития.

Во-вторых, ЕС стремится поддерживать Украину и другие страны, затронутые «российской агрессией», путем интеграции их в свою энергетическую систему и обеспечения безопасности поставок энергоносителей. Особое внимание уделяется реверсным поставкам газа и ремонту энергетического оборудования, а также проведению рыночных реформ и созданию фонда для поддержки украинского энергетического сектора.

Таким образом, в 2022 году формируется открытая политизация энергетического курса: на первый план выходят не только экономическая выгода и надежность поставок, но и политическая солидарность с Украиной. Данная риторика по сравнению с документами 2014-2021 годов претерпела заметное ужесточение.

Кроме того, Евросоюз одновременно с данным документом принял план «REPowerEU»⁵, который предусматривал конкретные действия по отказу от энергоносителей из России, в частности нефти и газа, чего раньше не прослеживалось. Подчеркивается, что подобная политика существовала, но в связи с новыми обстоятельствами необходимо ее ускорить. Очевидно, что его разработка была связана с обострением украинского кризиса, что указано в первом же абзаце.

Сравнивая с предыдущей стратегией Евросоюза в области обеспечения энергетической безопасности, можно заметить, что, во-первых, ужесточилась риторика. Ранее Европейский союз в своих документах в энергетической сфере не говорил напрямую о политической поддержке Украины. В настоящих нормативно-правовых актах прослеживается прямое осуждение «российской агрессии», солидарность с Украиной. Кроме того, слова поддержки подкрепляются конкретными действиями, в частности мерами по восстановлению энергетической системы Украины, ее интеграции в общеевропейскую.

Во-вторых, Евросоюз ранее не ставил своей целью полный отказ в обозримой перспективе от использования российских энергоресурсов, подтверждая невозможность этого. Например, изначальный план «Fit for 55» 2021 года (FF55)⁶ предусматривал снижение энергетической зависимости в том числе от РФ, но не уход от импорта энергоносителей из России. Вместо этого в настоящих документах ЕС обосновывает необходимость полного отказа от углеводородов из РФ, их замещение за счет импорта из других стран, а также снижение общего потребления энергии с этой же целью.

Более того, Евросоюз летом 2024 года в 14-м санкционном пакете объявил о запрете на реэкспорт российского сжиженного природного газа и инвестиций в СПГ-проекты в России. Сообщается, что Европейский союз продолжает искать единый подход к ограничению потока российских энергоносителей на европейский рынок, не исключая в будущем и возможности полного эмбарго. Вопрос о вероятности его введения остается открытым и будет подробнее рассмотрен в следующем параграфе.

Таким образом, Евросоюз обосновал необходимость ускоренного отказа от энергоносителей из России, что ярко выражено в «REPowerEU», хотя ранее заявлял только о частичном снижении зависимости. Украинский фактор приобрел ярко выраженный политический характер. Если ранее речь в нормативно-правовых актах шла только о рисках транзита и экономических интересах, то с 2022 года Евросоюз открыто осуждает действия России, солидаризируется с Украиной, уравнивает геополитические приоритеты с экономическими. Будущее дальнейшего усиления санкционного режима против поставок энергоносителей из России все еще остается неясным и зависит от множества факторов.

Практические аспекты радикализации политики ЕС с 2022 года по конец 2024-го в области энергетической безопасности

Для купирования угроз, возникших под влиянием обострения украинского кризиса 2022 года, Евросоюз стал запасать максимально возможное количество газа, в 2022-2023 годах средняя заполненность была на уровне около 95% на фоне многих кризисных факторов [8].

Европейский союз также приступил к сокращению потребления энергии, поиску новых источников ископаемого топлива обосновал необходимость ускорения декарбонизации экономики. В некоторых государствах-членах получилось наоборот, например, есть намерение открыть несколько угольных шахт: в Польше и Германии. В Германии открываются и СПГ-терминалы. Украинский кризис сыграл не последнюю роль в этом событии.

Оценивая ситуацию с ценами на природный газ в странах Евросоюза, можно заметить, что серьезно выросшие во второй половине 2022 года усредненные по региону цены начинают стабилизироваться. В это же время в ЕС снижается потребление энергии в рамках соответствующей политики, что благоприятно сказывается на стоимости энергии для конечного потребителя, но диверсификация осуществляется за счет в том числе роста импорта газа из США, который обходится Европе дороже своего российского конкурента.

В рамках политики по усиленному отказу от энергоносителей из России Евросоюз ввел беспрецедентные санкции, начал ускоренно инвестировать в возобновляемую энергетику, водородные проекты, энергоэффективность и инфраструктуру для СПГ. Европейский союз все еще движется в направлении полного отказа ЕС от энергоресурсов из России. Однако набирают силу процессы, которые могут оказать влияние на снятие или принятие новых санкций против поставок из РФ.

Во-первых, ход урегулирования конфликта вокруг Украины будет непосредственно влиять на выработку многих внешнеполитических и внешнеэкономических решений руководства ЕС, в том числе касательно возможного введения эмбарго на поставки газа из России.

Необходимо учитывать влияние США на процесс принятия решений в Евросоюзе и инициативу по урегулированию украинского кризиса Президента США Д.Трампа, которая гипотетически предполагает снятие санкций с РФ при движении Москвы в направлении разрешения кризиса. В этом контексте Европейский союз, вероятнее всего, будет вынужден если не полностью, следуя за Вашингтоном, отменить рестрикции, то, как минимум, прекратить вводить новые.

Во-вторых, страны Евросоюза, начиная с осени 2024 года столкнулись с очередным энергетическим кризисом, который совместил в себе рост цен на энергоносители, слабую генерацию ВИЭ и прекратившийся транзит российского природного газа через Украину. Ввиду этих обстоятельств существует вероятность, что конструктивно настроенные силы внутри ЕС, а также страны вроде Венгрии и Словакии, которые выступают за приоритет национальных экономических интересов над политическими, будут блокировать резкие решения на уровне ЕС относительно эмбарго на поставки энергоносителей из РФ или даже добиваться смягчения санкционного давления.

Тем не менее исследователи приводят долгосрочный сценарий, при котором Евросоюз, вероятно, все же сможет полностью отказаться от российского природного газа [9]. Это может произойти, если ЕС решится нарушить обязательства по климатической повестке, заместив газ из РФ ископаемыми видами топлива из других источников

При возникновении критического энергодефицита или резком росте цен государства - члены ЕС постараются скорректировать санкционные механизмы, однако политический консенсус (особенно при участии США) в условиях укрепившейся в 2014 году институционализации энергетической политики не позволит быстро отменить рестрикции, даже несмотря на экономические последствия.

Возможным шагом Брюсселя в более ближайшей перспективе может стать запрет на импорт сжиженного природного газа. Это более реалистичный сценарий, нежели полное эмбарго на весь газ, так как он может не встретить серьезного противодействия со стороны, например, Венгрии, которая на уровне ЕС постоянно блокирует слишком острые инициативы. Кроме того, СПГ представляет собой продукт, который могут «реэкспортировать» через третьи страны или поставлять «теневым флотом», при сохранении санкций против него на официальном уровне. То есть Евросоюз не останется без российского СПГ, а он не окажется без покупателей.

Привлекательным в этом ключе может стать и проект турецкого газового хаба. Есть надежда, что хаб сможет в итоге направить российские объемы газа в Европу. Это станет возможно ввиду формирования «турецкой смеси», которая будет включать в себя энергоносители из других стран, как минимум Ирана и Азербайджана. Более того, не исключено, что хаб будет обладать мощностями по регазификации, что так же увеличит его привлекательность для Евросоюза. В этом контексте ЕС намерен дальше диверсифицировать источники поставок энергетических ресурсов, но для полного отказа от некоторых поставщиков и для достижения максимальной гибкости рынку потребуются значительные инвестиции и время. Не все

В 2022 году формируется открытая политизация энергетического курса: на первый план выходят не только экономическая выгода и надежность поставок, но и политическая солидарность с Украиной.

источники поставок стабильны, сохраняются геополитические риски. Остается и риск оказаться в зависимости.

Выводы

Таким образом, практически обострение украинского кризиса 2022 года заставило Евросоюз радикализировать свои подходы к энергетическому сотрудничеству с Россией. Обговаривавшееся ранее намерение «уйти» от газа из России становится более реалистичным, пусть и не в ближайшей перспективе, но Евросоюз все же делает шаги в этом направлении. В практическом плане для России ситуация, сложившаяся в ЕС, чревата потерей важного рынка и нарушением национальной энергетической безопасности. В частности, частично окажутся незадействованными ямальские месторождения. Строительство МГП «Сила Сибири - 2», который мог бы переориентировать ямальский газ на Китай, затягивается. Вместо него было отдано предпочтение новой ветке трубопровода «Средняя Азия - Китай». Кроме того, усиливаются переговорные позиции Пекина, у которого достаточно много разных поставщиков и который не спешит идти на уступки Москве.

В долгосрочной перспективе (до 2030-2035 гг.) европейский курс на декарбонизацию и альтернативные поставщики (США, Катар, Африка) действительно повышает вероятность дальнейшего снижения доли РФ в структуре импорта газа. Политические факторы (конфликт вокруг Украины, санкционное давление, влияние США) будут играть ключевую роль в том, сохранится ли «окно возможностей» для частичного восстановления энергетического диалога ЕС - Россия.

¹Communication from the Commission to the European Parliament and the Council, European Energy Security Strategy (2014) // EUR-Lex, Official EU website // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52014DC0330&qid=1407855611566> (дата обращения: 09.02.2025).

²Regulation (EU) No 994/2010 of the European Parliament and of the Council of 20 October 2010 concerning measures to safeguard security of gas supply and repealing Council Directive 2004/67/EC Text with EEA relevance (2010) // EUR-Lex, Official EU website // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32010R0994> (дата обращения: 10.02.2025).

³Ibid.

⁴JOINT COMMUNICATION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS EU external energy engagement in a

changingworld9(2022)//EUR-Lex-52022JC0023-EN - EUR-Lex (europa.eu // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2022%3A23%3AFIN&qid=1653033264976> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE EUROPEAN COUNCIL, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS REPowerEU Plan (2022) // EUR-Lex - 52022DC0230 - EN - EUR-Lex (europa.eu) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A230%3AFIN&qid=1653033742483> (дата обращения: 10.02.2025).

⁶Fit for 55 (2022) // European Council // URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55-the-eu-plan-for-a-green-transition/?__cf_chl_rt_tk=Oh0R11K8KZhozScf36LT2MxFzdQKVULSWGRC3KNxL6M-1700478083-0-gaNycGzNDOU (дата обращения: 10.02.2025).

Источники и литература

1. Белов В.Б. Перспективы газопровода «Северный поток - 2» // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. №4. С. 63-71.
2. Буник И. Международно-правовые аспекты приостановления проекта «Южный поток» // Международные процессы. 2018. Т. 16. №2. С. 122-140. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.7.
3. Жизнин С.З., Тимохов В.М. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока - 2» // Балтийский регион. 2019. №11 (3). С. 25-42.
4. Калайджиев Г.И. История реализации газопровода «Балканский поток» // Инновации и инвестиции. 2021. №5. С. 262-264.
5. Офицеров-Бельский Д.В. Проблемы энергетической безопасности Республики Молдова // Россия и новые государства Евразии. 2020. №1. С. 146-156. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-1-146-156.
6. Чернышева А.М., Трофимова А.А., Калыгина В.В. Диверсификация транзитных рисков России в обход Украины как основа экономической и энергетической безопасности стран Европы // Вестник Академии знаний. 2019. №3 (32). С. 280-284.
7. Юдина О. Энергетический союз ЕС спустя пять лет: миф или реальность? // Современная Европа. 2021. №1. С. 190-199. DOI: 10.15211/soveurope12021190199 (дата обращения: 15.01.2025).
8. Aguirre-Villegas H.A., Benson C.H. Expectations for Coal Demand in Response to Evolving Carbon Policy and Climate Change Awareness // Energies. 2022. Vol. 15. №10 // URL: <https://www.mdpi.com/1996-1073/15/10/3739>.
9. Nikas A., Frilingou N., et al. Three different directions in which the European Union could replace Russian natural gas // Energy. 2024. Vol. 290. DOI: 10.1016/j.energy.2024.130254.
10. De Micco P. A cold winter to come? The EU seeks alternatives to Russian gas // European Parliament Study. 2014. P. 7, 20 // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2014/536413/EXPO_STU\(2014\)536413_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2014/536413/EXPO_STU(2014)536413_EN.pdf) (дата обращения: 15.01.2025).
11. De Micco P. Changing pipelines, shifting strategies: Gas in southeastern Europe, and the implications for Ukraine // European Parliament Study. 2015 // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549053/EXPO_IDA\(2015\)549053_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549053/EXPO_IDA(2015)549053_EN.pdf) (дата обращения: 15.01.2025).
12. Kropyvnytskyi A. The European Energy Union // ENE Hub. 2015 // URL: https://www.researchgate.net/publication/281463694_The_European_Energy_Union (дата обращения: 15.01.2025).
13. Munteanu D., Sarno C. South Stream and Nord Stream 2 - Implications for the European Energy Security // Análise Europeia. 2016. Vol. 1. №2. P. 66 // URL: https://www.tfra.pt/wp-content/uploads/2020/08/analise_europeia_2__1_.pdf#page=60 (дата обращения: 15.01.2025).

Юлия Никитина

Ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, доцент кафедры мировых политических процессов, кандидат политических наук

y.nikitina@inno.mgimo.ru

Егор Сергеев

Старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, доцент кафедры мировой экономики, кандидат экономических наук, доцент

sergeev.e.a@my.mgimo.ru

Ключевые слова: *содействие международному развитию, международная помощь, официальная помощь развитию, Российская Федерация, страны-доноры, страны-партнеры, внешняя политика.*

СОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ РОССИИ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ, КАЛИБРОВКА ИНСТРУМЕНТОВ

Современный мир диктует новые условия существования национальных экономик и положения государств в системе международных отношений. Вероятно, наиболее ярко эти новые институциональные условия проявились в практике экономической и политической жизни России, столкнувшейся с необходимостью практически одновременно менять подходы и направления взаимодействия со странами мира. Можно констатировать, что в краткосрочном периоде эта перекалибровка связей «чрезвычайного периода» была пройдена успешно. Однако для ее укрепления в долгосрочном формате требуется не меньшее количество усилий. А не прекращающиеся глобальные изменения не дают

Статья подготовлена в рамках государственного контракта (заказчик - Министерство иностранных дел Российской Федерации).

возможности остановиться и собраться с мыслями, в результате трансформацию приходится осуществлять «на ходу», что чревато попаданием в заново формируемые управленческие конструкции «старых» ошибок и ловушек.

Так, одним из актуальных вопросов для современной российской внешней политики очевидно становится оптимальная настройка инструментов содействия международному развитию (СМР), что объясняется не только внутренними причинами (скажем, утверждением соответствующей госпрограммы¹) или появлением и укреплением новых стран-партнеров, но и глобальными трендами. Последние, в свою очередь, демонстрируют явный настрой ключевых игроков менять устоявшуюся архитектуру управления СМР, а также определенный кризис данной парадигмы². И именно вследствие этих глобальных изменений (речь прежде всего идет о ликвидации USAID в США и снижении расходов на официальную помощь развитию практически во всех ключевых странах³), с одной стороны, образуется определенный вакуум в области помощи развивающимся странам, а с другой - вновь разгораются дискуссии относительно целеполагания и оценки эффективности финансовых затрат на ее оказание.

В связи с этими широкими дискуссиями и необходимостью создания работающей системы мониторинга оказываемой помощи возникает целый ряд практических и теоретических вопросов. Например, можно ли заложить в такую систему оценки некие универсальные параметры и индикаторы развития? И с учетом существенных различий между странами, получающими помощь, могут ли эти параметры опираться на существующие сегодня представления о национальных экономических системах? Как видно, найти непротиворечивый ответ даже на эти два вопроса - весьма нетривиальная задача, особенно ввиду кризиса страноведения в нашей стране⁴ (и в глобальном масштабе) и отсутствием у нас четкого представления относительно траекторий социально-экономического развития стран-партнеров.

На самом деле вопрос стоит гораздо шире: как сегодня должна выглядеть оптимальная экосистема оказания содействия международному развитию? Термин «экосистема» в данном случае употреблен неслучайно. В современных условиях необходимо не только объединить и организовать работу различных ведомств на разных стадиях процесса, но также учитывать интересы и возможности экономических операторов, ожидания и озабоченности стран-партнеров; при этом желательно, чтобы организация взаимодействия проходила максимально гладко и быстро. Представляется, что, помимо четкой организации бюрократических процедур, способствовать этому может появление и формулирование четкого общего подхода к оказанию содействия международному развитию со стороны России при дифференциации задач и инструментов в зависимости от страны-партнера.

Почему содействие международному развитию актуально?

В современных дискуссиях относительно целей, задач и целесообразности содействия международному развитию можно встретить довольно распространенное мнение, что этот инструмент политики государств либо неэффективен, либо уходит в прошлое. В пример часто приводятся яркие трансформации, происходящие как в институциональном оформлении помощи во многих странах Запада, так и в объемах помощи. Дескать, подобного рода изменения демонстрируют, что помощь перестала быть значимым инструментом в проведении внешней политики.

В реальности же ситуация обстоит совершенно наоборот. Да, действительно можно отметить очевидный и вполне глубокий кризис западной системы официальной помощи развитию (ОПР). Эта система, которая развивалась в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и долгое время претендовала на эксклюзивность (в том

числе в вопросах о том, что считать, а что не считать официальной помощью развитию), сейчас сталкивается с серьезными альтернативами в виде «новых» доноров, а также растущих официальных финансовых потоков таких стран, как Китай и Россия⁵. И на самом деле это показывает, скорее, то, что в условиях роста конкуренции со стороны альтернативных игроков страны Запада пытаются скорректировать систему, которая во многом отражала их «единственно верное» видение процесса, когда они были «единственными возможными» участниками этого рынка.

Кризис же, с которым столкнулась западноцентричная система официальной помощи развитию, в реальности является очень многоаспектным. Во-первых, налицо постепенное снижение расходов всех стран, входящих в Комитет содействия развитию ОЭСР, как в абсолютном (в 2022 г. они составляли 220,91 млрд долл., а в 2024 г. - 207,6 млрд долл.), так и в относительном выражении (0,37% и 0,33% ВВП соответственно)⁶. Во-вторых, уже довольно продолжительное время в вопросах оказания помощи идет секьюритизация целей и объектов ОПР (наиболее яркий пример - рост расходов на беженцев внутри стран ЕС (англ. in-donor refugee costs) после миграционного кризиса 2015 г.)⁷. Наконец, наиболее яркий пример современного

кризиса системы ОПР - резкий рост расходов, приходящийся на Украину (почти 20% в 2023 г.).

В то же время вряд ли это свидетельствует о том, что «развитые» страны полностью отказались от своего традиционного почерка в политике оказания помощи. Так, для многих из них было характерно создание не только общих международных режимов (например, в международной торговле), которые воспринимаются в том числе как элемент структуры содействия развитию⁸, но и собственных своеобразных институциональных режимов оказания помощи и постоянного воздействия на страны, получающие поддержку. Вряд ли происходящие трансформации говорят о том, что страны, которые принято считать развитыми, откажутся от этих инструментов.

Как представляется, наиболее важные и глубокие тенденции, с которыми сегодня имеет дело трансформирующаяся российская архитектура СМР, - это рост сложности и сложности вопросов, которые необходимо решать, постепенная секьюритизация политики оказания помощи ключевых доноров (как «старых», так и «новых»)°, а также интенсификация геополитических мотивов в осуществлении помощи. Последняя тенденция крайне важна, поскольку будет напрямую затрагивать, например, российских экономических операторов, действующих в странах, на рынке помощи которым присутствуют страны Запада. Несмотря на то что вопрос политических рисков для экономической деятельности, а также взаимное пересечение экономических и политических аспектов в СМР уже поднят в научной литературе¹⁰, ответы на него пока не сформулированы окончательно. Очевидно одно - присутствие на рынке помощи в таких условиях просто необходимо.

На самом деле последствия описанных тенденций проникли уже достаточно глубоко и, например, отразились в постепенной трансформации различных систем оценок эффективности предоставляемой помощи. Во многих странах Запада они сдвинулись от макроэкономических оценок к более комплексному всеобъемлющему анализу (включая дипломатические

инструменты). В то же время вряд ли это свидетельствует о том, что «развитые» страны полностью отказались от своего традиционного почерка в политике оказания помощи. Так, для многих из них было характерно создание не только общих международных режимов (например, в международной торговле), которые воспринимаются в том числе как элемент структуры содействия развитию⁸, но и собственных своеобразных институциональных режимов оказания помощи и постоянного воздействия на страны, получающие поддержку. Вряд ли происходящие трансформации говорят о том, что страны, которые принято считать развитыми, откажутся от этих инструментов.

задачи и вопросы безопасности)¹¹. Это говорит о том, что игнорировать эти изменения нельзя, их стоит учитывать при корректировке национальной архитектуры содействия международному развитию.

Актуализация задач: западные подходы и возможная российская альтернатива

В научной литературе по официальной помощи развитию в целом есть консенсус, сложившийся за десятилетия изучения ОПР, что помощь, направляемая государствами в целях снижения бедности и помощи развитию, как правило, данных целей не достигает. Напротив, государства-доноры обычно преследуют свои специальные экономические интересы, которые помогают достичь экономических выгод для доноров. Государства, в которых модель рыночного капитализма не предполагает альтруизма в отношении неимущих слоев (например, США), вряд ли будут вести себя менее эгоистично на внешней арене и оказывать помощь без учета собственных интересов. Новые доноры - Китай, Бразилия, Индия, Южная Африка (то есть страны БРИКС) - в целом менее лицемерны в описании целей двусторонней помощи развитию. Кроме того, чем беднее государство-донор, тем более равноправны отношения с государством-реципиентом и более сбалансированы отношения между донором и реципиентом¹².

В целом данный подход вписывается в представленную В.Путиным на заседании Валдайского клуба в октябре 2021 года идею о том, что западная модель рыночного капитализма изжила себя. Конечно, западные развитые страны по-прежнему доминируют в оказании двусторонней помощи развитию, но для развивающихся стран становятся более важными прозрачность целей доноров и равноправные отношения. В этой связи России следует продвигать связку идеи справедливости с моделями помощи развитию.

Проблема эффективности оказываемой помощи давно стоит перед сообществом доноров. Парижская Декларация по повышению эффективности внешней помощи (2005 г.) была нацелена как раз на прозрачность процесса оказания помощи и на повышение эффективности помощи развитию. Однако предложенные рецепты включали увеличение контроля, взаимной отчетности, гармонизации и т. п. В этой связи некоторые доноры начали уставать от объема усилий по координации, когда контроль и регулирование стали отдельными целями. Эффективность помощи стала приравниваться к усилиям по координации в рамках самого процесса предоставления помощи. Со стороны реципиентов все попытки давления доноров с запросом продемонстрировать результаты (*results-based aid*) заканчиваются тем, что реципиенты на местах «рисуют» нужные цифры для отчетности (*numbers game*)¹³. Эту проблему признают и в Программе развития ООН¹⁴.

Помимо многочисленных академических оценок результативности помощи, есть инициативы, созданные самими донорами. При ОЭСР существует Комитет содействия развитию (*Development Assistance Committee*), который занимается оценкой результатов помощи. Группа из 16 доноров - *Multilateral Operational Performance Assessment Network*¹⁵ - проводит опросы общественного мнения в странах-реципиентах для оценки восприятия помощи и оценки результата. Вместе с тем руководящие решения по оказанию помощи принимаются не на основе того, насколько точные результаты, оценки получены, а на основе того, как именно лица, принимающие решения, интерпретируют имеющиеся в их распоряжении данные¹⁶. Поэтому при оценке помощи развитию нужно исходить из того, что точные данные по результативности помощи, скорее всего, будут недоступны.

Исследования моделей помощи развитию стран ОЭСР позволяют выделить следующие основания в мотивации и идеологической подоплеке оказываемой помощи¹⁷:

- помощь построена на опыте колониализма;
- помощь основана на идее вмешательства (координация, гармонизация, мониторинг, оценка, требования подотчетности);
- помощь нацелена на развитие частной собственности и продвижение западной модели управления.

У России есть свой исторический опыт оказания помощи развитию в советский период, во многом основанный на идеях строительства инфраструктуры (это направление активно развивает Китай) и развития человеческого капитала (это направление в рамках продвижения публичной дипломатии и «мягкой силы» развивает Запад, однако, Китай также активно продвигает свой рынок образовательных услуг). Россия последовательно отстаивает идеи невмешательства во внутренние дела. Вместе с идеей здорового консерватизма это приводит нас к ранее озвученной Россией на международной арене идее эволюционного развития вместо навязываемых международными институтами реформ по образцу западной рыночной экономики, которая воспроизводит неравенство на новом уровне.

Таким образом, Россия может предложить и продвигать на международной арене концепцию *соразвития* (*co-development*), которая предполагает не иерархические отношения донора и реципиента (помощь более развитого менее развитому), а равные отношения государств, которые вместе ищут эволюционные пути развития и формируют новые, более эффективные социально-экономические модели на основе имеющихся национальных институтов и системы управления путем обмена опытом. Обмен опытом в виде образовательных программ, курсов среднего специального образования, курсов повышения квалификации, научных конференций составит основу для развития человеческого потенциала в странах-получателях такой помощи. Предлагаемая новая концепция *соразвития* находится на стыке концепций *помощи развитию* и *«мягкой силы»*. В действительности еще в середине 2010-х годов можно было говорить о том, что в России уже была сформулирована достаточно ясная картина ценностей и подходов во внешней политике на региональном уровне, на глобальном предстоит строительство этой идентичности¹⁸.

В настоящий момент такие институциональные изменения уже происходят: созданный в структуре МИД России Департамент по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям вполне может заниматься продвижением данной концепции и ее воплощением. Кроме того, в России проводится работа по актуализации и совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере содействия международному развитию. В отличие от многих других сфер, где такого рода изменения происходят «сами по себе» (в «черном ящике»), в вопросах СМР работа протекает в тесном контакте с научным и экспертным сообществом.

Калибровка инструментов: учет особенностей страны-партнера

Проведение непротиворечивой и логичной политики в области содействия международному развитию требует определенной модернизации существующего законодательства. Строго говоря, основным документом, определяющим деятельность в сфере СМР в России вплоть до 2025 года, остается Концепция государственной политики в сфере содействия международному развитию¹⁹, которая во многих пунктах уже не отражает реалии и нуждается в обновлении (достаточно сказать, что в качестве одного из многосторонних институтов в концепции рассматривается уже давно не существующая «Группа восьми»)²⁰.

Работа по актуализации нормативно-правовой базы в сфере СМР в настоящий момент проводится достаточно активно, по сути, создается первая выверенная институциональная

архитектура содействия для систематизации деятельности в этой области. По мере кодификации проявляются и основные параметры работы будущей системы, однако отдельные вопросы нельзя решить исключительно кодификацией, хотя сам факт обновления нормативно-правовой базы не может не вызывать одобрения.

Значимая проблема, с которой сталкивается любая система оказания помощи, - оценка эффективности ее выделения и реализации. В настоящее время оценку эффективности помощи развитию фактически монополизировала ОЭСР, которая определяет стандарты официальной помощи развитию. Однако по линии Юг-Юг новые доноры в лице России, Китая, арабских стран, Турции исходят из своего понимания содействия развитию. При этом количественные подходы к оценке эффективности помощи, востребованные у западных доноров, по сути, не дают понимания того, действительно ли помощь достигла цели, а, скорее, оценивают процедуры освоения выделенных грантов. ООН констатирует, что есть существенный разрыв в ожиданиях реципиентов и возможностях доноров их удовлетворить.

Практика показывает, что государства-доноры редко ставят целью повышение макроэкономической эффективности в государствах-реципиентах.

В реальности логика выделения средств во многом бюрократическая и бюджетная (необходимость санкционирования и одобрения трат на соответствующие программы). Многочисленные исследования отмечают, что помощь развитию все равно оказывается, исходя из геополитических приоритетов доноров в том числе в чувствительных для России регионах²¹, причем обращает на себя внимание концентрирование этой помощи на особо значимых, «фокусных» странах²². Одновременно также существуют оценки, которые демонстрируют, что помощь может быть эффективна именно в вопросах достижения целей, которые отражены в изначальных мотивах доноров²³. Все это говорит о том, что любая отечественная система помощи и оценки ее эффективности окажется в условиях конкуренции и давления со стороны весьма неблагоприятных обстоятельств.

При этом попытки оценить эффективность помощи приводят к тому, что результаты оказываются несопоставимыми: разные страны-партнеры, разные программы, сферы применения, разное наполнение программ. Таким образом, единого подхода к оценке эффективности помощи развитию фактически не существует. Действующие в разных развитых странах мониторинговые институты, как правило, встроены во властные институты и не выходят за рамки бюрократической логики освоения средств.

Решением может быть уход от обобщений к страновой специфике (*англ.* country-specific): предполагаемый инструментарий мог бы помочь давать оценку целесообразности реализации проектов в сфере СМР в конкретных странах Глобального Юга с указанием на потенциальные зоны взаимовыгодного сотрудничества.

Далее, попытки количественного анализа помощи развитию в целом дают результат в рамках бюрократической логики, но не внешнеполитической или внешнеэкономической. Поэтому крайне важной задачей для любого инструментария, применяемого в целях оптимальной реализации содействия международному развитию, встроеного при этом в единую

Работа по актуализации нормативно-правовой базы в сфере СМР в настоящий момент проводится достаточно активно, по сути, создается первая выверенная институциональная архитектура содействия для систематизации деятельности в этой области.

внешнеполитическую линию, становится определением общей политической и репутационной значимости реализуемых мероприятий.

В свою очередь, это требует систематической оценки возможной реализуемости потенциальных проектов в сфере СМР в ключевых «фокусных» странах, а также в государствах, где соответствующие проекты гипотетически могли бы быть реализованы. Это ведет к необходимости выстраивания взаимодействия с основными институтами в сфере СМР в России. В настоящий момент архитектура для такого взаимодействия постепенно создается, что важно, при координирующей роли Министерства иностранных дел с привлечением экспертного и научно-аналитического сообщества.

Заключение

Концепции развития как такового и идеи прогресса в настоящее время переосмысливаются в научных кругах. В частности, эксперты и практики задаются вопросами: какими должны быть основные параметры моделей национального развития? Должно ли международное сообщество содействовать развитию? Подходят ли западным обществам парадигмы развития, предлагаемые западными странами на двустороннем уровне или через международные институты? Западный подход к институтам понятен и подвергается критике за то, что модели западных обществ пытаются некритически перенести на западные общества. *Задача российской науки на современном этапе - создать альтернативные подходы, адаптированные к потребностям западных обществ, обществ Глобального Юга.*

С точки зрения внешнеполитической практики *содействие международному развитию - это новая «мягкая сила»*. «Мягкая сила» - это «продажа» собственной национальной модели развития через своеобразную рекламу этой модели для зарубежных обществ, часто без учета специфики этих обществ. За 40 лет существования «мягкой силы» как концепции и как практики стали очевидны ее ограничения: в частности, монолог вместо диалога с зарубежными обществами, вера в исключительность собственной модели развития.

Таким образом, содействие развитию (в отличие от официальной помощи развитию в логике ОЭСР и от «мягкой силы») предполагает, что у государства-донора не обязательно есть свое безальтернативное видение наилучшей для реципиента модели развития. *СМР - это содействие, то есть совместный поиск наилучших практик, способствующих развитию общества государств-партнеров*. Подобный подход и наполнение, как представляется, может лечь в основу концептуального подхода (если не целой философии), определяющего идейное направление нового «дискурса развития» в Российской Федерации. А правильная калибровка инструментов взаимодействия с конкретными странами-партнерами сможет стать достойным подспорьем в реализации этого концептуального подхода.

¹О комплексной государственной программе Российской Федерации «Содействие международному развитию» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 11.10.2024 // URL: https://www.mid.ru/ru/activity/state_programs/1975666/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20006d96ec5b78143f8655ecbd4ba9c3127b5602b3475267bbfd81ca4cf24a970413085054e1471430

002e96f90d57c973dc00d0e8045e4e63c9f535465ebd811018221f6887b39cfceab0729f9b723d197a35da6b96582b50e

²Морозкина А.К. ОЭСР не могут, БРИКС не хотят: возможно ли изменение системы содействия международному развитию? // РСМД. 12.08.2025 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oesr-ne-mogut>

briks-ne-khotyat-vozmozhno-li-izmenenie-sistemy-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/?sphrase_id=230818856

- ³Cuts in Official Development Assistance. OECD (2025) // URL: https://www.oecd.org/en/publications/cuts-in-official-development-assistance_8c530629-en/full-report.html
- ⁴Кузнецов А.В. Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знания о зарубежных странах и регионах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. №6. С. 6-25.
- ⁵A Changing Landscape: Trends in official financial flows and the aid architecture / World Bank. 2021. P. 7.
- ⁶Official development assistance. OECD (2025) // URL: <https://www.oecd.org/en/topics/official-development-assistance-oda.html>
- ⁷Сергеев Е.А. Официальная помощь развитию институтов Европейского союза // Мировое и национальное хозяйство. 2021. №4(57) // URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/eu-institutions-official-development>
- ⁸Содействие международному развитию / Под ред. Н.В.Галищевой, Л.М.Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2022. С. 85-86.
- ⁹Сутырин В. Трансформация политики США, ЕС и КНР в области содействия развитию на фоне междержавного соперничества // Международные процессы. 2023. №21(4). С. 53-82 // <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.4>
- ¹⁰Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. №1. С. 133-163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-16
- ¹¹Дегтерев Д.А. Эффективность международной помощи развитию: от анализа проектов к оценке стратегического воздействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. №12(1). С. 57-86 // <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-1-57-86>
- ¹²Blunt P., Turner M., Hertz J. The meaning of development assistance // Public Administration and Development. 2011. Vol. 31. №3. P. 172-187.
- ¹³Sabbi M., Strob A. The “Numbers Game”: Strategic Reactions to Results-Based Development Assistance in Ghana // Studies in Comparative International Development. 2020. Vol. 55. №1. P. 77-98.
- ¹⁴Evaluation of results-based management at UNDP. United Nations Development Programme (UNDP). 2007.
- ¹⁵URL: <https://www.mopanonline.org/>
- ¹⁶Sutcliffe K.M., Weber K. The high cost of accurate knowledge // Harvard Business Review. 2003. Vol. 81. №5. P. 74-82.
- ¹⁷Dunford M. Chinese and Development Assistance Committee (DAC) development cooperation and development finance: implications for the BRI and international governance // Eurasian Geography and Economics. 2020. №61(2). P. 125-136.
- ¹⁸Никитина Ю.А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2(35). С. 30-35.
- ¹⁹Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. №259) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584961/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000bd82934c233b706dcdf24aa7f2de7d26fc605709e904ab26ccf2471ff8111b8908b450fb3114300016b565b0f009df7f8f85fc01d97b34e8f38f9bb09fba56ec0bea99aea4173a92c0db578266702b6c0560fabad655a95b
- ²⁰Ст. 11, п. б. Концепции.
- ²¹Сутырин В.В. Политика Евросоюза в сфере содействия международному развитию на постсоветском пространстве: геополитические факторы // Современная Европа. 2022. №5. С. 5-18.
- ²²Сергеев Е.А., Габарта А.А., Воротников В.В. Политика «восточного партнерства» Европейского союза: экономика versus политика // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. №12. С. 27-37.
- ²³Dreher A., Lang V., Reinsberg B. Aid effectiveness and donor motives // World Development. 2024. Vol. 176 // <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106501>

Виталий Филипович

Аспирант Дипломатической академии МИД России

vlfilipovich@yandex.ru

Ключевые слова: *международные отношения, вредоносное использование, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), деструктивные практики, искусственный интеллект, терроризм, экстремизм.*

ВРЕДОНОСНЫЕ ИКТ-ПРАКТИКИ КАК УГРОЗА СТАБИЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современный мир с каждым годом становится все более информатизированным и технологически развитым. В повседневную жизнь каждого человека уже прочно вошли разнообразные цифровые гаджеты, компьютерные устройства и инновационные способы передачи информации. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) объективно стали определяющими факторами развития всех сфер общественных отношений - экономики, политики, безопасности, международных отношений и человеческой цивилизации в целом. Они стремительно трансформируют современный миропорядок, открывая не только новые направления для сотрудничества, но и различные, однако слабо поддающиеся контролю способы реализации деструктивных действий. С появлением возможности обучать искусственный интеллект (ИИ) атаки вредоносного программного обеспечения стали еще более изощренными и сложными для распознавания. При этом в ситуации, когда конфронтация между отдельными государствами не принимает форму открытых военных столкновений, на первый план выходят стратегии, направленные на достижение политических и геостратегических целей без прямого применения военной силы.

Ключевым инструментом таких стратегий выступают ИКТ, включая системы искусственного интеллекта. Их повсеместное распространение, относительная доступность и анонимность создают уникальную среду для реализации постоянного, масштабного и трудноопределяемого по источнику вредоносного влияния. Как следствие, использование ИКТ в деструктивных целях в настоящее время становится все более масштабным, изощренным, способным подрывать основы национального суверенитета и доверия между акторами на международной арене.

К разновидностям деструктивных действий относятся: кибератаки на инфраструктуру зарубежных государств, вмешательство в их внутреннюю политику (пропагандистские акции, информационное воздействие на общественное сознание, разжигание межэтнической, межнациональной розни¹), создание цифровых разведывательных (киберагентурных) сетей широкого спектра действия, дестабилизация военно-политической сферы, содействие террористическим и экстремистским операциям, пропаганда, сбор информации для планирования и проведения актов террора, получение финансирования, привлечение к террористической деятельности новых сторонников, распространение экстремистской идеологии и многое другое. ИКТ в этой ситуации превращаются в инструмент невоенных деструктивных стратегий, подрывающих уровень стратегической стабильности на международной арене².

Активным проводником упомянутых ИКТ-стратегий являются, например, США, в политической доктрине которых формируется пропагандистская и правовая база осуществления так называемых киберопераций, а по сути агрессии против других государств. Одним из первых публичных нормативных актов в этой области стала принятая Вашингтоном Международная стратегия в области обеспечения информационной безопасности (*International Strategy for Cyberspace*) от 11 мая 2011 года. Именно в этом документе США заявили, что они оставляют за собой право в ответ на международные киберинциденты использовать все необходимые средства - дипломатические, информационные, военные и экономические - «в зависимости от обстоятельств и в соответствии с действующим международным правом, чтобы защитить нацию, союзников, партнеров и свои интересы»³. Впервые было объявлено о возможности применения обычных вооружений против противника, оперирующего в киберпространстве⁴.

С тех пор в США на регулярной основе утверждаются Стратегии национальной безопасности (*National Security Strategy*)⁵ и Стратегии национальной кибербезопасности (*The National Cybersecurity Strategy*)⁶, которые постулируют три базовых принципа: 1) позитивное видение киберпространства и цифровых технологий, которые увязываются с международными обязательствами и международным правом, включая права человека; 2) интеграция кибербезопасности, устойчивого развития и технологических инноваций в общую стратегию и 3) комплексный политический подход, который предполагает соответствующие инструменты дипломатии и международного государственного управления во всей цифровой экосистеме⁷.

В этих принципах легко обнаружить императивы внешней политики США - однополярную гегемонию Вашингтона, известную как «порядок, основанный на правилах»; попытки сохранить монополию в разработке информационных технологий; стремление навязать остальному

Использование ИКТ в деструктивных целях в настоящее время становится все более масштабным, изощренным, способным подрывать основы национального суверенитета и доверия между акторами на международной арене.

миру собственные технологические стандарты, которые выгодны американскому бизнесу и служат дополнительными инструментами контроля и манипуляций⁸. Важно подчеркнуть, что в упомянутых документах обозначена возможность ведения США наступательных кибервойн в отношении противников - государственных и негосударственных субъектов⁹.

В опубликованной в США в качестве доктринальной установки 6 мая 2024 года Стратегии по международному киберпространству и цифровой политике (*United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy*)¹⁰ Вашингтон дополнил и конкретизировал политическую линию государства и предложил партнерам нарастить способность проектировать, разрабатывать и активнее внедрять кибертехнологии, чтобы с позиции силы эффективно устанавливать американские стандарты и продвигать их по всему миру.

США не скрывают, против кого направлена их киберсила: в качестве источников угроз в документах обозначены Россия, Китай, КНДР, Иран, а также криминальные группировки, террористы и экстремисты. Китай обвиняется в подрыве военного и экономического превосходства США, в получении конфиденциальной информации из учреждений государ-

ственного и частного секторов. Россия обвиняется в том, что она якобы использует информационные операции в киберпространстве с целью влияния на американских граждан и подрыва демократических процессов в США, а также разрушения технической основы Интернета¹¹.

В этих условиях вредоносная деятельность в цифровом пространстве перестала быть лишь технологической проблемой. Она превратилась в полноценный политический инструмент,

Вредоносная деятельность в цифровом пространстве перестала быть лишь технологической проблемой. Она превратилась в полноценный политический инструмент, требующий системного анализа в рамках политической науки.

требующий системного анализа в рамках политической науки. С этой целью необходимо, в частности, на основе структурированного подхода к классификации невоенных деструктивных действий с использованием ИКТ выделить их ключевые направления, типичных акторов и задачи в контексте мировой политики.

Предлагаемая классификация деструктивной деятельности в цифровой сфере и использования ИКТ в международных отношениях опирается на взаимосвязь трех ее обязательных элементов: форм и направлений воздействия, субъектов (агентов) и преследуемых ими целей.

Основные направления деструктивной деятельности с использованием ИКТ можно разделить на несколько сфер. Первая из них - это прямое нарушение функционирования критически важных систем другого государства - критической информационной инфраструктуры (КИИ)¹². К таковым относятся компьютерные атаки на объекты энергетики, финансового сектора, транспорта, связи и государственного управления с целью кибершпионажа, дестабилизации работы объектов КИИ, кражи или уничтожения данных, нанесения репутационного ущерба.

На фоне текущей геополитической турбулентности вредоносная хакерская активность остается стабильно высокой. Так, в 2025 году количество преступлений в отношении объектов КИИ Российской Федерации увеличилось почти в четыре раза. Об этом сообщила пресс-служба Аппарата Совета Безопасности Российской Федерации по итогам заседания Межведомственной комиссии Совбеза по информационной безопасности, где рассматривались вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ¹³.

По данным агентства «Positive Technologies», в первом полугодии 2025 года злоумышленники чаще всего атаковали госучреждения (21% от общего количества успешных атак на организации), промышленность (13%), ИТ-компании (6%) и медицинские структуры (6%). Наиболее распространенными методами успешных атак на организации стали использование вредоносных программ (63%), социальная инженерия (50%) и эксплуатация уязвимостей (31%)¹⁴. Подобные действия направлены на создание социально-экономической и политической дестабилизации и демонстрацию уязвимости страны-объекта атаки.

Ответными мерами на подобные действия со стороны России стало усиление мер юридической ответственности за причинение вреда в информационной сфере. Так, с 1 января 2018 года в отечественном законодательстве действует специальная норма об уголовной ответственности за компьютерные атаки и иное неправомерное воздействие на объекты КИИ Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ)¹⁵. В 2025 году в российское законодательство внесены изменения, направленные на усиление мер по противодействию телефонному мошенничеству и другим преступлениям с использованием ИКТ. В апреле 2025 года был принят Федеральный закон №41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁶.

Названным законом были введены: обязательная маркировка звонков от организаций; запрет служащим Банка России, сотрудникам государственных органов, банков и операторов связи и иным субъектам общаться с гражданами через иностранные мессенджеры; запрет на передачу SIM-карт третьим лицам, за исключением членов семьи и близких родственников абонента; возможность для абонента отказаться от получения рассылок и массовых вызовов. Наряду с этим для граждан была установлена возможность запрета на заключение договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи без личного присутствия. Запрет может быть установлен через Единый портал госуслуг или при обращении в МФЦ, а снят - только при личном посещении МФЦ. Были предусмотрены также мероприятия по противодействию выдаче наличных с использованием банкоматов без добровольного согласия клиента.

В целях оперативного предупреждения, выявления и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, организации взаимодействия органов и организаций при выявлении и пресечении указанных противоправных действий и принятии мер противодействия им, при выявлении информации, направленной на введение в заблуждение, и ограничении доступа к такой информации была создана государственная информационная система (ГИС). В системе ГИС будет храниться информация о лицах, совершивших противоправные действия через сети связи общего пользования, в том числе об абонентских номерах, используемых в этих целях¹⁷.

Вторая сфера деструктивной деятельности охватывает целенаправленное и систематическое информационно-психологическое воздействие на политические процессы, информационную среду и общественное сознание населения как в собственной, так и в других странах. Социальные сети, мессенджеры и онлайн-СМИ становятся ареной для ведения сложных кампаний по распространению дезинформации и пропаганды. Формы такого воздействия могут быть самыми разнообразными и включать широкий спектр практик: от кампаний по распространению дезинформации и пропаганды через социальные сети до манипулирования информационными потоками. Технологии анализа больших данных и использования сетей ботов позволяют точно влиять на целевые аудитории в других или собственных странах.

«Классическим» примером деструктивного информационного влияния на население собственного государства могут служить, например, распространенные в США бездоказательные

обвинения в адрес России во вмешательстве в президентские выборы в США 2016 года. Цель таких обвинений состояла в попытке переложить на нашу страну ответственность за обострение социальных противоречий внутри США и подрыв доверия граждан к государственным институтам.

Используя вредоносное программное обеспечение для удаленного управления серверами и передачи файлов, а также для слежки за всеми действиями пользователей в рамках сети, хакерам удалось получить доступ к электронной почте тогдашнего кандидата в президенты от Демократической партии Хилари Клинтон и ее команды. В итоге на WikiLeaks были опубликованы 30 тыс. электронных писем, включая 7,5 тыс. документов, отправленных самой Х.Клинтон. Многие документы были секретными и касались террористических атак на консульство США в Бенгази в 2012 году. Остальные содержали персональные данные членов и спонсоров Демократической партии, включая номера их кредитных карт. Американские эксперты по интернет-безопасности безосновательно обвинили в этих атаках хакерские группировки, действующие якобы из России. В то же время скандал с «утекшей» перепиской вызвал раскол среди демократов, сильно пошатнув их позиции накануне выборов и в конечном итоге негативно повлияв на рейтинги Х.Клинтон. Как следствие, победа на президентских выборах досталась Дональду Трампу¹⁸.

Наиболее активно используемой в настоящее время с вредоносными целями «инновационной» технологией являются дипфейки (от англ. deepfake - глубокая подделка), которые представляют собой визуальный контент, созданный ИИ путем генерирования звукового ряда и изображения с целью введения в заблуждение и манипулирования. Реальные события и люди в данной визуальной информации, как правило, подменяются ложными, однако ввиду использования при ее создании усовершенствованных технологий, идентифицировать подделку достаточно сложно¹⁹. В связи со стремительным развитием и совершенствованием систем ИИ проблема генерирования с его помощью ложного контента (фейков) вышла на достаточно высокий технологический уровень, в то время как распознавание, отслеживание, контроль и привлечение к ответственности лиц, причастных к производству и тиражированию подобной информации, становятся все более трудной задачей. Между тем этот инструмент может быть использован для целенаправленного генерирования искаженной информации, которая способна, например, ввести в заблуждение, подтасовать факты или сфабриковать скандальное разоблачение в ходе выборов.

Третья сфера деструктивного воздействия связана с несанкционированным доступом к конфиденциальной информации, ее хищением и манипулированием ею для достижения политических или стратегических преимуществ. Кибершпионаж, направленный на государственные структуры, политические партии и ключевые фигуры публичной политики, становится рутинной практикой. Утечка такой конфиденциальной информации, как и в случае с архивом Х.Клинтон, служит инструментом дискредитации, срыва дипломатических переговоров или влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

В качестве самостоятельных и наиболее опасных направлений кибервоздействия следует выделить использование ИКТ в террористических и экстремистских целях, поскольку цифровые технологии трансформируют традиционные формы такого рода активности, многократно увеличивают их масштаб и негативный эффект. Под терроризмом в данном контексте понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами власти (в политических, идеологических, религиозных и других сферах), международными организациями или физическими лицами, связанная с устрашением населения, запугиванием, открытым насилием. Экстремизм в этом ряду есть проявление крайних взглядов и мер, отрицающее существующие правовые и социальные нормы и направленное на радикальное

изменение основ государственного строя, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

По заключению Контртеррористического комитета Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (КТК ООН), который фиксирует связь терроризма с ИКТ с 2013 года, цифровые технологии давно уже стали одним из излюбленных инструментов таких террористических группировок, как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ/ДАИШ), «Аль-Каида», аффилированные с ними группы. Эти организации используют новейшие технологии для мотивации своих членов, «а также в качестве средств, облегчающих осуществление самых разных видов террористической деятельности, включая подстрекательство к насильственному экстремизму... вербовку, подготовку, планирование, сетевое взаимодействие, получение материально-технической поддержки, приобретение оружия и его компонентов, сбор средств и проведение террористических операций»²⁰. КТК ООН обращает внимание на тот факт, что использованию Интернета в террористических целях наиболее подвержены мелкие платформы, не обладающие достаточными ресурсами для нейтрализации этой угрозы.

Провести грань между использованием ИКТ в террористических и иных преступных целях довольно сложно. Зачастую кибертерроризм²¹ замаскирован под киберпреступления меньшей общественной опасности. Но если главным признаком преступлений с использованием ИКТ, связанных, например, с мошенничеством, является анонимность их подготовки и проведения, то террористы, наоборот, действуют подчеркнуто демонстративно, открыто. Террористические атаки совершаются в общественных или массово посещаемых местах, имеют целью устрашение и запугивание как можно большего числа лиц. Кибертеррористы берут на себя ответственность за события с широким негативным общественным резонансом в случае повреждения или даже уничтожения объекта критической информационной инфраструктуры, нередко прикрываясь политическими, идеологическими или религиозными целями.

Опасность ИКТ в этой сфере заключается в их способности выступать мультипликатором угроз. Во-первых, цифровая среда, используя алгоритмы таргетированной подачи информации, обеспечивает глобальный, анонимный и устойчивый к цензуре канал для вербовки сторонников, идеологической обработки и радикализации. Во-вторых, посредством зашифрованных коммуникаций ИКТ используются для координации и планирования реальных террористических актов, а также для сбора разведывательной информации через открытые источники (OSINT). В-третьих, осуществляется прямая финансовая и логистическая поддержка деятельности террористов через криптовалюты и теневые онлайн-рынки. В-четвертых, киберпространство само становится полем для совершения атак, направленных на критическую инфраструктуру, с целью причинения физического ущерба или массовой дестабилизации, что стирает грань между киберпреступностью и террором.

Одним из провокационных и губительных по своим последствиям актов государственного терроризма стали массовые подрывы 17 и 18 сентября 2024 года пейджеров, предположительно использовавшихся военизированной группировкой «Хезболла», в Ливане и Сирии. В результате этих актов, по сообщениям различных агентств, включая ливанское Национальное новостное

Наиболее активно используемой в настоящее время с вредоносными целями «инновационной» технологией являются дипфейки, которые представляют собой визуальный контент, созданный ИИ путем генерирования звукового ряда и изображения с целью введения в заблуждение и манипулирования.

агентство (NNA), погибли более 40 человек, ранения получили около 4 тыс. мирных жителей, в том числе большое число детей. В ноябре 2024 года премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху признал причастность Израиля ко взрывам пейджеров и другой техники в Ливане в сентябре 2024 года²².

По словам официального представителя МИД России Марии Захаровой, российская сторона «рассматривает произошедшее как очередной акт гибридной войны против Ливана, от которого пострадали тысячи ни в чем не повинных людей»²³. Организаторы этого «высокотехнологичного нападения целенаправленно добивались разжигания масштабной вооруженной конфронтации, стремясь спровоцировать большую войну на Ближнем Востоке».

Проблема антигуманного использования ИКТ состоит не только в том, что с их помощью государственные структуры или отдельные преступные элементы могут целенаправленно преследовать террористические цели, но и в том, что так называемые «несанкционированные», шпионские действия могут приводить к гибели людей. Так, в 2015 году в результате хакерской атаки на сайт «Ashley Madison», предназначенный для знакомств замужних женщин и женатых мужчин, были «слиты» данные 40 млн пользователей. Некоторым из них стали поступать угрозы с требованием выкупа в 1 тыс. долларов. Несколько человек из пострадавших покончили с собой²⁴.

Другой случай произошел в сентябре 2020 года, когда злоумышленники атаковали ИТ-систему университетской клиники в Дюссельдорфе. В результате сбоя системы из строя вышли 30 серверов клиники и все подключенные к ним устройства, в том числе аппараты жизнеобеспечения. Как следствие, одна из пациенток клиники скончалась²⁵.

Таким образом, угрозы деструктивного влияния, которые предполагают использование ИКТ, могут иметь как чисто технологические, так и политико-психологические характеристики. При этом четкого разграничения между ними, как отмечают эксперты, практически не существует²⁶. Конвергенция экстремистской идеологии и цифровых технологий создает гибридную, трудно отслеживаемую и высокоадаптивную угрозу, которая подрывает основы национальной и международной безопасности, требует формирования адекватных правовых и оперативно-технических мер противодействия.

Субъектами деструктивной деятельности с использованием ИКТ выступают разнообразные и крайне неоднородные акторы, сложно поддающиеся классификации. В их совокупности выделяются следующие основные группы²⁷: журналисты и работники корпоративных СМИ, медиахолдинги и информационно-аналитические агентства, сообщества блогеров, дипломатические институты зарубежных государств, члены выборных органов власти зарубежных государств, специальные разведывательные или пропагандистские службы государств, террористические организации и экстремистские движения, международные неправительственные организации и частные лица, попадающие в категорию «иностранных агентов».

Сложность классификации субъектов рассматриваемой деятельности обусловлена тем, что формально негосударственные акторы зачастую действуют в тесной связи с западными

Транснациональные преступные сети используют киберпространство для финансовых махинаций, что может нанести серьезный вред экономике отдельных стран.

государственными спецслужбами, которые научились использовать кибератаки в целях кражи документов за рубежом в рамках сбора разведывательной информации или организации «утечки» данных в политических целях. Например, многочисленные технические доказательства, собранные экспертами по кибербезопасности, указывают на крайне высокую вероятность связи хакерской группы «Equation Group», идентифицированной в 2015 году компанией «Лаборатория Касперского», с Агентством национальной безопасности США. Мишенью группы были правительственные, дипломатические, научные и телекоммуникационные организации в ряде стран, включая Россию, Иран, Сирию и другие. Несмотря на то, что правительство США или АНБ никогда публично не признавали связи с «Equation Group», ее действия позволяют выявить государственный интерес.

Наиболее непредсказуемыми с точки зрения реализуемых действий являются условно независимые хакерские группировки, выступающие якобы за свободу Интернета, прозрачность и открытость информации (в том числе секретной и обладающей статусом государственной тайны). Так, в 2020 году международная хакерская группа «Анонимус» («Anonymous») получила доступ к 269 Гб секретных данных правоохранительных органов и спецслужб США - более 1 млн файлов из более чем 200 агентств США. В их числе: видеоролики, электронные письма, аудиофайлы, а также документы по планированию и разведке за десять лет, включая те, которые подтверждали слежку властей за активистами движения «Black Lives Matter». Файлы были переданы для публикации другой группе хакеров-активистов «DDoSecrets («Distributed Denial of Secrets»)²⁸. В том же году неизвестные, которые назвали себя хакерами «Анонимус», взломали официальный сайт ООН²⁹.

Частные структуры (крупные западные медиа- или высокотехнологичные корпорации) могут выступать в рассматриваемой деятельности в разном качестве: как в роли объектов атак, так и инструментом сбора данных. При этом «киберразведка» может означать как кибершпионаж (проникновение в инфраструктуру с целью сбора ценных данных), так и разведку перед атакой с целью сбора данных об уязвимостях.

По данным российской компании в области кибербезопасности BI.ZONE (группа Сбербанка), доля хакерских атак на российские компании в целях киберразведки и сбора данных об уязвимостях во второй половине 2025 года по сравнению с первой половиной года выросла более чем в пять раз - с 6,8 до 38,65%³⁰. В то же время число «классических» попыток взлома учетных записей пользователей и серверов, а также попыток кражи авторизационных данных снизилось почти в 2,5 раза - с 14,8 до 6,3%. Самыми популярными отраслями для хакерских атак в России в 2025 году стали отрасли ИКТ, телекоммуникации и медиа, а также розничной торговли. В частности, летом 2025 года хакерские атаки привели к сбоям в работе «Аэрофлота», сети магазинов «Винлаб», аптек «Столичка» и «Неофарм», сети клиник «МК «Семейный доктор»³¹.

Транснациональные преступные сети используют киберпространство для финансовых махинаций, что может нанести серьезный вред экономике отдельных стран. Однако именно государственные структуры остаются ключевыми акторами, обладающими ресурсами, необходимыми для проведения масштабных и долгосрочных информационных кампаний. Важной характеристикой таких стратегий является активное использование государством не прямых действий - через частные хакерские группы, тролль-фермы или подставные медиаагентства, что затрудняет идентификацию атак и позволяет ее организаторам избежать юридической и политической ответственности.

Цели деструктивного использования ИКТ имеют комплексный стратегический характер. Они могут решать задачу ослабления геополитического конкурента без прямого военного столкновения с ним, изменения политического курса другой страны, подрыва легитимности

ее власти, создания благоприятных условий для принятия внешнеполитических решений, а также проверки и демонстрации собственных возможностей в ответ на действия оппонента. Зачастую целью информационных кампаний является не просто передача ложной информации, а подрыв доверия к демократическим институтам, усиление социальной напряженности, дискредитация политических лидеров и манипулирование электоральным поведением.

Один из примеров такого рода - деятельность компании «Кембриджская аналитика» («Cambridge Analytica») в ходе выборов Президента США в 2016 году и референдума о выходе Великобритании из ЕС («Brexit»). Так, по данным социальной сети «Facebook»³², в 2015 году профессор психологии Кембриджского университета А.Коган через созданное им приложение «This is your digital life» составлял психологические портреты пользователей, а позже передал их третьим лицам, включая компанию «Cambridge Analytica». Речь шла о 270 тыс. пользователей «Facebook»³³, а также об их друзьях, данные которых собирались без их ведома. В результате были скомпрометированы профили 87 млн пользователей, на

базе которых проводились микротаргетированные рекламные кампании, а также, по данным СМИ, распространялись сведения, дискредитировавшие тех или иных политиков, подрывалось доверие к демократическим институтам, провоцировалась социальная напряженность. Однако, в отличие от кибератак, в основе кампании лежал сбор данных легальным, но этически сомнительным способом.

Скандал, связанный с деятельностью компании «Cambridge Analytica» в США, стал одним из символов кризиса

цифровой демократии. Он наглядно показал, как коммерческие технологии сбора и анализа больших данных могут быть использованы для скрытого, массового и высокоточного психологического воздействия на избирателей.

Не обходится без деструктивного использования ИКТ и во внешней политике. Одними из наиболее известных примеров такого рода являются «Арабская весна» (2010-2012 гг.) и смена власти в Египте (2011 г.), в которых цифровые платформы выступили инструментом не прямого иностранного вмешательства, а фактором концентрации протестной мобилизации.

Таким образом, цифровая деструкция становится элементом постоянного соперничества, «войны ниже порога открытого вооруженного конфликта». С ее помощью создается «серая зона» конфликта, в рамках которого агрессия носит постоянный, но трудно доказуемый характер. Приведенные данные в целом свидетельствуют о том, что деструктивная деятельность с использованием ИКТ превратилась в системный фактор современных международных отношений. Понимание логики таких действий необходимо для разработки адекватных мер защиты, включая как технологическое укрепление критических систем, так и развитие медиаграмотности населения, совершенствование национального и международно-правового регулирования в области ИКТ, выработки юридически обязывающих правил ответственного поведения государств в киберпространстве.

Агрессивной политике западных стран во главе с США Россия, ее союзники и единомышленники противопоставляют мобилизацию международного сообщества на построение прочной глобальной системы обеспечения информационной безопасности.

Агрессивной политике западных стран во главе с США Россия, ее союзники и единомышленники противопоставляют мобилизацию международного сообщества на построение прочной глобальной системы обеспечения информационной безопасности.

Еще в 1998 году Российская Федерация первой официально в рамках ООН призвала международное сообщество заблаговременно договориться и предпринять практические меры по выработке универсального международного режима ведения дел в киберпространстве³⁴. Российский проект резолюции под названием «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» после обсуждения странами - членами ООН был принят Генеральной Ассамблеей консенсусом 4 декабря 1998 года под номером A/RES/53/70.

Впоследствии удалось реализовать многие конструктивные идеи – запуск в рамках ООН переговорных механизмов по этой актуальной тематике сперва в рамках Группы правительственных экспертов (участвовали от 15 до 25 государств), а с 2019 года - Рабочей группы ООН открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ (РГОС), обеспечившей доступ всех 193 государств - членов ООН к участию в переговорах по МИБ. Базовые постулаты российских подходов в области обеспечения МИБ нашли свое отражение в форме норм, правил и принципов ответственного поведения государств в информпространстве, принятых соответствующими резолюциями ООН³⁵.

В декабре 2019 года по инициативе России и при соавторстве 46 государств был учрежден Специальный межправительственный комитет ООН по выработке Конвенции по противодействию использованию ИКТ в преступных целях (далее - Спецкомитет, Конвенция). 26 мая 2021 года в Нью-Йорке в ходе заседания 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН консенсусом принята российская резолюция 75/282 «О противодействии использованию информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в преступных целях», определившая модальности работы Спецкомитета.

После разработки международным сообществом текста документа и последующего утверждения проекта Конвенции ООН, направленной на борьбу с киберпреступностью, Генеральной Ассамблеей ООН в ходе 78-й сессии в декабре 2024 года³⁶ первый юридически обязывающий международный договор по противодействию преступности с использованием ИКТ был подписан в Ханое 24-25 октября 2025 года. Среди подписантов присутствовали уполномоченные представители 71 государства, а также Евросоюза. Россия, со своей стороны, призвала все государства - члены ООН подписать и ратифицировать Конвенцию ООН против киберпреступности с целью ее скорейшего вступления в силу³⁷.

Очевидно, что Россия продолжит последовательную работу в ООН по продвижению идеи согласования и принятия универсальных юридически обязывающих договоренностей в области МИБ, по согласованию своей позиции в рамках действующих переговорных форматов по линии ШОС, БРИКС, СНГ, АСЕАН, а также со странами Африки, Арабского Востока и Латинской Америки.

¹Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира / Под общ. ред. О.А.Мельниковой; рук. проекта А.В.Крутских. М., 2024. С. 79, 95.

²Ромашкина Н.П., Стефанович Д.В. Стратегические риски и проблемы кибербезопасности // Вопросы кибербезопасности. 2020. №5(39). С. 77.

³The White House, International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011. Unclassified. P. 14 //

URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21442-document-46> (date of access: 18.11.2025).

⁴Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира... С. 287.

⁵National Security Strategy - 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (date of access: 18.11.2025).

⁶The National Cybersecurity Strategy - 2023 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/>

- uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf (date of access: 18.11.2025).
- ⁷США нацелились на международное киберпространство. Фонд стратегической культуры. 10 мая 2024 г. // URL: <https://fondsk.ru/news/2024/05/10/ssha-nacelilis-na-mezhdunarodnoe-kiberprostranstvo.html> (дата обращения: 11.11.2025).
- ⁸Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира... С. 288.
- ⁹Strategic cyberspace operations guide - 2023 // URL: https://media.defense.gov/2023/Oct/02/2003312499/-1/-1/0/STRATEGIC_CYBERSPACE_OPERATIONS_GUIDE.PDF (date of access: 19.11.2025).
- ¹⁰United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy // URL: <https://www.state.gov/united-states-international-cyberspace-and-digital-policy-strategy/> (date of access: 20.11.2025).
- ¹¹Strategic cyberspace operations guide // URL: https://media.defense.gov/2023/Oct/02/2003312499/-1/-1/0/STRATEGIC_CYBERSPACE_OPERATIONS_GUIDE.PDF (date of access: 19.11.2025).
- ¹²В соответствии с Федеральным законом №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2027 объекты КИИ - объекты критической информационной инфраструктуры - информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42128> (дата обращения: 20.11.2025).
- ¹³В России выросло число кибератак на критическую информационную инфраструктуру. Показатель в 2025 г. увеличился почти в четыре раза, сообщили в СБ РФ. ТАСС. 09.10.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/25301773?ysclid=mirwesoav972367788> (дата обращения: 18.11.2025).
- ¹⁴Актуальные киберугрозы: I-II кварталы 2025 года. // URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/> (дата обращения: 01.12.2025).
- ¹⁵Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 мая 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. №25. Ст. 2954.
- ¹⁶О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 1 апреля 2025 г. №41-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. №14. Ст. 1574.
- ¹⁷Новый закон о борьбе с информационным и коммуникационным мошенничеством // URL: <https://cgie.62.rospotrebnadzor.ru/content/1202/168558/?ysclid=miq0avl86m860769814>
- ¹⁸10 самых громких кибератак XXI века. РБК. Тренды // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/600702d49a79473ad25c5b3e?from=copy> (дата обращения: 03.12.2025).
- ¹⁹Оломская Н.Н., Зиньковская А.В. Механизмы генерирования фейковой информации искусственным интеллектом в современном медиадискурсе // Российский социальный гуманитарный журнал. 2024. №2. С. 207-223.
- ²⁰Информационно-коммуникационные технологии // URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ctc/ru/content/information-and-communications-technologies> (дата обращения: 03.12.2025).
- ²¹Кибертерроризм (компьютерный терроризм) - использование информационно-коммуникационных технологий, прежде всего Интернета, в террористических целях. Это действия, направленные на дестабилизацию электронных систем с целью вызвать страх или панику у пользователей.
- ²²Нетаньяху признал причастность Израиля ко взрывам пейджеров в Ливане. РБК. 10.11.2024 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2024/6730f48e9a79479ae8448f03?ysclid=miwsqd18jq730149653> (дата обращения: 06.12.2025).
- ²³Москва решительно осуждает беспрецедентную атаку на Ливан и его граждан. EADaily. 18.09.2024 // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/09/18/moskva-reshitelno-osuzhdaet-besprecedentnuyu-ataku-na-livan-i-ego-grazhdan> (дата обращения: 06.12.2025).
- ²⁴Lamont T. Life after the Ashley Madison affair // URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/feb/28/what-happened-after-ashley-madison-was-hacked> (date of access: 03.12.2025).
- ²⁵Hackers Hit Hospitals in Disruptive Ransomware Attack // URL: <https://www.wsj.com/tech/cybersecurity/hackers-hit-hospitals-in-disruptive->

- ransomware-attack-11603992735 (date of access: 03.12.2025).
- ²⁶Ромашкина Н.П. Вооружения без контроля: современные угрозы международной информационной безопасности // ИМЭМО РАН. 2018. №2 (55). С. 67.
- ²⁷Петрищев Е.В., Цыбаков Д.А. Деструктивное информационно-психологическое воздействие в современной мировой политике: субъекты и технологии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. №2. С. 4.
- ²⁸Зуйкова А. 10 самых громких кибератак XXI века // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/600702d49a79473ad25c5b3e> (дата обращения: 29.11.2025).
- ²⁹Анонимous угрожают Илону Маску и защищают криптоинвесторов. Что не так с хакерами, которые пропали несколько лет назад. 11.08.2021. Onliner // URL: <https://tech.onliner.by/2021/08/11/anonymous-elon-musk?ysclid=mipxotd43w542503250> (дата обращения: 20.11.2025).
- ³⁰Доля разведывательных кибератак на бизнес в России выросла в 5 раз // Коммерсант. 2025. 12 авг. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7957705> (дата обращения: 04.12.2025).
- ³¹Доля хакерских атак для сбора данных об уязвимостях выросла более чем в пять раз. Forbes. Технологии. 12.08.2025 // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/543733-dola-hakerskih-atak-dla-sbora-dannyh-ob-uazvimostah-vyroslo-bolee-sem-v-pat-raz?ysclid=miryifx1bu586759545> (дата обращения: 20.11.2025).
- ³²Деятельность «Facebook», принадлежащей американской компании «Meta», признана российским судом экстремистской, ее работа в России запрещена.
- ³³Деятельность «Facebook», принадлежащей американской компании «Meta», признана российским судом экстремистской, ее работа в России запрещена.
- ³⁴Жуковская Н.Ю., Калинина Е.В., Радолин А.М. Формирование правовых основ обеспечения международной информационной безопасности в формате ООН: этапы и результаты // Международное право и международные организации. 2024. №4. С. 74-86. DOI 10.7256/2454-0633.2024.4.72650.
- ³⁵Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности А/70/174 от 26 июня 2015 г. // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/228/37/pdf/n1522837.pdf?token=cG8rLoxoj322MMaEL9&fe=true> (дата обращения: 07.12.2025); Резолюция Генеральной Ассамблеи от 5 декабря 2018 г. [по докладу Первого комитета (А/73/505)] «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» // URL: <https://www.hse.ru/data/2023/02/06/2044873314/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%20%2012%2018.pdf> (дата обращения: 07.01.2024).
- ³⁶Сообщение для СМИ о пятой сессии Спецкомитета ООН по разработке всеобъемлющей конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в преступных целях 24.04.2023 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1865216/#sel=2:1:Ahj,2:18:ohU (дата обращения: 30.11.2025).
- ³⁷О Церемонии подписания Конвенции ООН против киберпреступности и Конференции высокого уровня в Ханое (Вьетнам), 25-26 октября 2025 г. Официальный сайт МИД России. 28.10.2025 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/2055978/ (дата обращения: 02.12.2025).

Эдуард Попов

Заведующий кафедрой философии Ростовского медицинского университета, директор АНО «Центр общественного и информационного сотрудничества «Европа», доктор философских наук

edwardp@ya.ru

Ключевые слова: *геноцид Галицкой Руси, Талергоф, понятие «геноцид», лагеря смерти, «нацизм до нацизма», украинский национализм.*

УНИЧТОЖЕНИЕ НАРОДА - УНИЧТОЖЕНИЕ ПАМЯТИ: ДЛЯЩИЙСЯ ГЕНОЦИД ГАЛИЦКОЙ РУСИ К вопросу о морально-политических и правовых оценках первого геноцида в истории современной Европы

Тема геноцида Галицкой Руси и других русских регионов Австро-Венгерской империи в годы Первой мировой войны не известна широким слоям общества и даже значительной части, если не большинству научного сообщества. Между тем события 1914-1918 годов стали первым в истории современной Европы актом геноцида. Анализ действий австро-венгерских властей и их пособников - украинских националистов в отношении русского (русинского) населения империи Габсбургов позволяет сделать вывод об их геноцидальной природе, хотя само понятие геноцида введено в международное право в 1948 году. Ситуацию с замалчиванием или невниманием к трагедии Галицкой Руси способно изменить заявление министра иностранных дел России С.В.Лаврова от 23 мая 2025 года.

Тема геноцида Галицкой Руси, а равно других русских регионов Австро-Венгерской империи в годы Первой мировой войны, делает первые шаги к признанию - сначала в России,

а затем, не исключено, и в мировом сообществе. В настоящей статье мы рассмотрим морально-политические и юридические аспекты проблемы, вынесенной в заглавие.

Выступая на посольской конференции «Исторические русские земли. Национальная идентичность и самоопределение народов» (Москва, 23 мая 2025 г.) министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров отметил: «В ходе Первой мировой войны австро-венгерские власти развязали широкомасштабные репрессии против русинов - десятки тысяч были убиты в лагерях смерти Талергоф и Терезин - первых массовых лагерях смерти. Это именно австро-венгерское изобретение»¹. Тем самым в выступлении министра обращено внимание на «новаторство» практик массового уничтожения «неправильного», или нелояльного населения. Задолго до гитлеровских лагерей смерти лагеря со сходными целями и задачами и сходными механизмами были созданы и «успешно» функционировали на исторической родине Адольфа Гитлера. Полагаем, едва ли это случайность или совпадение.

Итак, согласно заявлению С.В.Лаврова, трагические события 1914-1918 годов - первый геноцид в истории современной Европы, во многом предвосхитивший нацистские практики 1940-х годов. Этот кровавый эксперимент - своего рода «нацизм до нацизма», нацизм не по названию, а по сути. В ходе проведения данного эксперимента прошли через лагеря смерти, были физически уничтожены в результате внесудебных расправ сотни тысяч жителей западнорусских земель². Более точная цифра безвозвратных людских потерь априори не может быть названа ввиду отсутствия статистики казней, которым подвергались зачастую целые села. К этим цифрам следует добавить также сотни тысяч жителей Галицкой Руси, бежавших от геноцида с отступающей Русской армией в 1915 году³.

Факт «уничтожения русского населения Галицкой Руси и других русских регионов Австро-Венгрии в качестве первого в новейшей истории Европы геноцида» (определение С.В.Лаврова) едва ли может быть опровергнут. Равно как и массовый характер этого действия, позволяющий отличить геноцид «просто» от военного преступления локального характера.

Тем не менее в научной литературе признание событий 1914-1918 годов актом геноцида русского (русинского) населения Галицкой Руси, Угорской Руси, Лемковины и Буковины не является устоявшимся фактом и, можно сказать, делает первые шаги. Уже в 2000-х годах в работах отдельных историков (весьма немногочисленных), специализирующихся в исследовании темы, делаются предположения о геноцидальном характере этого процесса. В какой-то мере прорывным стало проведение 19 декабря 2008 года международной научно-практической конференции «Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси» (г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет).

Мероприятие было организовано и проведено совместными усилиями Фонда стратегической культуры (г. Москва) и Центра украинистики Южного федерального университета (создатель и руководитель - автор настоящей статьи) и вызвало широкий резонанс - научный и общественно-политический. Обратим внимание: сборник трудов конференции, вышедший в 2010 году, имеет подчеркнута нейтральное название - «Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность»⁴. В этом стремлении уйти от острой в научном и общественном плане постановки вопроса в полной мере проявилась боязнь отечественной историографии, а равно и руководства общественными научными дисциплинами в постановке острых проблем.

Отдельные авторы предпринимали попытки поместить события в Галицкой Руси и других западнорусских землях Австро-Венгрии в контекст политики геноцида⁵. Так, известный

исследователь данного вопроса К.В.Шевченко, подводя итоги трагических событий в Галиции и других русских землях Дунайской империи в годы Первой мировой войны, делает заключение: «Массовые репрессии против русинского населения, осуществлявшиеся в крайне жестоких формах, позволяют говорить о том, что политика австро-венгерских властей с началом Первой мировой войны начала приобретать формы геноцида. Главной жертвой австро-венгерского террора стала русофильская часть русинского общества, которая в результате широкомасштабных репрессий была сильно ослаблена, а в Восточной Галиции даже перестала существовать как культурный слой, что облегчило окончательную победу поддерживаемых Веней украинофилов»⁶.

Трагические события 1914-1918 годов - первый геноцид в истории современной Европы, во многом предвосхитивший нацистские практики 1940-х годов. Этот кровавый эксперимент - своего рода «нацизм до нацизма», нацизм не по названию, а по сути.

Юридические обоснования квалификации политики властей Австро-Венгрии в отношении своих русских подданных в период 1914-1918 годов были приведены автором этих строк в своем докладе на Международной научно-практической конференции «Геноцид славянских народов в XX веке» в Белграде в Институте политических исследований 26-27 мая 2025 года. Позволим себе привести пространную цитату из опубликованного сборника конференции:

«Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 г. и вступила в силу 12 января 1951 г.), Статья II, следующим образом определяет его:

«В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»⁷.

Как минимум, три первых пункта (a, b, c) проявлений геноцида в конвенции можно проиллюстрировать на материале трагических событий в Галицкой Руси и других землях Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Гибель в лагерях смерти и в результате внесудебных расправ и изгнание и вынужденное бегство сотен тысяч людей по причине их русского этнического и культурного самосознания со всей очевидностью несет отпечаток геноцида. И напоминает о практиках геноцида армян и ассирийцев в Османской империи»⁸.

Однако приведенные выше попытки и ряд других немногочисленных историографических работ пока не смогли переломить мейнстрим российской исторической науки, «не замечающей» данной проблемы. Трагедия Галицкой Руси и других западнорусских земель продолжает оставаться на крайней периферии отечественной историографии.

В свою очередь, проблему слабой исследованности трагедии Карпатской Руси следует рассматривать как часть более глобальной проблемы - отсутствие в России системной и комплексной работы по изучению истории западнорусских земель, и современной Украины в частности. Обстоятельства тем более парадоксального, если принять во внимание его очевидную общественную сверхактуальность.

В полной мере отсутствие широкого общественного и научного интереса к трагедии Галицкой Руси проявляется и в сфере образования. Работа со студентами разных вузов России показывает, что понятие «геноцид» стойко ассоциируется у них с двумя трагическими событиями XX века: Холокостом (истреблением евреев в нацистской Германии и странах-сателлитах) и геноцидом армян в Османской империи в годы Первой мировой войны. Но при этом наши студенты (как и немалое число, если не большинство преподавателей) ничего не знают о геноциде русского народа в Галицкой Руси, Угорской Руси, Буковине и Лемковине - русских исторических землях в составе Австро-Венгрии.

Россия с 24 февраля 2022 года проводит специальную военную операцию на Украине. Одна из причин, ее вызвавших, - нацификация населения Украины, в том числе через манипуляцию общественным сознанием и переписывание истории. В нашей стране справедливо возмущаются фактами фальсификации истории. Однако мы уверены, что часть вины необходимо принять на себя. Отмеченное выше отсутствие комплексного системного изучения истории западнорусских земель и современной Украины (особенно на фоне десятков центров и институтов изучения Украины в странах Запада, открытых, в том числе, после старта СВО!) и невнимание к геноциду собственного, русского, народа - наша доля моральной и духовной вины за происходящее ныне на Украине.

В свое время геноцид русского народа Галицкой Руси и Карпатской Руси оказался позабыт из-за еще более кровавых и масштабных событий, последовавших за крахом Российской империи и Великой Отечественной войной. Однако российской исторической науке, системе высшего и среднего образования ничто не мешало вернуться к проблеме забытого геноцида в благополучные десятилетия после Второй мировой войны. И особенно после краха СССР, когда пали идеологические и методологические преграды, препятствовавшие незащоренному изучению галицко-русского и вообще западнорусского вопроса.

Отсутствие темы трагедии Галицкой Руси и Карпатской Руси в общественном сознании - безусловно, вина российской исторической науки и сферы образования. Это красноречивое умолчание темы геноцида русского (русинского) народа в Австро-Венгерской империи имеет и обратную сторону: недостаток морального и юридического осуждения палачей Талергофа и Терезина - встройка венгерских властей и их приспешника - нарождающегося украинского национализма. Для последнего соучастие в геноциде собственных братьев стало дебютом на политической арене. И подготовило создание печально известной Организации украинских националистов (1929 г.), одной из наиболее кровавых разновидностей малого нацизма.

Для нарождающегося украинского национализма соучастие в геноциде собственных братьев стало дебютом на политической арене. И подготовило создание Организации украинских националистов (1929 г.), одной из наиболее кровавых разновидностей малого нацизма.

Геноцид Галицкой Руси и Карпатской Руси будет до тех пор оставаться длящимся процессом, пока не будет дана морально-политическая и юридическая оценка событий 1914-1918 годов. А сами эти события не войдут в образовательный процесс и общественный дискурс России и других стран. Такая постановка проблемы не обещает быстрых результатов. Но первый шаг по преодолению прискорбного умолчания уже сделан. В завершение статьи вновь приведу цитату из высказывания С.В.Лаврова: «Эти преступления у нас не забыты. Идет работа по признанию уничтожения русского населения Галицкой Руси и других русских регионов Австро-Венгрии в качестве первого в новейшей истории Европы геноцида. Эта работа обязательно будет продолжена»⁹.

¹Лавров С.В. Выступление и ответы на вопросы на посольской конференции «Исторические русские земли. Национальная идентичность и самоопределение народов». Москва. 23 мая 2025 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2019597/ (дата обращения: 18 сент. 2025 г.).

²Понятие «западнорусские земли», включающие территории Украины и Белоруссии, взято нами из программной статьи В.В.Путина. См.: Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июня 2021 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 18 сент. 2025 г.). Мы считаем допустимым расширить его и на территории исторической Киевской Руси (регион Червонная, или Галицкая Русь), вошедшие вначале в состав Польского королевства, а после первого раздела Польши 1772 г. - в состав Австрийской империи Габсбургов. Также под понятие «западнорусские земли» подпадают земли Угорской Руси и Буковины, иными путями оказавшиеся в составе Австрийской империи.

³Более подробно о приблизительной статистике геноцида см. статью К.В.Шевченко в настоящем издании.

⁴Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность (конец XIX - начало

XXI в.). Ростов-на-Дону. Южный федеральный университет, 2010. 300 с.

⁵См., напр.: Сужак С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность (конец XIX - начало XXI в.). Ростов-на-Дону. Южный федеральный университет, 2010. С. 45.

⁶Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX - первой половине XX в. М.: Regnum, 2011. С. 104.

⁷Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных наций // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 15.04.2025).

⁸Потов Э. Первый геноцид в современной Европе: Галицкая Русь, Буковина, Угорская Русь. К постановке проблемы // Геноцид славянских народов в XX веке: Сборник научных материалов международной научной конференции, проведенной 26 и 27 мая 2025 г. в Институте политических исследований, Белград / З.Милошевич, доктор социологических наук, Д.Лазаревич, докторант. Белград, Институт политических исследований, 2025. С. 313-314.

⁹Лавров С.В. Указ. соч.

Источники и литература

1. Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июня 2021 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 18 сентября 2025 г.).

2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1948 г. // Официальный сайт

Организации Объединенных наций // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 15.04.2025).

3. Лавров С.В. Выступление и ответы на вопросы на посольской конференции «Исторические русские земли. Национальная идентичность и самоопределение народов». Москва. 23 мая 2025 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2019597/ (дата обращения: 18 сент. 2025 г.).

4. Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность (конец XIX - начало XXI в.). Ростов-на-Дону. Южный федеральный университет, 2010. 300 с.

5. Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность (конец XIX - начало XXI в.). Ростов-на-Дону. Южный федеральный университет, 2010.

6. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX - первой половине XX в. М.: *Regnum*, 2011.

7. Попов Э. Первый геноцид в современной Европе: Галицкая Русь, Буковина, Угорская Русь. К постановке проблемы // Геноцид славянских народов в XX веке: Сборник научных материалов международной научной конференции, проведенной 26 и 27 мая 2025 г. в Институте политических исследований, Белград / З.Милошевич, доктор социологических наук, Д.Лазаревич, докторант. Белград, Институт политических исследований, 2025.

Кирилл Шевченко

*Профессор минского филиала РГСУ,
доктор исторических наук*

shevchenkok@hotmail.com

Ключевые слова: *Галицкая Русь, русины, «Великая война», православие, украинский национализм, нацизм.*

ОТ ЭТНОЦИДА К ГЕНОЦИДУ: ГАЛИЦКАЯ РУСЬ И РУСИНЫ В XIV-XX ВЕКАХ

В современном общественном сознании Западная Украина, и прежде всего Галиция, справедливо воспринимается как бастион радикального украинского национализма, символами которого стали нацистские преступники Бандера и Шухевич. Однако вплоть до начала XX века коренное восточнославянское население исторической Галицкой Руси именovalo себя «русинами», не подозревая о своей принадлежности к «украинцам», коих в то время не существовало в качестве устойчивой этнокультурной общности, а местная галицко-русская интеллигенция исповедовала идеи общерусского единства.

Емко и афористично символ веры русских галичан в середине XIX века выразил известный галицко-русский просветитель протоиерей о. И.Наумович, по словам которого, «и Великая Русь, и Малая, и Белая, и Червонная - одно целое так же, как и тело Христово одно, хотя раздробляемое, но не разделяемое...». Именно эти идеи определяли характер галицко-русского национального возрождения во второй половине XIX века, а их выразителями были ведущие деятели галицко-русского возрождения в лице убежденных русофилов Д.Зубрицкого, Я.Головацкого, Б.Дедицкого и многих других видных галицко-русских интеллектуалов.

Историки-слависты отмечают, что украинское самосознание в широких массах населения Галиции в начале XX века отсутствовало, а этноним «украинец» стал распространяться лишь

после Первой мировой войны. Многие галицко-русские общественные деятели в начале XX века констатировали широкую распространенность «москвофильских» настроений среди галичан, подчеркивая, что они превосходят малорусское и великорусское простонародье в самой России «в развитии национального самосознания и в глубокой привязанности к русскому обряду и к церкви».

Схожие мысли высказывал и известный галицко-русский публицист Д.Н.Вергун, который в 1915 году подчеркивал, что, несмотря на шестисотлетнее отторжение галицко-русского населения от русского корня, оно «не утратило сознания своей принадлежности к русскому миру. Идея «украинского» сепаратизма захватила только небольшую горсть местной полуинтеллигенции, зависевшей от Венского и Будапештского правительств. «В толщину населения, - отмечал Д.Н.Вергун, - идея сепаратизма не проникла».

Трансформация Галицкой Руси, на протяжении столетий остававшейся краеугольным камнем общерусской идентичности на западных рубежах русской Ойкумены, стала результатом длительной и системной политики этнокультурной инженерии, проводившейся австрийскими властями и польской администрацией Галиции. Именно в польско-австро-германской этнокультурной лаборатории в результате длительных экспериментов был заботливо выращен чудовищный монстр украинского национализма, стремительно эволюционировавший в нацизм.

Искусственный характер украинского движения в Галиции очевиден на фоне того показательного обстоятельства, что географические соседи галицких русинов - угорские русины, проживавшие к югу от Карпат в составе венгерской части империи Габсбургов и не подвергавшиеся там активному воздействию этнокультурной политики Вены, вплоть до первой трети XX века не имели украинского самосознания и считали себя русинами; при этом местная карпато-русская интеллигенция дольше всего сохраняла приверженность традиционным в данной области идеям общерусской общности, выступая против украинского движения в регионе к югу от Карпат.

По отношению к галицко-русскому движению этнополитика Вены проделала зловещую эволюцию от откровенного этноцида в XIX веке до прямого геноцида в годы Первой мировой войны, когда в австрийских концлагерях и в ходе массовых внесудебных расправ погибли сотни тысяч галицких и угорских русинов. Выращенный к этому времени стараниями венских этнокультурных менеджеров монстр украинского национализма стал одним из главных инструментов реализации малоизвестного до сих пор геноцида русинов Галицкой и Угорской Руси в ходе «Великой войны».

Будучи составной исторической частью Древней Руси, Галицкая (Червонная) Русь уже в 1349 году была захвачена в ходе завоевательных походов польского короля Казимира Великого и вошла в состав польского государства. С самого начала польского владычества в Галиции власти Польши при поддержке католического Запада стали проводить здесь ярко выраженную политику полонизации и латинизации галицко-русского православного населения.

В качестве инструмента денационализации Галицкой Руси польские власти использовали польскую, немецкую и еврейскую колонизацию, в результате которой древнерусские города полностью утратили свой изначально русский этнокультурный облик. Мощным орудием полонизации являлась насильственная латинизация, умело сочетавшаяся с дискриминацией православного населения Галиции. В результате подобной политики галицко-русская элита в лице местного боярства, дабы получить доступ к государственным должностям и карьерному росту, меняла веру и массово переходила в католичество, что влекло ее стремительную

полонизацию. Трагическим итогом данного социокультурного процесса стала почти полная утрата галицкими русинами собственной элиты и превращение в народ с неполной социальной структурой. По меткому галицко-русскому выражению, после тотальной полонизации собственной элиты социальную основу галицко-русского народа стали представлять лишь «поп, да хлоп».

В качестве инструмента полонизации коренного населения Западной и Юго-Западной Руси польская элита использовала церковь, что выразилось в запрете православия и насильственном навязывании церковной унии, начало которой было положено на Брестском церковном соборе в 1596 году. Как метко заметил по поводу навязанной галичанам унии один из церковных деятелей Галиции, данный шаг был предпринят польской элитой не ради «истины Христовой и спасения душ», а в политических интересах Речи Посполитой и римской курии.

Трансформация Галицкой Руси, на протяжении столетий остававшейся краеугольным камнем общерусской идентичности на западных рубежах русской Ойкумены, стала результатом длительной и системной политики этнокультурной инженерии, проводившейся австрийскими властями и польской администрацией Галиции.

Имея в виду полный трагизма польский период истории Галицкой Руси, известный галицко-русский просветитель протоиерей о. И. Наумович аллегорически сравнивал свою многострадальную родину с «несчастливым христианским ребенком в темной пещере», куда он был насильственно заточен бродячими цыганами и лишен доступа к солнцу и свету.

Вопреки агрессивной полонизаторской политике польских властей, галицко-русские деятели сохранили и развили чувство общерусского

единства. Ярким примером борца за общерусское единство стал уроженец Галицкой Руси и первый митрополит московский Петр, который, являясь «ближайшим советником» московского князя Ивана Калиты, энергично содействовал его объединительной политике. Личность митрополита Петра стала убедительным символом общерусского единства.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 году Галицкая Русь была захвачена австрийцами и вошла в состав Австрийской империи. Ассимиляторская политика в отношении русинов, ранее проводившаяся поляками, была продолжена на более высоком организационном и научном уровне просвещенной австрийской бюрократией.

Изучив внутривластное положение в Галиции, австрийские чиновники убедились в этнокультурном и конфессиональном родстве галицких русинов с Россией, а также в широком распространении общерусской идентичности среди галицко-русского духовенства и интеллигенции. Именно по этой причине этнокультурная политика Вены была с самого начала направлена на подавление общерусской идентичности в галицко-русском обществе, на вычленение галицких русинов из общерусского культурного пространства и на системное культивирование среди галицких русинов отдельной антирусской идентичности.

В этой связи показательно, что австрийский император Леопольд старался избегать терминов «русины» или «рутены», поскольку они содержали корень, напоминавший об их принадлежности к Руси, предпочитая использовать по отношению к галицко-русскому населению этнически безликий термин «греко-католики». Этнокультурная политика Австрии в отношении русинов Галиции проделала сложную эволюцию, однако ее неизменной отличительной чертой всегда оставался отрыв галицких русинов от общерусского культурного пространства и системное насаждение среди них антирусской идентичности.

Для практической реализации своих целей в отношении русинов Галиции Вена успешно задействовала целый комплекс продвинутых этнокультурных технологий, которые применялись системно и целенаправленно, варьируясь в зависимости от внутривнутриполитических и внешнеполитических обстоятельств.

Важным рычагом этнокультурной инженерии Дунайской монархии с самого начала стала языковая политика, направленная, с одной стороны, на административные ограничения и запреты русского литературного языка, а с другой - на конструирование на основе местных диалектов отдельного литературного языка, максимально отличающегося от русской литературной нормы.

Сущность австрийской политики в языковом вопросе исчерпывающе выразил известный галицко-русский ученый, профессор Львовского университета Я.Ф.Головацкий, подчеркивавший, что «австрийцы всеми мерами старались не допустить сношений русских галичан с Россией и не позволяли им пользоваться русской литературой. Немецкая администрация боялась сознания в народе письменного единства с Россией».

Конкретным выражением данной политики стали неоднократные попытки австрийских и польских властей перевести галицко-русскую письменность с кириллицы на латиницу. В наиболее яркой форме это проявилось в 1859 году, когда по инициативе министерства просвещения Австрии и губернатора Галиции польского графа Голуховского была разработана латинская графика для галицко-русской письменности. Только единодушное сопротивление данной реформе со стороны галицко-русской интеллигенции спасло галицко-русскую письменность от угрозы латинизации и исчезновения.

Тем не менее своей главной цели - обособления галицко-русской письменности от русского литературного языка австро-польские этнополитики сумели достичь благодаря насильственному введению в галицко-русскую письменность в 1890 году украинского фонетического алфавита, изобретенного П.Кулишем в 1857 году в противоположность общепринятому до этого русскому этимологическому письму. Многочисленные протесты галицко-русской общественности против насильственного введения украинского фонетического алфавита в школы Галиции были проигнорированы Веней.

Еще одним действенным инструментом обособления галицких русинов от России стал конфессиональный фактор. Австрийские власти и римско-католическая иерархия опасались «сближения галицких униатов с русским православием» и по этой причине Вена и римская курия усилили латинизацию греко-католической церкви в Галиции, постепенно превратив ее в инструмент антиправославной и антирусской пропаганды.

Наконец, еще одним эффективным орудием венской этнополитики стала сфера образования, в которой целенаправленно продвигался выгодный Вене нарратив, утверждавший чуждость и враждебность между русинами Галиции и Россией, при этом последовательно культивировался образ цивилизационного врага в лице России. Для полного стирания какой-либо связи между русскими галичанами и Россией австрийское правительство объявило галичан «особым, не русским племенем, называя их «рутенами» и позднее «украинцами».

Этнокультурная политика Вены была с самого начала направлена на подавление общерусской идентичности в галицко-русском обществе, на вычленение галицких русинов из общерусского культурного пространства и на системное культивирование среди галицких русинов отдельной антирусской идентичности.

Предельно четко позицию Вены в галицко-русском вопросе выразил в ходе революции 1848 года губернатор Галиции граф Стадион, который заявил посетившей его галицко-русской депутации, что русины Галиции могут рассчитывать на поддержку венского правительства только в том случае, если они «захотят быть самостоятельным народом» и откажутся от национального единства с Россией. Часть галицко-русской интеллигенции начала реализовывать данную программу графа Стадиона. Именно таким образом было положено начало украинскому движению в Галиции. При масштабной поддержке австрийских властей и польской администрации Галиции во второй половине XIX века возник ряд украинофильских научных и просветительских обществ и периодических изданий, которые, продвигая выгодный Вене нарратив о противоположности галицких русинов и России, вступили в ожесточенное

противоборство с галицко-русскими традиционалистами.

Постепенно ситуация в Галиции приобрела зловещий характер латентной гражданской войны между галицко-русским и зарождавшимся украинским движением, пользовавшимся поддержкой Вены. Именно в это время начали реализовываться на практике мечты польского генерала Мерославского, который призывал «возбудить ссоры в самом русском народе» и создать ситуацию, при которой русский народ разрывал бы себя «собственными

Свою человеконенавистническую сущность украинский нацизм в полной мере обнаружил на практике в годы Первой мировой войны, когда именно украинские активисты в Галиции выступили в позорной роли доносчиков на галицко-русских деятелей и в роли надзирателей в созданных австрийскими властями концлагерях специально для галицких русинов.

ми когтями». По сути, имел место процесс, который известный сербский ученый М.Джуркович определил как конструирование новых искусственных «синтетических идентичностей», что являлось отличительной чертой венской этнополитики в отношении православных славянских народов Балкан и Восточной Европы. При этом на Балканах венская этнополитика создания новых «синтетических идентичностей» была направлена на сужение сербского этнокультурного пространства, а в Галиции - на максимальное сужение русского этнокультурного пространства путем его искусственного дробления.

Примечательно, что современники уже в начале XX века обращали внимание на искусственный характер, а также на изначально проавстрийскую и прогерманскую направленность украинского движения. Известный чешский политик, лидер партии младочехов и депутат австрийского рейхсрата К.Крамарж отмечал: «Мы в украинском движении в Галиции всегда видели величайшую угрозу для славянства, потому что это движение поддерживалось сначала поляками, а потом немцами из Вены и Берлина - в целях разрушения единства России, то есть во вред славянства». Крамарж подчеркивал, что в венском рейхсрате украинские депутаты всегда выступали категорически против проведения скоординированной славянской политики, которую пытались выстраивать чехи, поскольку, по словам Крамаржа, профессиональные украинцы «всегда находились под влиянием Вены и Берлина».

Прогерманскую ориентацию украинского движения отмечал и известный польский политик, лидер партии национальных демократов Р.Дмовский. Еще более резко о сути украинского движения высказывался один из ведущих деятелей галицко-русского движения О.А.Мончаловский, написавший в 1904 году, что «украинство - это отступление от вековых, всеми ветвями русского народа выработанных языка и культуры, самопревращение в межплеменной обносок, в обтирку то польских, то немецких сапог».

К концу XIX века украинский национализм начал приобретать все более ярко выраженные расовые мотивы. Идеологи украинского движения для более убедительного обоснования своей отдельности от России взяли на вооружение псевдонаучные теории польских идеологов, в частности «туранскую теорию» Ф.Духиньского о неславянском происхождении «москалей», имеющих финские либо тюркские корни. Тем самым Духиньский отказывал ненавистным ему «москалям» в самом праве именоваться «Русью», оставляя это право исключительно славянским малороссам и белорусам и подчеркивая их близость полякам. Данный весьма шаткий идеологический конструкт польского псевдоученого позволял провести линию разграничения между «москалями», с одной стороны, и русинами Малой и Белой Руси - с другой, на основании расового фактора, чем сразу воспользовались идеологи прото-украинского движения.

Русские современники, пристально наблюдавшие за развитием ситуации в Галиции во второй половине XIX века, с сожалением констатировали «раскол» среди просвещенной галицко-русской общественности. По их мнению, наряду со «старой русской партией», которая выступала за единство русского народа и языка на основе сближения с Россией, появилась новая партия «украинофилов», которая стремилась «к обособлению от России, образованию свободной независимой Украины и признавала свой, отдельный от русского язык. Пользуясь поддержкой и покровительством австрийского правительства, украинофилы начали основывать свои общества и издавать особые книги и газеты.

По мере усиления противостояния между украинским и галицко-русским движениями в Галиции происходит заметная радикализация австрийской политики, направленной против русских галичан. В 1880-х годах Вена переходит от административных ограничений к прямым уголовным преследованиям лидеров галицко-русского движения.

Первым примером подобного уголовного преследования стал резонансный процесс по делу О.Грабарь и А.Добрянского во Львове в 1882 году, в ходе которого по надуманным обвинениям были осуждены видные деятели галицко-русского движения о. И.Наумович и В.Площанский, приговоренные соответственно к восьми и пяти месяцам тюремного заключения. Данный процесс положил начало уголовным преследованиям галицко-русского движения на государственном уровне.

Еще одним ярким примером уголовного преследования русинов в Австро-Венгрии стал политический процесс в 1913-1914 годах в городе Мармарош-Сигете в венгерской части империи Габсбургов, где 98 русинским крестьянам было предъявлено обвинение в стремлении отделить Угорскую Русь от Венгрии в «сотрудничестве с православной церковью и Россией». 32 человека во главе с православным священником А.Кабалюком на основании этого надуманного обвинения были приговорены к многолетнему тюремному заключению и крупным денежным штрафам. Весной 1914 года состоялся Львовский процесс, в ходе которого была осуждена группа активистов галицко-русского движения, включая православного священника М.Сандовича и галицко-русского публициста С.Бендасюка.

С образованием в 1929 году в Вене Организации украинских националистов (ОУН) и приходом к власти в Германии Гитлера в 1933 году украинский нацизм сразу перешел на службу нацистской Германии.

Открытым репрессиям со стороны австрийских властей в это время стали подвергаться «русские бурсы» - специальные общежития, в которых галицко-русская молодежь имела возможность изучать русский литературный язык и литературу. Это было особенно востребовано после запрета и изгнания русского литературного языка из школ и связано с официальным введением украинского фонетического алфавита в школьную систему Галиции в 1890 году. По словам современника, в русских бурсах «происходили обыски, посылались вооруженные силы для их закрытия. Русские книги, учебные пособия, портреты национальных наших писателей (Пушкина, Гоголя, Толстого и др.) при этом конфисковывались и подвергались уничтожению...».

Резко участились случаи издевательств над русскими детьми в австрийских школах. Наиболее вопиющий случай имел место в 1910 году, когда австрийский учитель Грейс «так избил кастетом русского мальчика Михаила Коханчика, что тот скончался в страшных мучениях от воспаления мозга. И это за то, - с негодованием восклицал русский современник данных событий, - что он прочел молитву «Отче Наш» по-славянски, как его выучила мать. Перед этим тот же Грейс выбил кулаком глаз сестре Коханчика за то же самое... Издеательства и истязания русских детей в Галиции были в 1910 году даже предметом обсуждения в Государственной Думе...». Все это стало зловещим предзнаменованием открытого геноцида в отношении галицких русинов со стороны австро-венгерских властей, который начался с первых дней «Великой войны».

Свой окончательный идеологический облик украинский национализм, заботливо выращенный на австрийской этнокультурной клумбе с польской помощью, приобрел в результате распространения в Галиции радикальных нацистских идей уроженца российского Приазовья Д.Донцова, который, являясь последователем германских националистов, многое позаимствовал у немецких расовых теоретиков XIX - начала XX века.

Как отмечал известный американский историк Дж.Армстронг, отличительными чертами идеологии Донцова, которые оказали колоссальное влияние на идейный облик украинского нацизма, стали «культ силы и восхваление терроризма, подчеркивание преданности «чистому» национальному языку и культуре; предельный иррационализм и экзальтированный романтизм, который среди менее развитых украинцев выражался куда более искренне и спонтанно, чем среди немцев и итальянцев».

Свою человеконенавистническую сущность украинский нацизм в полной мере обнаружил на практике в годы Первой мировой войны, когда именно украинские активисты в Галиции выступили в позорной роли доносчиков на галицко-русских деятелей и в роли надзирателей в созданных австрийскими властями концлагерях специально для галицких русинов. Так, по словам очевидца трагических событий Первой мировой войны, в печально известном австрийском концлагере Талергоф «самым большим палачом талергофских мучеников был украинец, австрийский офицер Чировский, который своими издевательствами превзошел всех немцев».

По словам известного галицко-русского мыслителя и общественного деятеля В.Р.Ваврика, узника австрийских концлагерей, включая Талергоф, годы «Великой войны» стали для русинов Галиции сплошным «кровавым террором». «Стоглавая гидра набросилась на свою беззащитную добычу. В отчаянном страхе метался галицко-русский народ из стороны в сторону и не знал, куда бежать... Немцы и мадьяры бесились, как гады, и причину своих отступлений и поражений старались оправдать неблагонадежным поведением и изменой галицко-русского населения, - писал в своих последующих воспоминаниях В.Р.Ваврик. - В манифестах и воззваниях военные и административные власти обещали от 50 до 500 крон каждому, кто донесет на русина».

В качестве примера «обильно пролитой» австрийцами при пособничестве местных украинцев галицко-русской крови В.Р.Ваврик приводил жуткий эпизод расправы над галицкими русинами в селе Цунево Городокского уезда Восточной Галиции. «Австрийские вояки арестовали 60 крестьян и 80 женщин с детьми. Мужчин отделили от женщин и поставили у деревьев. Солдат-румын забрасывал им петлю на шею и вешал одного за другим... Матери, жены и дети были свидетелями этой дикой расправы, - писал В.Р.Ваврик. - Можно ли передать словами их отчаяние? Жажда славянской крови помрачила умы и помыслы подданных Габсбургской монархии».

Таким образом, вина за малоизвестный геноцид галицких русинов в годы «Великой войны» лежит не только на австрийских властях, но и на активистах украинского движения. С образованием в 1929 году в Вене Организации украинских националистов (ОУН) и приходом к власти в Германии Гитлера в 1933 году украинский нацизм сразу перешел на службу нацистской Германии, оставив кровавый след в Новейшей истории Центральной и Восточной Европы.

Впоследствии масштабы кровавых преступлений украинских нацистов стремительно росли. Если на ранней стадии развития украинского нацизма его представители выступали в роли доносчиков и палачей в австрийских концлагерях и в роли пушечного мяса против России в виде созданных австрийскими властями подразделений «украинских сечевых стрельцов», то в дальнейшем, уже на службе Третьему рейху, украинские нацисты образовали батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», дивизию СС «Галичина» и многочисленные подразделения охранной полиции, которые отметились чудовищными зверствами против мирного населения на оккупированной территории СССР и стран Восточной Европы. Сотни сожженных белорусских сел и жуткая резня мирного польского населения на Волыни - лишь немногие примеры преступной сущности украинского нацизма, продолжающего совершать кровавые преступления и в настоящее время.

Александр Шипков

Ректор Российского православного университета св. Иоанна Богослова, советник председателя ГД РФ, политический философ

info@shchipkov.ru

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, нацизм, модерн, история.*

КТО НЕ ХОЧЕТ ПИСАТЬ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ, ТОТ СТАНЕТ ЧАСТЬЮ ЧУЖОЙ ИСТОРИИ

Оглядываясь на Великую Отечественную войну, в которой нами одержана безоговорочная Победа, мы каждый раз извлекаем новые уроки. Главный вывод: мы, русские, жертвы объявленной нам «расовой войны», в 1945 году победившие главного на тот момент врага, имеем право на анализ ее истоков без скидок на толерантность.

Нацизм не мог исчезнуть в 1945-м, когда капитулировала гитлеровская Германия, поскольку это не только немецкое, но общее и европейское, и американское явление. Это единый вектор развития той секулярной цивилизации, которую мы до сих пор размыто и очень осторожно называем «западом» или «западным миром». Но сегодня, на пороге очередного витка этого исторического противостояния, мы уже не можем, как это было в советское время, игнорировать тему религиозно-философских корней нацизма. Их анализ указывает на историческую связь нацизма и родственных ему идеологий с радикальными формами протестантских учений, таких как кальвинизм, пуританизм, диспенсационализм. В то же время идеологии превосходства, от гитлеризма до панатлантизма, связаны с просвещенческой мыслью, которая также имеет протестантское происхождение.

Мир секулярной цивилизации утверждал свой просвещенческий проект через антитезу «традиция против современности», за которой явственно была видна другая антитеза: «варварство против цивилизации». История при этом воспринималась как слепая сила, которая уничтожит «варваров» и отбросит на историческую обочину «несовершенных» (то есть, лишних, ненужных) людей в ходе некоего всеобщего естественного отбора, как устройство на некоторых конвейерах отбрасывает бракованные детали. Такая установка уже сама по себе есть нацизм и цивилизационный расизм. Она определила такое понимание прогресса, которое породило технократическую культуру последних веков, культуру модерна (не путать с модерном в искусстве и модернизмом в литературе начала XX века; речь идет о модерне как общественном и цивилизационном явлении).

Сегодня мы находимся на границе этой эпохи. Поэтому нынешний кризис протестантско-модерна было бы правильно определить как метаконфликт нашего времени. От его исхода зависит разрешение многих социально-культурных проблем, в частности - будущее нацистско-расистских идеологий: выживут они или исчезнут.

Еще Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в 1947 году в своей книге «Диалектика Просвещения» рассматривали нацизм как последствие нового, модернистского мифа, созданного проектом «Просвещение» и ставшего формой технократического и денежного фундаментализма. Начиная с Французской революции, европейцы окончательно встали на этот путь развития, и якобинская гильотина является его красноречивым символом. Просвещенческий модерн железной рукой устранял все то, что казалось его адептам «тормозом прогресса», включая якобы не восприимчивых к культуре «унтерменшей», «традиционные общества» и их ценности, «неправильные» политические институты, а в итоге и самого человека как вид, принося его в угоду трансгуманизму и идолам рынка.

Сегодняшний мировой кризис вскрывает истинные корни просвещенческого проекта как технократического, а не гуманистического, каким он сам себя представлял. Отделив человека от Бога, просвещенческий секуляризм отнюдь не «освободил» его, но переподчинил «богу технологий». Стремясь владеть Вселенной как «сложной машиной», чувствуя себя ее единоличным хозяином, сверхчеловек Нового времени создал ситуацию перманентной мировой войны за ресурсы, исходом которой в конечном счете стали колониализм, гитлеризм и панатлантизм. При этом частью материально-предметной Вселенной оказался и сам человек, утрачивающий связи с Создателем - отсюда «биологизм» расовых теорий и механистическое отношение к человеку в рамках всех трех ветвей модерна: либерализма, нацизма и социализма. В итоге человек подвергался либо «перековке» (при социализме), либо отделению «полноценных от неполноценных» (при нацизме), либо отделению «приспособленных от неприспособленных» (при либерализме).

Неслучайно некоторые критически настроенные мыслители еще в XX веке отмечали, что после Освенцима называться гуманистом стало антигуманно, поскольку именно гуманизм Просвещения в союзе с позитивизмом привел мир к нацизму. Крайне важно отдавать себе отчет в высокотехнологичной природе нацизма, который на психологическом уровне подпитывался языческой архаикой, а на практическом уровне являлся передовой формой протестантско-просвещенческого модерна. Сегодня модерн овладел еще и цифровыми технологиями, которые направлены на создание «виртуальных вселенных», таким образом по-новому апеллируя к рудиментам магизма в психике человека.

Существование традиционалистской, христианской в своей основе России ломает удобную для Запада модель мира, основанную на дихотомии Запада и Востока, которым вместе якобы не сойтись. Реально существующая тринитарная модель «Запад - Россия - Восток» вызывает сбой в механизме воспроизводства европейской расистской идентичности. С этим

связаны главные закономерности войны евронацизма против Русского мира. Но чтобы глубже проникнуть в логику и динамику этой войны, необходимо точно определить параметры нашей национальной истории.

История - это общественный договор внутри народа, который сохраняет и описывает в динамике собственное существование, частью которого, к сожалению, являются войны и межцивилизационные конфликты.

Поскольку сегодня любая война является гибридной, чрезвычайно важен информационный аспект войны, когнитивные операции. Политические мыслители не зря говорили: «Кто владеет прошлым, тот владеет будущим». В связи с этим огромная ответственность ложится на историков, журналистов и педагогическое сообщество.

Для будущей победы нам необходимо защитить свое понимание Великой Отечественной войны, свою концептологию этой войны. Не дать отменить ее сакральные смыслы, не дать переписать нашу историю.

С каждым годом Великая Отечественная война приобретает для нас все более важное значение. При этом нужно понимать, что специальная военная операция - это не повторение, а продолжение событий 1941-1945 годов. Война с нацизмом - это отложенный, замороженный конфликт. Он «спал» более 80 лет и теперь проснулся.

Закономерны попытки наших врагов вытеснить память о войне из актуального социального контекста. Отсюда информационные атаки на День Победы, на Бессмертный полк, на СВО. Отсюда - омерзительный термин «победобесие». Эти атаки совершаются группами, связанными с «элитами 1990-х», и корректируются внешними кураторами.

Настоящий историк знает, что история не живет в идеологическом вакууме. Бесполезно пытаться мыслить в стороне от идеологии. Итогом такой позиции станет отход от национальных принципов и ценностей и зависимость от ценностей антинациональных.

Кто не хочет писать свою собственную историю, тот станет частью чужой истории.

Объективной истории не бывает. Взгляд любого историка - уже интерпретация. Поэтому мы должны думать о влиянии собственной интерпретации, о том, как сделать ее более весомой.

В то же время важно отделять интерпретацию от безусловных фактов. Например, безусловным фактом является то, что Россия стала жертвой агрессии, а гитлеровский альянс - агрессором.

Но поскольку мы оказались жертвой нападения и одержали Победу, мы можем и должны предъявить счет Германии и ее союзникам, а по итогам СВО - тем, кто вооружал и спонсировал киевский режим. Цифры ущерба нужно подсчитать и опубликовать.

История, в отличие от естественных наук, не может быть в полной мере верифицируемой и прогностической. А попытки вывести общие закономерности исторического процесса оказались бесплодными. Этого не смогла сделать ни марксистская, ни либеральная мысль.

В связи с этим нам самим необходимо расставить приоритеты внутри своей истории, деконструировать исторические мифы, которые вредят национальным задачам.

Повторю: история - это общественный договор внутри народа, который сохраняет и описывает свою историю.

Например. США и Англия - государства, построенные на расистской (нацистской) идеологии. Поэтому союзнические отношения России с США и Англией в ходе Второй мировой войны - совершенно иллюзорны с исторической точки зрения.

В планах Британии и США гитлеровская Германия служила тараном, ударным оружием для оттеснения России за Волгу и за Урал. Это соответствовало давней концепции «Междуморья», озвученной Й.Пилсудским.

В случае успеха Гитлера пространство до Урала было бы очищено для англо-американцев - с последующим дележом всех русских территорий. Этот вектор был задан еще интервенцией 1918-1920 годов.

Описывая историю Великой Отечественной войны и последующей СВО, необходимо учитывать вышесказанное и корректировать научные подходы, которые сложились в отечественной историографии. Наши ситуативные «союзники» были и остаются нашими геополитическими и экзистенциальными противниками. Поэтому мы не должны верить в их фальшивые утверждения о том, что нацизм якобы был случайностью и стал «исторической травмой» для Европы.

Война не окончена. И главным идеологическим оружием в ней для нас остаются национальные формы русской сакральности. Это и православие, и другие традиционные религии России, и разные элементы гражданской религиозности, например образ Победы.

Победа в Великой Отечественной войне в русском контексте символически связана с Победой Пасхальной, с Христовой жертвой. А самопожертвование в борьбе со злом есть форма теозиса, форма обожествления человека.

Великая Отечественная война - это не просто политико-идеологический конфликт европейцев и русских.

Этот конфликт имеет глубокую экзистенциальную и религиозную природу. Россия и русскость - это вечное напоминание Европе о ее отступничестве от веры отцов, от христианства.

Подводя итог, скажем прямо, что мы, русские, имеем исключительное право на историческую интерпретацию Великой Отечественной войны. И по праву политического суверенитета, и как жертва нападения, и как сторона, одержавшая Победу. Только мы, и никто иной.

Александр Фоменко

Историк и политолог

alexanderfomenko@inbox.ru

Ключевые слова: *послевоенное время, И.Сталин, Г.Трумэн, пакт Бирнса, разоружение и демилитаризация Германии.*

ФАКТОР БИРНСА, ИЛИ ПОПЫТКИ ТРУМЭНА ДОГОВОРИТЬСЯ С МОСКВОЙ

Гарри Трумэн стал первым американским президентом, которому довелось оказаться в до-толе незнакомой американцам позиции лидера общепризнанной сверхдержавы - не только экономической, но и военной, и, как следствие этого, политической.

Изначально он был готов и пытался продолжать внешнюю политику своего предшественника, не посягая даже на персональный состав унаследованного им от Ф.Рузвельта внешне-политического аппарата. С ним продолжали работать - и на Потсдамской конференции, и после - Гарри Гопкинс, Чарльз Болен, Джозеф Дэвис, Аверелл Гарриман и Джордж Маршалл... Но сменился государственный секретарь: 3 июля 1945 года им стал Джеймс Бирнс - бывший коллега Трумэна по Сенату и доверенный сотрудник Рузвельта во время войны.

Мнение Трумэна о Сталине изначально не было отрицательным, это видно из его дневников и писем, рассекреченных в 1980-х годах. В свой первый день в Потсдаме, 17 июля 1945 года, он записал: «Я могу договариваться со Сталиным. Он прост, но чертовски умен!»¹

А 18 июля он излагал свои впечатления от «чрезвычайно приятной» беседы с советским премьером следующим образом: «Я пригласил его посетить США. Сказал, что пришлю за ним линкор «Миссури», если он решит прибыть. Он заявил, что хочет также сотрудничать

с США в мирное время, как мы сотрудничали во время войны, но это будет труднее. Сказал, что его совершенно не понимают в США, как меня - в России. Я ответил ему, что каждый из нас может помочь исправить такое положение в наших странах и что я намерен со своей стороны сделать для этого все возможное. Он одарил меня самой радушной улыбкой и сказал, что сделает то же самое в России»². По итогам конференции 29 июля Трумэн писал жене: «Мне нравится Сталин. Он прямой, знает, чего хочет, и, если не может этого добиться, пойдет на компромисс. Его министр иностранных дел не столь прямолинеен»³.

О намеренной конфронтации с СССР речи летом 1945 года не шло. Как бывший посол в Москве Дэвис (ставший в Потсдаме шерпой американской делегации), так и госсекретарь Бирнс и генералы Маршалл и Эйзенхауэр исходили в своих действиях из еще рузвельтовской парадигмы - стремления к партнерским отношениям с СССР и нежелания ввязываться в запутанные дела Старого Света. Дело было не в каких-то особых симпатиях к Сталину или советскому режиму, а в стремлении к эффективному завершению войны с Японией и формированию устойчивой системы международных отношений в послевоенных условиях.

Никаких серьезных причин (и даже поводов) для враждебности двух стран, кроме чисто идеологических, не существовало. Но отношения США как с СССР в 1930-х годах, так и с коммунистическим (континентальным) Китаем в последние десятилетия показывают, что они не склонны обращать излишнего внимания на идеологические особенности своих экономических и геополитических партнеров.

В 1945 году желаемая Америкой деколонизация европейских империй, включая Британскую, должна была вот-вот вступить в решающую фазу. Такого рода и размера геополитические перемены были, разумеется, чреватые экономическими и военными потрясениями: от всех колониальных империй следовало ожидать сопротивления неизбежному - прямого и скрытого, вооруженного и невооруженного. США, единственной экономической сверхдержаве того времени, менее всего стоило отвлекаться от глобальной по характеру внешней политики ради малозначимых, как тогда казалось, трений с СССР. Возможность того, чтобы отношения двух держав достигли степени партнерства и сотрудничества, определенно существовала.

Когда в сентябре 1945 года, после капитуляции Токио, на лондонской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) четырех держав-победительниц возникли первые трения между ними, то Трумэн и американская дипломатия осознали, какими неприятностями для них чревато продолжение союзнического взаимодействия Великобритании и СССР.

Для советской и постсоветской историографии привычно невнятное описание происшедшей на сессии борьбы советской делегации за организацию союзнического Контрольного совета по Японии. На самом деле речь шла о советско-британской попытке добиться от Вашингтона согласия на участие Москвы и Лондона в послевоенном управлении Японией.

Британцы ссылались при этом на свой вклад в войну с Токио и объем понесенного ущерба. Хотя именно США вынесли на себе основную тяжесть Тихоокеанской войны, длившейся для них почти четыре года, с 8 декабря 1941 года: ими были проведены все основные сражения на суше и на море, как и сама оккупация японских островов. (Воюя с американцами, японцы потеряли более 1 млн погибшими, тогда как против китайцев начиная с 1937 г. они потеряли вполуполу меньше - 0,5 млн, а против СССР - между 12 августа и 2 сентября 1945 г. - более 80 тыс. человек.)

СССР в той войне соблюдал нейтралитет, согласно договору с Японией от 13 апреля 1941 года. За год до истечения пятилетнего срока его действия⁴, 5 апреля 1945 года, Москва объявила о намерении его денонсировать, сославшись на то, что он был заключен до начала войны Германии с СССР и войны Японии с Британией и США: «С того времени обстановка изменилась в корне... и продление этого пакта стало невозможным»⁵. 8 апреля Молотов подтвердил: «По истечении пятилетнего срока действия договора советско-японские отношения, очевидно, вернутся к тому положению, которое было до заключения пакта»⁶.

С учетом этих обстоятельств можно понять, почему американцы не видели оснований соглашаться с притязаниями своих партнеров-союзников на участие в определении послевоенных правил игры в Японии и с Японией. И менее всего США желали удовлетворять послевоенные амбиции Британской империи, альянс которой с Японией так беспокоил Штаты в 1920-х годах, а стратегический план⁷ войны против нее действовал с 1930 по 1939 год⁸.

При этом США (как при Рузвельте, так и при Трумэне) не ставили под сомнение право СССР, понесшего наибольшие жертвы в войне с Германией, а также Великобритании на деятельное участие в определении послевоенных правил игры в Германии и с Германией. Если ссылки советских представителей на «опасности возрождения японского милитаризма» для СССР не воспринимались Вашингтоном в качестве доводов в дипломатических спорах, то такого же рода доводы об опасности возрождения прусского милитаризма выслушивались вполне благосклонно.

Осенью 1945 года все могло пойти иначе: уже 20 сентября, в ходе лондонской сессии СМВД, государственный секретарь Дж.Бирнс сделал Москве первое серьезное предложение с целью выстраивания военно-политического партнерства. В его беседе с В.М.Молотовым речь шла о долгосрочном военном пакте, направленном на предотвращение возможности восстановления агрессивного потенциала Германии посредством совместного контроля над ней в течение 20-25 лет силами высоких договаривающихся сторон. В случае согласия Москвы такое же предложение предполагалось сделать Лондону и Парижу. Но внятного разговора тогда не случилось. Хотя при обсуждении выполнения ялтинских договоренностей по Восточной Европе Молотов именно опасностью возвращения германской угрозы оправдывал установление жесткого контроля над ее просоветскими режимами.

С этого началась целая серия попыток Дж.Бирнса убедить советскую сторону пойти на установление по-настоящему партнерских отношений Вашингтона (и Запада в целом) и Москвы. Тогда по этому вопросу в США существовал межпартийный консенсус - в администрации и Конгрессе. (Еще 10 января 1945 г. председатель сенатского Комитета по международным делам республиканец А.Ванденберг «не видел причины, почему прочный договор между главными союзниками не может быть подписан сегодня»⁹.)

Дж.Бирнс, похоже, исходил из рузвельтовского представления о том, что победоносная сталинская Москва в своей внешней политике преследовала скорее исторические русские цели, нежели идеологические - коммунистические. На этом допущении и мог строиться его исторический оптимизм и надежды на достижение компромисса с Советским Союзом. 24 декабря 1945 года, незадолго до окончания Московской встречи министров иностранных дел «Большой тройки», Бирнс представил Сталину проект четырехстороннего договора¹⁰. По его словам, в ответ «генералиссимус сказал, что если Соединенные Штаты сделали такое предложение, он всем сердцем поддержит его»¹¹.

Но когда в феврале 1946 года проект договора был передан всем его сторонам, то британский и французский министры одобрили его «в принципе», а от Молотова ответа не поступило. Хотя с точки зрения интересов СССР и остальных победителей трудно было найти изъяны в идее обязывающего военно-политического пакта между ними. Она не противоречила ни советскому (ни французскому) желанию окончательно и навсегда разоружить Германию, ни британско-французскому стремлению удержать американских военных в Европе - с той же целью сдерживания Германии.

Время с января по март 1946 года было не самым подходящим для разработки партнерских договоров с Москвой: серьезнейший иранский кризис поставил под угрозу всю систему отношений между союзниками. Еще осенью 1945 года в Иранском Азербайджане - советской зоне оккупации - был совершен сепаратистский переворот, а в январе 1946 года была объявлена еще и курдская автономия. Советские войска не давали иранской армии навести порядок, поэтому шахское правительство в конце января обратилось в ООН с жалобой на вмешательство Москвы в его внутренние дела. А когда 2 марта 1946 года британские войска начали покидать Иран в соответствии с Трехсторонним договором от 29 января 1942 года, СССР стал затягивать вывод своих частей. Он стремился получить зону влияния и нефтяные концессии, а никаких других (финансово-экономических или политических) средств воздействия на иранские власти у советских не было¹². Но эта игра была заведомо проигрышной: жесткая реакция Британии и США была неизбежной, как и оторопь «международной общности».

Кризис достиг пика, когда 4-5 марта в Иран вошли дополнительные советские части¹³. Уже 24 марта Москвой было объявлено о начале вывода контингента. В итоге шума в ООН СССР получил плохую прессу и растерял существенную часть той благосклонности американской и иной публики, которой пользовался в военные годы советский союзник.

Государственный секретарь США сделал со своей стороны все для того, чтобы дело обошлось без тяжелых последствий. Хотя он и был раздражен: весь этот иранский кризис, глубоко ему не интересный¹⁴, создавал дополнительные препятствия на его (и без того трудном) пути к достижению главной цели - компромисса с Москвой и установления устойчивого взаимопонимания с нею на годы вперед. Вообще говоря, те или иные действия СССР раз за разом ставили его - убежденного сторонника американо-советского геополитического альянса - перед необходимостью проявлять чудеса дипломатической элегантности: демонстрировать строго необходимый уровень жесткости в отношении контрагента, не доводя дело до разрыва и оставляя дверь открытой для продолжения контактов¹⁵.

Поразительным, на сегодняшний взгляд, был многолетний упорный отказ советской стороны от рассмотрения по существу пакта Бирнса, совершенно рузвельтовского по своим целям и задачам. Притом что не было тогда в мире никаких других мощных в экономическом и военном отношении держав, устройство партнерства с которыми могло отвлекать СССР от предлагавшейся Дж.Бирнсом перспективы - советского участия в четырехстороннем формате контроля над военной обстановкой в Европе и Азии.

Не ясно, связано ли это было с тем, что внутри советского руководства шла невидимая миру борьба между прагматиками, исходившими из более-менее традиционных соображений (о соблюдении «национальных интересов» и т. п.), и сторонниками жесткой линии по

отношению к «капиталистическому окружению»? Но трудно поверить, что кто-либо в руководстве мог еще рассуждать о «мировой революции» в ленинско-троцкистских терминах. Легче поверить в версию о преобладании в тогдашнем руководстве сторонников традиционной геополитики: если иметь в виду притязания сталинского СССР на выморочное геополитическое наследство Российской империи в Персии, на армянском нагорье, в Галиции, а также притязания на притязания в Проливах и Восточном Средиземноморье.

Однако одна из констант русской внешней политики имперского времени - партнерство с Соединенными Штатами - была прочно забыта на десятилетия. Хотя во время и в первые два-три года после Второй мировой войны была реальная возможность восстановления масштабного межконтинентального партнерства на новых основаниях. Советское руководство (вместе с американским) активно занималось тогда формированием послевоенной системы надгосударственных институтов - ООН, Мирового банка, Международного валютного фонда - для обеспечения будущего устойчивого мира.

Вышедший из тяжелейшей войны в Европе в статусе мощнейшей военной державы, СССР имел все основания для выстраивания глобального партнерства с США, оказавшимися после тяжелой войны в Азии в статусе не только мощнейшей военной державы, но и первой экономики мира.

Ясное представление о ресурсных и территориальных богатствах Российской империи, на просторах которой теперь разместился СССР, у американского правящего класса было. Этот актив (и тогда, и сейчас) давал политическому руководству Москвы возможность заключения серьезных сделок с Вашингтоном: подобных соглашению о так называемом ленд-лизе, успешно заключенному и исполненному. После войны резонов для появления новых экономических сделок с американцами было более чем достаточно. И они были заранее к ним готовы: для политического обоснования сделок с СССР им и требовалось подписать пакт Бирнса, представив эти сделки в качестве естественного послевоенного продолжения союзнического сотрудничества.

Еще летом 1944 года о будущем экономическом сотрудничестве с США И.В.Сталин подробно беседовал с прибывшим в Москву президентом Торгово-промышленной палаты США Эриком Джонстоном. В откровенной беседе за закрытыми дверями советский премьер говорил о том, что «американская техническая помощь и оборудование вполне могут потребоваться для восстановления и развития советского послевоенного производства электроэнергии». В свою очередь, Джонстон заметил, что советские «методы дистрибуции не успевали за методами производства», и предложил помощь со стороны руководителей американских торговых сетей «в улучшении советских методов распределения после войны. Сталин согласился и указал, что помощь в этой области будет приветствоваться».

Посол Гарриман должен был быть доволен: пересылаемая в Вашингтон запись беседы Джонстона говорила о полной реалистичности понимания советским премьером экономической обстановки в стране и мире. А также об отсутствии угрозы возникновения взаимной конкуренции двух держав на мировых рынках. Ведь «Сталин сказал, что советские внутренние потребности в обозримом будущем не позволят Советскому Союзу стать страной-экспортером промышленных товаров. Экспорт никогда не будет играть большой роли в советской экономике, за исключением обеспечения импорта. Советское правительство никогда не боролось за внешние рынки; напротив, СССР всегда старался расширить свой импорт. Внешние рынки для промышленных товаров останутся открытыми для Великобритании и США... Отвечая на вопрос о возможности экспорта определенных специализированных промышленных товаров, [Сталин] заявил, что советское производство сможет

приспособиться к потребностям и что, когда станет известно, какие промышленные товары США желали бы приобрести, он уверен, что Советский Союз сможет их поставить»¹⁶.

Американцы, очевидно, не могли взять в толк, почему советское руководство не отвечало взаимностью на их предложение договориться о двустороннем партнерстве и вместе доработать проект пакта Бирнса, дабы приступить после этого к тому самому экономическому (и геополитическому) сотрудничеству, о котором доверительные беседы шли еще в 1944 году. Поэтому неоправданно большое значение для администрации Трумэна (при принятии ею решений на советском направлении) стали приобретать два фактора.

Во-первых, речи и действия советских руководителей сугубо внутренней направленности стали рассматриваться с тем же вниманием, которого ранее удостоивались лишь внешнеполитические их заявления и действия. Во-вторых, возросла важность мнений тех, кого сегодня принято называть «экспертным сообществом». До этого ни одному американскому послу - ни Буллитту (1933-1936 гг.), ни Дэвису (1936-1938 гг.), ни тем более Гарриману (1943-1946 гг.) - не пришлось бы в голову опираться на мнения экспертов, не имевших возможности личного общения с первыми лицами Союза ССР.

Но Гарриман уехал из Москвы 24 января 1946 года, и к февралю посольство оказалось под временной администрацией: ею руководил поверенный в делах Джордж Кеннан. Карьерный дипломат, ученый-историк, но еще без того веса, который позволял бы ему лично обсуждать с руководителями страны пребывания те вопросы, которые могли возникнуть у руководителей его собственной страны. И именно в этот момент случился дипломатический казус, имевший весьма серьезные и долгосрочные последствия.

9 февраля 1946 года, на собрании избирателей в Большом театре Сталин произнес достаточно рутинную, с советской точки зрения, предвыборную речь. Она по стечению обстоятельств оказалась серьезным раздражителем для советско-американских отношений в разгар иранского кризиса. Администрация и американский политический класс в целом были заинтригованы вопросом о том, почему - через девять месяцев после совместной с американцами и британцами победы над Германией - Сталин решил вдруг заявить о своей враждебности к так называемой капиталистической системе и, следовательно, к Соединенным Штатам. Впервые за пять лет, прошедших после начала союзничества первого в мире социалистического государства с «капиталистическими хищниками», американцы услышали из Москвы марксистско-ленинский манифест вместо ставшей привычной за годы войны патриотической риторики о защите Отечества. Два его пункта особенно обеспокоили капиталистических партнеров СССР по «антифашистской коалиции Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и других свободолюбивых государств», по словам самого Сталина, сыгравшей «решающую роль в деле разгрома вооруженных сил государств Оси»¹⁷.

Во-первых, отметив «антифашистский и освободительный характер Второй мировой войны», Сталин назвал ее «неизбежным результатом развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма» и заявил о неизбежности новой войны «при нынешних капиталистических условиях развития мирового хозяйства».

Во-вторых, заявление о победе в войне именно «советского общественного строя» не могло не вызвать замешательства у американцев, не считавших поводом для своего военного партнерства с СССР характер его общественного строя. Они не могли всерьез относиться к попытке объяснить военную победу над Третьим рейхом исключительно коллективизацией

и индустриализацией 1930-х, обеспечившими «скачок, при помощи которого наша страна превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной - в индустриальную». Выпускники лучших американских университетов, заполнявшие коридоры власти в Вашингтоне, помнили о том, что накануне и во время Первой мировой войны Российская империя (с такой же долей мирового ВВП, как и у Германии) входила в пятерку наиболее развитых стран мира, состоявшую из США, Великобритании, Германии и Франции, и темпы ее экономического роста уступали лишь собственно американским темпам.

Белый дом и Государственный департамент терялись в догадках относительно возможных последствий столь резкого перехода от недавнего политического прагматизма к жесткой риторике коммунистического глобализма. На всякий случай уже 11 февраля внутренняя инструкция Госдепартамента рекомендовала придавать содержанию этой речи «большое значение при рассмотрении любых планов предоставления кредитов или других форм экономической помощи Советскому Союзу»¹⁸. А 13 февраля Бирнс затребовал у своего посольства в Москве анализ этой речи. В ответ на это¹⁹ 22 февраля Кеннаном была отправлена знаменитая «длинная телеграмма», тут же размноженная и распространенная в вашингтонских коридорах власти в качестве лучшего объяснения советского поведения. В ней впервые был использован термин «сдерживание» по отношению к СССР.

И сама сталинская речь 9 февраля 1946 года и ее истолкование Кеннаном называются многими авторами в качестве триггеров будущей холодной войны. Но чаще всего таким триггером сложившееся на сегодня общее мнение считает речь, произнесенную У.Черчиллем 6 марта в Вестминстерском колледже города Фултона (в Миссури, родном штате Трумэна).

Однако она совсем не обязательно обещала 40-летнее военное и политическое противостояние²⁰. Только учитывая особые условия того послевоенного (и послерузвельтовского) времени, можно понять смысл и оценить значение этого текста, над которым У.Черчилль работал на протяжении всего своего трехмесячного пребывания в США зимой 1946 года.

В отношении СССР он говорил так: «Я испытываю искреннее восхищение и уважение по отношению к русскому народу и моему военному товарищу маршалу Сталину. Глубокое сочувствие и расположение существует в Британии - и, без сомнения, в Америке - по отношению к народам всей России²¹ и решимость преодолеть все различия и препятствия для установления прочной дружбы. <...> Мы приветствуем Россию на ее законном месте - среди ведущих государств мира. <...> Я не верю, что Советская Россия хочет войны. Чего они хотят, так это трофеев войны и бесконечного распространения их власти и доктрин». Черчилль настаивал на установлении «хорошего взаимопонимания с Россией²² под общим руководством Организации Объединенных Наций и сохранении этого хорошего взаимопонимания в течение многих мирных лет» и сожалел о «железном занавесе», протянувшемся от балтийского Штеттина (Щецина) до адриатического Триеста.

Известно, что и Сталин, и Трумэн прочли эту речь так, как им было угодно: выразив, каждый по-своему, свое недовольство ею. Советские «Известия», устами академика Е.В.Тарле, напомнили о «традиции неизменной политической дружбы между правительствами» России и США и обвинили Черчилля в призывах к «американским гражданам растоптать эту стародавнюю традицию, эти культурные и политические связи» с русскими²³.

В американском же правящем классе существовало предубеждение против британского империализма, несмотря на ситуативное союзничество (далеко не «Сердечное согласие»)

в мировых войнах. И риторика Черчилля воспринималась как - намеренно конфронтационная и без нужды провоцировавшая Москву - британская попытка загреть жар мирового доминирования руками американцев и за их счет.

Трумэн даже открестился от предположения о том, что он заранее знал содержание этой эскапады Черчилля. И тогда же, в марте 1946 года, он предложил Сталину выступить в США со своей ответной лекцией, в том же формате (т. е. с личным присутствием Трумэна) и в похожем месте: в университете штата Миссури, в городе Колумбия, примерно в 20 милях от того самого Фултона. Это приглашение было изложено в приписке президента к верительным грамотам нового американского посла в Москве генерал-лейтенанта Уолтера Беделла Смита, который передал его в момент вручения грамот советской стороне²⁴. Но в связи с отсутствием положительной реакции дело не дошло до официального письменного приглашения.

Интересно, что речь Черчилля не встретила большого одобрения и в Лондоне, и по тем же причинам, что и в Москве, - из-за «враждебных замечаний» относительно СССР. Уже 11 марта премьер-министру К.Этли пришлось отбиваться в Палате общин от требований своих же лейбористов публично осудить «опасную доктрину, содержащуюся в речи» Черчилля. За эту резолюцию высказались 105 членов Парламента, но премьер не дал ей хода, сославшись на то, что речь была произнесена Черчиллем в качестве частного лица, а не парламентского лидера оппозиции Его Величества.

Несмотря на все эти события, в течение марта-апреля 1946 года никаких изменений в намерениях США установить партнерские отношения с СССР не последовало. И в конце апреля, накануне парижской сессии СМВД, Бирнс представил ее участникам готовый проект четырехстороннего Договора о разоружении и демилитаризации Германии²⁵. До того, понимая все репутационные риски, он обсуждал его лишь в ближнем кругу, держа в неведении остальных сотрудников ведомства: его телеграмма Молотову была послана под грифом «не для распространения, не для копирования». А сообщение об отправке проекта все же попало в секретный «перечень событий» департамента, Бирнс попытался запретить распространение самого этого перечня²⁶.

Но с началом официального обсуждения договора в Париже он, напротив, решил сделать вопрос о договоре публичным - сыграв на опережение. И 1 мая «Нью-Йорк таймс» написала, что этот проект - «самое широкомасштабное предложение в истории Америки - вклад нашей страны в дело установления прочного мира. Это предложение призывает ни больше ни меньше как к прочному союзу между Соединенными Штатами, Великобританией, Россией и Францией с целью предотвращения восстановления германской угрозы посредством обеспечения полного и контролируемого разоружения Германии по меньшей мере на 25 лет. А затем на столько, сколько потребуется для того, чтобы привести немецкий народ к мирному и демократическому образу жизни. Похожий союз, вероятно включающий Китай, предлагается против возрождения милитаризма в Японии»²⁷.

Газета называла «это предложение - переломным моментом в американской внешней политике», отходом от традиционного, со времен Вашингтона и Джефферсона, неприятия любых «обязывающих союзов». Необходимость столь решительного пересмотра американской дипломатической традиции объяснялась тем, что «под предлогом сохранения немецкой угрозы и того, что в отсутствие каких-либо определенных американских обязательств им, возможно, придется противостоять этой угрозе в одиночку, Россия и Франция настаивают

на беспрецедентном расширении границ своей безопасности: Россия - на половину Европы и даже далее, а Франция - на Рейнскую область и Рур. Это предложение альянса с Америкой теперь должно прояснить, чего именно ищут эти страны - безопасности или территорий? Для Великобритании это означает четкий отказ от любой политики баланса сил в Европе, в которой Германия могла бы служить пешкой».

21 мая сам Бирнс изложил «Нью-Йорк таймс» все подробности, касающиеся парижской сессии СМВД и представленного на ней проекта договора. И выразил надежду на то, что после подробного изучения проекта СССР все же одобрит его: сославшись на то, что в декабре 1945 года Сталин лично говорил ему о своей искренней поддержке идеи этого договора²⁸.

Процедурным основанием для затягивания обсуждения договора Бирнса в Париже была потсдамская еще договоренность победителей сначала принять решения по Италии и другим бывшим младшим партнерам Берлина. Недоумение поэтому вызывает не сам факт ведущих там споров о вопросах вполне второстепенных, но их интенсивность и продолжительность. Второстепенными они были с нынешней точки зрения. После многих десятилетий вполне бессмысленной траты всех возможных ресурсов в ходе холодной войны мы не можем не видеть того, что главной задачей держав-победительниц после «горячей» войны должно было быть сохранение тех отношений солидарности между союзными державами, которые и позволили им победить. Но тогда лишь американская делегация считала заключение четырехстороннего договора главной задачей. Британская, советская и французская - так не считали. Они увлеченно обсуждали выплату Италией репараций, судьбу ее колоний и ее будущие границы с Югославией.

СССР требовал от Рима 100 млн долларов в течение семи лет, в то же время американцы намеревались выделить ему помощь в объеме 900 млн долларов для восстановления экономики. И если бы американские законодатели увидели, что часть оказываемой Италии помощи фактически уходила бы в виде репараций в СССР, то Конгресс мог отказать в выделении средств. Но желание Бирнса договориться с Москвой по главному вопросу заставило его подчиненных найти изящное решение: репарации должны были выплачиваться товарами, произведенными итальянцами, но из советского сырья. Так не возникало видимой связи между американской помощью и той продукцией, которую Италия передавала бы СССР в счет репараций²⁹.

Споры в Париже шли о судьбе итальянских колоний - Эритреи, Ливии и Додеканесских островов³⁰, - хотя до начала процесса деколонизации заморских владений европейцев оставалось всего полтора десятка лет. Спорили и о границе Италии с Югославией в регионе Венеция-Джулия, населенном итальянцами, хорватами и словенцами: СССР настаивал на передаче Тито всего этого края (и выселении полумиллиона итальянцев), не зная, что всего через пару лет титовская Югославия перестанет быть советским союзником.

Сегодняшнему читателю нелегко понять остроту тех споров по этим, явно не главным, вопросам. В то время как проект большого договора - о разоружении и демилитаризации Германии - был отложен в сторону: советский министр Молотов не захотел отвлекаться на его рассмотрение. В отличие от советской, дипломатия британских лейбористов действовала посредством тонкой настройки, публично демонстрируя энтузиазм по поводу пакта Бирнса ради достижения своей цели - обеспечения американского присутствия в Европе в течение как можно более долгого времени. Французы энтузиазма не демонстрировали, но и в качестве критиков выступать не пожелали.

Сегодня можно долго размышлять и дискутировать о причинах отказа партнеров США - советских и несоветских - от заключения между ними военного пакта, гарантировавшего 25 лет заведомо мирного сосуществования ведущих военных держав континента с разным социально-политическим строем. Но нельзя не пожалеть о том, что ни старые европейские империалисты - британцы и французы, - ни новая на тот момент советская конфедерация республик свободных не нашли возможности воспользоваться предоставленным историей шансом. Ведь в случае заключения четырехстороннего пакта удалось бы, по всей видимости, избежать всех тех огромных затрат на строительство противостоящих друг другу военных инфраструктур в Европе, которые производились обеими сторонами с середины 1950-х годов.

В течение полутора лет, с сентября 1945 до конца января 1946 года государственный секретарь Дж.Бирнс пытался убедить СССР пойти на партнерство с США, но безрезультатно. После этого подрыв политических позиций сторонников компромисса с Советами никого не мог бы удивить.

Однако этого не случилось: с приходом 21 января 1947 года в Государственный департамент Дж.Маршалла в течение следующего года попытки установить партнерские отношения с Москвой продолжились - вопреки упорному сопротивлению тогдашней советской дипломатии, сыгравшей в пользу американских сторонников жесткой линии по отношению к СССР.

Одним из важнейших препятствий к подписанию, к взаимному удовлетворению, пакта Бирнса была явная неопределенность во взаимоотношениях внутри бывшей «Большой тройки»: между США, Британской империей и Советским Союзом. Неопределенность эта была очевидной для всех.

Если в Бреттон-Вудсе, Думбартон-Оксе и Ялте делегации США и СССР весьма плодотворно сотрудничали, если в марте 1946 года Москва критиковала Черчилля за предполагаемую попытку рассорить ее с Вашингтоном, то в январе 1947 года настроения в Кремле изменились. Теперь партнерству с главной экономической (и военной - после появления у США ядерного оружия) державой мира СССР предпочел сближение с обедневшей и ослабленной Британской империей, стоявшей на пороге своей деколонизации.

Причины этого предпочтения старого «капиталистического хищника» новому требуют дальнейшего прояснения, но бесспорен сам факт того, что с начала 1947 года инициатива в определении военно-политического будущего Западной Европы стала переходить к Лондону. Хотя экономическое будущее запада континента, как и самой Британии, зависело тогда почти исключительно от американской экономической помощи.

Уже 14 января 1947 года новый посол США в Москве генерал Уолтер Б.Смит писал в Вашингтон о «неожиданном всплеске англо-советских добрых чувств по отношению друг к другу» во время широко освещавшегося четырехдневного визита в СССР фельдмаршала Бернарда Монтгомери по приглашению начальника советского Генерального штаба маршала А.М.Василевского.

Начальник Имперского Генерального штаба посетил военные академии (имени М.В.Фрунзе, Генерального штаба имени К.Е.Ворошилова, бронетанковую имени И.В.Сталина), отобедал со Сталиным и был сфотографирован в советской меховой шапке и полушубке. Б.Монтгомери предложил ввести в действие программу обучения британских и советских офицеров в академиях друг друга и уверял советских собеседников в том, что о подготовке англо-американского военного союза речи не шло, вопреки газетным слухам.

Важные подробности визита американский посол узнавал от британских коллег напрямую. В том числе о том, что во время кремлевского обеда Сталин заявил Монтгомери о необходимости - «для цементирования англо-советской дружбы» - заключить между ними союз. На замечание собеседника о том, что такой союз уже существовал, «Сталин ответил, что он имел в виду другое, так как тот союз был в рамках Организации Объединенных Наций»³¹. (10 января, еще до кремлевского обеда, во время личной часовой встречи с Монтгомери Сталин выразил свое критическое отношение, в новых обстоятельствах, к договору 1942 года. «Когда Монтгомери спросил, следует ли создать военный союз, Сталин, как сообщается, ответил: «Это именно то, чего бы я желал, и думаю, что в этом суть»³².)

В следующей телеграмме, отправленной 15 января, посол У.Б.Смит, ссылаясь на «совершенно надежный источник», сообщал в Вашингтон, что «упоминание Сталиным о союзе не

было проходным замечанием, но было, очевидно, сформулировано как четкое предложение военного союза за пределами Объединенных Наций, и все письменные замечания, сделанные во время беседы, были уничтожены в присутствии Сталина до того, как кто-либо покинул помещение. Более того, русские заявили, что вопрос обмена армейскими офицерами мог бы стать соответствующим следствием развития такого пакта»³³.

Уже 27-28 марта 1947 года в Москве прошли (безрезультатные) переговоры

представителей советского МИД и британского посольства о пересмотре договора 1942 года, но официально речь тогда шла лишь об осовременивании его - избавлении от ссылок на прошедшую войну³⁴. В связи с этим у министра Э.Бевина возникла проблема коммуникации со своей собственной парламентской фракцией лейбористов. По мнению многих из них, позиция министра по британско-советскому союзу была недостаточно просоветской.

Сам Бевин предпочитал публично обсуждать лишь многосторонние форматы направленных против Германии договоров, с включением в них не только Франции, но и Польши, и в рамках ООН. (Непублично он предлагал американцам заключить и двусторонний договор о применении военной силы «для усиления оборонных возможностей Западной Европы»³⁵.)

Вашингтон был явно обеспокоен интригой вокруг возможной ревизии старого договора между Лондоном и Москвой и особенно предложением нового советско-британского оборонного пакта. Потому 3 февраля 1947 года, отвечая на письмо Э.Бевина с рассуждениями о готовности рассмотреть конкретные предложения Сталина и желании «вступить в переговоры с целью обновления англо-советского договора», Дж.Маршалл посчитал нужным напомнить коллеге о преемственности внешнеполитического курса его страны. Он подтвердил как ее стремление «усилить и усовершенствовать Объединенные Нации в качестве инструмента для обсуждения международных проблем и поддержания международного мира», так и актуальность подготовленного Бирнсом «выдающегося» проекта четырехстороннего договора для разоружения и сдерживания Германии (и такого же - для Японии). Свое послание Маршалл завершил многозначительной фразой: «Эта политика пользуется огромной поддержкой нашего народа, который верит в нее гораздо больше, нежели в попытки достижения международной безопасности посредством двусторонних соглашений»³⁶.

США (как при Рузвельте, так и при Трумэне) не ставили под сомнение право СССР, понесшего наибольшие жертвы в войне с Германией, а также Великобритании на деятельное участие в определении послевоенных правил игры в Германии и с Германией.

Но уже вскоре американцам было предложено отвлечься от достижения международной безопасности посредством подписания пакта Бирнса.

21 февраля британское посольство в Вашингтоне уведомило Государственный департамент о том, что с 31 марта Лондон больше не сможет оказывать военно-экономическую помощь пробританскому правительству в Афинах, против которого воевали греческие коммунисты. Вследствие этого спасти греческую демократию было предложено США: американского президента уверяли в том, что без их вмешательства уже через несколько недель коммунистические партизаны захватят Афины³⁷.

12 марта 1947 года Трумэну пришлось выступить в Конгрессе с речью, по итогам которой были выделены средства на военно-техническую и экономическую поддержку греческого правительства. Из этой его речи впоследствии выросла так называемая доктрина Трумэна, переориентировавшая внешнюю политику США, дотоле принципиально не вмешивавшихся в региональные конфликты, не затрагивавшие непосредственно их интересы. Ныне политическая, военная и экономическая помощь всем демократическим странам, находящимся под угрозой внешнего или внутреннего авторитаризма, объявлялась своего рода интернациональным долгом для американского народа и правительства.

Но несмотря на все перипетии, связанные с провозглашением доктрины Трумэна, проект четырехстороннего договора был 14 апреля 1947 года вновь представлен Дж.Маршаллом - в качестве одного из главных вопросов для обсуждения - на сессии СМВД, проходившей с 10 марта по 24 апреля в Москве. Он вновь попытался убедить СССР в возможности прагматичного сотрудничества с США по вопросам демилитаризации Германии и выплаты ею репараций. Поступал он так вопреки настроением той части вашингтонского истеблишмента, которая уже готовилась к развертыванию так называемой политики сдерживания предполагаемых и явных амбиций Москвы. И вопреки стратегии британцев, явно не стремившихся к сохранению территориального единства Германии посредством военно-политического сотрудничества западных держав с СССР, предусматривавшегося пактом Бирнса.

4 марта 1947 года на пути в Москву Э.Бевин и французский министр Ж.Бидо подписали договор (на 50 лет) о союзе и взаимопомощи двух стран для предотвращения германской угрозы миру. С учетом наличия договоров такой же направленности у СССР с Британией (1942 г.) и Францией (1944 г.) можно было вести речь о трехсторонней «системе» купирования германской угрозы - британско-французско-советской. Одновременно, вплоть до мая 1947 года, продолжались консультации относительно обновления британско-советского договора 1942 года: британцы демонстрировали свои дипломатические умения, дабы не разрушить раньше времени советские надежды на превращение его в собственно военный союз.

И они, и французы прекрасно понимали, что все эти попытки достижения международной безопасности посредством двусторонних соглашений не могли не вызывать раздражения и подозрительности у американцев, предпочитавших многосторонние договоры и в Европе, и в Азии. При этом ни Лондон, ни Париж не планировали, да и не имели экономической возможности обойтись без американского военного присутствия в Европе.

20 сентября 1945 года госсекретарь Дж.Бирнс сделал Москве первое серьезное предложение с целью выстраивания военно-политического партнерства. С этого началась целая серия попыток Дж.Бирнса убедить советскую сторону пойти на установление по-настоящему партнерских отношений Вашингтона (и Запада в целом) и Москвы.

Открыто выступить против пакта Бирнса, нанеся окончательный удар по американским надеждам разделить ответственность за демилитаризацию Германии, могла позволить себе лишь советская дипломатия. Когда британцы и французы поддержали проект пакта, Бевин призвал Молотова сделать то же самое, ведь «если бы такой договор существовал после Первой мировой войны, то недавнюю войну можно было бы предотвратить»³⁸. Однако советская делегация предпочла выступить со своим вариантом договора. Снабдив его такими дополнениями, по которым уже были разногласия и которые, по мнению американцев, были бы более уместны в общем разделе всеобъемлющего мирного договора с Германией: о специальном режиме для Рура, денацификации, демократизации, земельной реформе и т. д.³⁹.

Ясное представление о ресурсных и территориальных богатствах Российской империи, на просторах которой теперь разместился СССР, у американского правящего класса было. Этот актив (и тогда, и сейчас) давал политическому руководству Москвы возможность заключения серьезных сделок с Вашингтоном.

На лондонской сессии СМВД в ноябре-декабре 1947 года пакт Бирнса не рассматривался, хотя британцы и американцы готовили к обсуждению его трехсторонний вариант. Заместитель Молотова А.А.Смирнов пояснил тогда, что «Советский Союз не желал обсуждать предложение США ни на этом, ни на каком-либо другом заседании»⁴⁰ СМВД.

По итогам лондонской сессии Э.Бевин в беседе с Дж.Маршаллом заметил, что «нет никаких шансов на то, что Советский Союз в обозримом будущем будет договариваться с Западом на каких-либо разумных условиях»⁴¹, и впервые позволил себе дезавуировать саму идею пакта Бирнса, предложив подумать о подписании некоего широкого договора о взаимопонимании с включением в него... Италии и стран Бенилюкса.

Американцам пришлось действовать в соответствии с британской (и отчасти французской) стратегией, предполагавшей разделение Германии, что вело к институционализации раздела континента: блоковое противостояние было не за горами. Хотя администрация Трумэна все еще не была расположена к заключению каких-либо военных альянсов с европейскими колониальными империями. Ведь лишение этих «европейских хищников» заморских владений было одной из американских целей в прошедшей войне.

«Сердечному согласию» Лондона и Парижа предстояло много поработать для военной консолидации Западной Европы. Как позволял себе шутить Бевин, «все еще было нужно, чтобы французы и мы давали американцам советы, позволяя им заявлять и думать, что это они сами действовали»⁴².

В конце января 1948 года Кремль, в свою очередь, начал мирное наступление: сигнал о нем был послан весьма нетривиальным способом. Политический советник при главноначальствующем Советской военной администрации в Германии (маршале В.Д.Соколовском) В.С.Семенов⁴³ в неформальной обстановке - за обедом в штаб-квартире американской

В итоге к согласию недавние союзники не пришли. Однако после провала на московской сессии СМВД Дж.Маршалл все же объявил о намерении вернуться к вопросу пакта Бирнса на следующей встрече. Но события стали развиваться в ином направлении, и довольно стремительно.

В середине июля специальный помощник госсекретаря Чарльз Болен призвал к подписанию пакта Бирнса хотя бы тремя западными державами, предложив СССР присоединиться к пакту позже, буде он пожелает.

администрации в Берлине⁴⁴ - обсудил с американскими собеседниками возможность скорейшего преодоления накопившихся между двумя державами разногласий в ходе личной встречи Сталина и Трумэна в Стокгольме⁴⁵.

Уже после того, как Маршалл посоветовал президенту отказаться от встречи, в американской прессе были выражены сомнения в разумности этого отказа. Ибо Москва выступила серьезно, согласившись на:

- взаимные репарационные поставки (продовольствие и уголь из советской зоны в обмен на промышленное оборудование из западных зон);
- на обсуждение расчетов по ленд-лизу;
- уменьшение в половину репарационных требований к Австрии;
- отказ от проекта Балканской федерации, что для американцев было шагом к согласию с планом Маршалла⁴⁶.

К сожалению, все доводы американских реалистов и оптимистов не перевесили предположений озадаченных «ястребов», в том числе в Государственном департаменте, о том, что за советской инициативой стояло нечто иное, а не просто желание деэскалации.

При этом есть основания предполагать, что такая инициатива, будучи передана в Вашингтон за год до того - в пору Бирнса или даже в первые месяцы работы Маршалла, - действительно могла привести к деэскалации, к изменениям в отношениях двух держав.

Представление о единстве мнений в советском руководстве в отношении внешней политики, тогда преобладавшее в мире, не позволяло предположить возможности борьбы точек зрения в Москве и резких поворотов руля, обусловленных этой борьбой. Никто не обратил должного внимания и на то, что для выдвижения этой внешне- и геополитической инициативы Сталин использовал не дипломатические каналы, а военную инфраструктуру, находившуюся под полным его контролем как Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР. Хотя до того через голову своих дипломатических ведомств не раз действовали и Рузвельт, и Трумэн, прибегая к услугам специальных посланников⁴⁷.

После оформления отказа от встречи в верхах 11 февраля 1948 года Маршалл признал провал попыток заключения четырехстороннего пакта Бирнса, написав Трумэну: «Хотя мы сохраняем живой интерес к этой теме, в настоящее время мы не обдумываем дальнейших конкретных предложений»⁴⁸.

Далее ему пришлось иметь дело уже с новой реальностью: «ястребов» в Москве было не меньше, чем в Вашингтоне.

В конце февраля в Чехословакии, уже бывшей в зоне влияния СССР, был произведен государственный переворот, покончивший с коалиционным правительством: теперь коммунисты полностью его контролировали. А в апреле советские оккупационные власти начали ужесточать условия перевозки грузов в Западный Берлин, постепенно блокируя его.

В это же время начались сверхсекретные переговоры дипломатов США и Британской короны - Соединенного Королевства и Канады - о заключении иного, отличного от пакта Бирнса, оборонительного соглашения между западными странами против советской угрозы.

Сталинская речь 9 февраля 1946 года и ее истолкование Кеннаном называются многими авторами в качестве триггеров будущей холодной войны. Но чаще всего таким триггером сложившееся на сегодня общее мнение считает речь, произнесенную У.Черчиллем 6 марта в Вестминстерском колледже города Фултона.

Текст договора был в целом готов к сентябрю 1948 года, но до его подписания прошло еще полгода, занятых ожиданием итогов американских выборов, назначенных на 2 ноября того же года.

Трумэн, понимая настроения избирателей, не желал разочаровывать тех из них, кто не расстался с надеждами на мирное сосуществование бывших военных союзников. И попробовал сделать решительный шаг.

4 октября 1948 года он предложил главе Верховного суда Фреду Винсону, своему давнему другу, отправиться с секретной миссией в Москву для разговора с глазу на глаз со Сталиным о возможном разрешении Берлинского кризиса. Но сразу столкнулся с жестким сопротивлением госсекретаря Маршалла и его заместителя Ловетта и был вынужден притормозить. Корпоративные интересы дипломатов совпали с интересами американских «ястребов» в целом, а вовремя произведенная утечка в прессу окончательно торпедировала проект отправки в Москву специального посланника.

Тем не менее Гарри Трумэн не собирался сдаваться. И 18 октября 1948 года на съезде «Американского легиона», объединяющего ветеранов боевых действий, признал, что хотел отправить Винсона в Москву с целью подтвердить «серьезность и искренность наших намерений в деле мира», вызвав овации слушателей. Овации продолжились, когда он заговорил о своей «решимости использовать любую возможность для работы во имя мира»⁴⁹.

В конце января 1949 года последовала новая попытка установить личный контакт между Сталиным и Трумэном не через дипломатические каналы. На этот раз все было сделано в высшей степени публично - через СМИ.

31 января были опубликованы ответы Сталина на вопросы новостной службы концерна Хёрста. Из них следовало, что СССР готов подписать с США совместную декларацию о ненападении, сотрудничать в проведении постепенного разоружения, прекратить блокаду Берлина, если западные державы «согласятся отложить создание сепаратного западногерманского государства» до проведения переговоров. У Сталина не было возражений и против встречи с президентом «в каком-либо обоюдно приемлемом месте»⁵⁰.

В тот же день представитель США в ООН У.Остин назвал его заявление «шагом в правильном направлении к миру»⁵¹. А пресс-секретарь президента Ч.Росс заявил о том, что тот будет рад видеть Сталина в Вашингтоне. 2 февраля - также в интервью - Сталин ответил, что «приезд в Вашингтон является давнишним его желанием», и был на удивление откровенен относительно своего здоровья: «К сожалению, в настоящее время я лишен возможности осуществить это свое желание, так как врачи решительно возражают против моей сколько-нибудь длительной поездки, особенно по морю или по воздуху. Поэтому предлагаю в качестве места встречи Москву, Ленинград, Калининград, Одессу, Ялту в СССР, а также Польшу или Чехословакию, - по усмотрению Президента США»⁵².

Подобная не дипломатическая открытость главы Советского правительства давала надежду на возможность скорого развязывания сложных узлов во взаимоотношениях: председателя сенатского Комитета по международным отношениям Том Конналли нашел предложение интересным, содержащим «возможность мира и согласия»⁵³ и назвал его «знаменательным событием».

Однако и на этот раз с американской стороны последовал отказ. Уже вечером 2 февраля государственный секретарь Дин Ачесон (заступивший на должность 21 января) попытался в ходе своей пресс-конференции дезавуировать все пункты мирного предложения, направленного вовсе не ему, а Президенту США. Не дожидаясь реакции адресата, он обрушился на предложение о встрече «Большой двойки», пожелав «подчеркнуть, что правительство

Соединенных Штатов не будет обсуждать ни с одной страной вопросы, представляющие прямой интерес для других стран, без участия представителей этих других стран»⁵⁴. Выглядело это странно: в октябре предыдущего года сам Президент США пытался направить спецпредставителя в Москву с целью такого обсуждения.

Но на следующий день Трумэн предпочел одобрить демарш Ачесона, заявив (на своей собственной пресс-конференции) о нежелании рассматривать какие-либо переговоры с Россией вне рамок ООН. И повторил, что он был бы рад видеть Сталина (исключительно) в Вашингтоне...

До подписания в Вашингтоне Североатлантического договора оставалось два месяца...

Да, в 1945-1946 годах предложения прямых переговоров о партнерстве регулярно приходили из Вашингтона от государственного секретаря Бирнса, а в 1947 году - от его преемника Маршалла. Они отвергались, наталкиваясь на стену неприятия где-то внутри СССР.

С конца января 1948 года предложения о прямых переговорах стали приходиться из Москвы, наталкиваясь на стену неприятия где-то внутри США.

В течение 1948 года решение о создании военного союза США с Западной Европой, изначально желаемое Лондоном и Парижем, было подготовлено и пролоббировано⁵⁵. Первоначальный американский скептицизм (особенно среди военных) по отношению к нему был постепенно преодолен.

Иронией истории можно назвать тот факт, что из проекта договора четырех держав с целью разоружения и демилитаризации Германии через три года - неожиданно, видимо, для самого Бирнса - выкристаллизовался известный нам западный военный альянс, в рамках которого была в несколько этапов проведена не демилитаризация, а ремилитаризация Германии⁵⁶.

Понятно, почему в послесталинском СССР не любили вспоминать об упущенных возможностях. Но нельзя не признать удивительным тот факт, что и сегодня - по прошествии десятков лет - в России не вспоминают о том, насколько настойчиво послевоенный Вашингтон стремился к партнерству с Москвой в течение практически трех лет: имея в виду установление устойчивой системы контроля над миром с целью избежать опасности возобновления глобального военного конфликта.

¹<https://www.archives.gov/exhibits/eyewitness/html.php?section=15>

²<https://www.americanheritage.com/truman-potsdam>

³New York Times. March 14, 1983.

⁴Срок действия пакта, отсчитываемый со времени его ратификации, истекал 25 апреля 1946 г.

⁵Заявление Советского правительства правительству Японии относительно денонсации Пакта о нейтралитете между Японией и СССР от 13 апреля 1941 г. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 28. Л. 3. Здесь и далее цит. по: <https://www.prlib.ru/item/2033181>

⁶Из дневника наркома иностранных дел СССР В.М.Молотова - запись беседы с послом Японии в СССР Н.Сато в связи с решением Советского правительства о денонсации Пакта о нейтралитете между Японией и СССР от 13 апреля 1941 г. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 895. Л. 21-24. С. 3-4. ⁷War Plan Red (Atlantic Strategic War Plan) был назван «красным» из-за того, что только территория Британии обозначалась на географических картах красным (реже - розовым) цветом, до появления СССР и КНР. План же войны против альянса Британии и Японии был в 1922 г. назван «красно-оранжевым».

- ⁸Joint Army-Navy Board. Classified Correspondence of the Joint Army-Navy Board, compiled 1918 - 03/1942, documenting the period 1910 - 3/1942. Joint Board, 325. Был рассекречен в 1974 г.
- ⁹U.S., Congress, Senate, Congressional Record, 79th Cong., 1st sess. P. 164-167. Сам Ванденберг считал при этом, что именно СССР не пожелает подписывать такой договор.
- ¹⁰19 декабря со Сталиным встретился Э.Бевин, объявив ему о готовности Лондона обновить британско-советский договор, продлив его действие до 50 лет. Сталин ответил предложением улучшить текст договора. См.: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/jun/04/foreign-affairs#column_1828
- ¹¹New York Times. May 21, 1946. Согласно советской записи беседы, Сталин ответил Бирнсу, «что такой договор, о котором говорил Бирнс, мог бы быть заключен». Цит. по: СССР и германский вопрос. 1941-1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. II. 9 мая 1945 г. - 3 октября 1946 г. / Сост. Кынин Г.П. и Лауфер И. М., 2003. С. 336.
- ¹²После отказа ленинского правительства от всего русского наследства в Персии, включая и выданные русскими банками кредиты.
- ¹³См.: RED ARMY POURS IN; Believed 25 Miles From Teheran as 3 Columns Fan Out in Force; TENSION NEAR CLIMAX; Byrnes Awaits Moscow Reply to His Inquiry Sent on Friday; Encircling Move Possible; Possible Pressure on Turkey; RUSSIAN COLUMNS MOVE WEST IN IRAN // New York Times. March 13, 1946. P. 1.
- ¹⁴Бирнс считал эту зону соперничества британцев и русских не особенно важной для США.
- ¹⁵Например, в марте 1946 г. (накануне заседаний СБ ООН и парижской сессии СМИА) Бирнс убедил Трумэна отложить запланированные на май испытания ядерного оружия на атолле Бикини до 1947 г.
- ¹⁶FRUS. 1944. Europe. Vol. IV. P. 973-974.
- ¹⁷Здесь и далее цит. по: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/297707>
- ¹⁸Цит. по: FRUS. 1946. Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. VI. P. 694.
- ¹⁹А также на запрос Казначейства США о причинах задержки советского присоединения к Международному валютному фонду и Всемирному банку.
- ²⁰Здесь и далее цит. по: http://www.nato.int/docu/speech/1946/s460305a_e.htm
- ²¹В оригинале: «the peoples of all the Russias». Буквально переводится как «народы всея Руси».
- ²²Когда Черчилль в переписке называл нашу страну словом «Russia», Сталин в ответ использовал только и исключительно слова «Союз ССР», хорошо понимая разницу между Союзом и исторической Россией.
- ²³Известия. 12 марта 1946 г.
- ²⁴New York Times. June 1, 1946; February 6, 1948.
- ²⁵FRUS. 1946. Council of Foreign Ministers. Vol. II. P. 190-193.
- ²⁶Karl J. From Compromise to Confrontation: The American Secretary of State James F. Byrnes and His Attempts to Mitigate Disagreements with the Soviet Union as the Cold War Began // Comparative Civilizations Review. Vol. 90 (2024). №1. Article 8. P. 103.
- ²⁷New York Times. May 1, 1946.
- ²⁸Ibid. May 21, 1946.
- ²⁹<https://adst.org/2014/07/the-paris-peace-conference-1946/>
- ³⁰Ныне греческие, эти острова в Эгейском море с 1912 по 1943 г. были частью Итальянского Королевства, отвоевавшего их у османов вместе с Ливией. СССР требовал прав опеки над ними и Триполитанией, британцы - над Киренаикой, а американцы настаивали на опеке ООН над всеми территориями.
- ³¹FRUS. 1947. Vol. IV. P. 518.
- ³²В оригинале: «When Montgomery asked whether there should be a military alliance, Stalin was reported to have replied: «That is what I would like and I think it is essential».
- ³³Ibid.
- ³⁴Егорова Н.И. Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947-1953 гг.) // Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. М., 2003. С. 191.
- ³⁵FRUS. 1948. Germany and Austria. Vol. II. P. 62.
- ³⁶FRUS. 1947. Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. IV. P. 527-528.
- ³⁷«В то время правительство США считало, что Советский Союз поддерживает военные усилия греческих коммунистов. <...> На самом деле советский лидер Иосиф Сталин намеренно воздерживался от оказания какой-либо поддержки греческим коммунистам и заставил премьер-министра Югославии Иосипа Тито последовать его примеру, что сильно навредило советско-югославским отношениям». Сегодня это официально

признано: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/truman-doctrine>

³⁸Цит. по: *Ardia D.* The Byrnes Treaty and the Origins of the Western Alliance, 1946-48 // Ed. Hollowell, Jonathan. Twentieth-Century Anglo-American Relations. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and New York, N.Y. 2001. P. 73.

³⁹FRUS. 1948. Germany and Austria. Vol. II. P. 61.

⁴⁰New York Times. November 18, 1947. P. 13.

⁴¹Цит. по: <http://hdl.loc.gov/loc.mss/mfdip.2004ach01>

⁴²Цит. по: *Ardia D.* Op. cit. P. 78.

⁴³В будущем - посол в ГДР, а потом и в ФРГ, заместитель министра иностранных дел СССР, один из архитекторов советской внешней политики на германском направлении.

⁴⁴«Нью-Йорк таймс» писала, что на секретной встрече были генерал Люсипус Клей, командовавший американской зоной оккупации, посол Роберт Мерфи и некий «генерал Малинин» (начштаба В.Соколовского?). См.: New York Times. February 24, 1948. P. 8.

⁴⁵The United States News. March 5, 1948.

⁴⁶Business Week. February 7, 1948.

⁴⁷Сам Дж.Маршалл, будучи на действительной военной службе, с декабря 1945 по январь 1947 г. был специальным посланником Трумэна в Китае, безуспешно пытаясь создать из националистов Чан Кайши и коммунистов Мао Цзедуна коалиционное правительство, завершив гражданскую войну там.

⁴⁸FRUS. 1948. Germany and Austria. Vol. II. P. 63.

⁴⁹New York Times. October 19, 1948. P. 1.

⁵⁰Правда. 31 января 1949 г.

⁵¹New York Times. January 31, 1949.

⁵²Правда. 2 февраля 1949 г.

⁵³National Guardian. February 7, 1949. Vol. 1. №17.

⁵⁴New York Times. February 6, 1949.

⁵⁵В 2009 г., отмечая 60-летие НАТО, тогдашний заместитель генерального секретаря Джейми Ши говорил об этом в своей лекции «1949: NATO'S Anxious Birth» // Video lecture by Dr. Jamie Shea, Deputy Assistant Secretary General for Emerging Security Challenges // https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_139301.htm

⁵⁶*Ardia D.* Op. cit. P. 64-86.

Петр Мультитали

*Профессор кафедры истории МГУТУ
им. К.Г.Разумовского (ПКУ),
доктор исторических наук*

Imperator06051868@yandex.ru

Ключевые слова: *Павел I, Наполеон Бонапарт, поход в Индию.*

ПЛАН СОВМЕСТНОГО ПОХОДА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I И НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА В ИНДИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ ИЛИ МИФ?

В исторической литературе прочно закрепилось представление о якобы имевшемся плане императора Павла I и Первого консула Наполеона Бонапарта совместного похода в Индию в 1801 году с целью изгнания оттуда англичан. Однако к тому времени между Францией и Россией не только не было подписано мирное соглашение, но стороны даже не пришли к общему согласию ни по одному из обсуждаемых вопросов, за исключением единого стремления противостоят Англии. То есть формально Российская империя и Французская республика продолжали находиться в состоянии войны.

Наиболее авторитетные сведения о проекте русско-французского похода изложены в предисловии фельдмаршала графа М.Бьёншерн к воспоминаниям шведского посланника в Петербурге (в 1790-1808 гг.) фельдмаршала графа К.Л. фон Стединга¹. В самих мемуарах о походе нет ни слова. Бьёншерн обнаружил в бумагах фельдмаршала некий безымянный документ, который он озаглавил как «*Набросок плана кампании против английских поселений в Индии, в том виде, в каком он был разработан Бонапартом и Императором Павлом I*»².

Согласно Бьёншерну, этот проект был доставлен в Петербург по распоряжению Бонапарта его адъютантом генералом Ж.Дюроком весной 1801 года. Действительно, 24 апреля 1801 года Бонапарт поручил Дюроку отвезти в Петербург и вручить «лично в руки императору России» свое письмо³. Но это письмо Бонапарт писал уже не Павлу I, убитому заговорщиками 11 (24) марта 1801 года, а его преемнику императору Александру I⁴. В письме Бонапарт ни словом не обмолвился о походе в Индию.

В 1861 году в «Сборнике вольной русской типографии в Лондоне», издаваемой А.И.Герценом и Н.П.Огаревым, появились «Собственноручные письма императора Павла I к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову I», которые, как утверждала редакция, были списаны с подлинников⁵. В 1873 году журнал «Русская старина» перепечатал на своих страницах эти письма⁶. Выписки из писем императора Павла I генералу В.П.Орлову хранятся в Российской государственной библиотеке⁷. На сегодняшний день письма Павла I Орлову - это единственный документ по так называемому «Индийскому походу», который мы можем считать подлинником.

12 января 1801 года Павел I приказал генералу от кавалерии войсковому атаману Донского казачьего войска В.П.Орлову организовать военную экспедицию в Индию с целью изгнания из нее английских коммерческих «заведений»⁸. Необходимость похода была определена Павлом I военно-морскими приготовлениями Англии к нападению на Россию. Павел I приказывал атаковать англичан, *«там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают»*⁹, то есть в Индии. Поход должен был начаться из Оренбурга, пройти через Бухару и Хиву, с выходом на реку Индус (ныне - Инд), оттуда на Гангес (ныне - Ганг), а затем на территории, контролируемые англичанами¹⁰.

Целью похода Павел I ставил разорение английских коммерческих заведений, изгнание английских местных властей, приказывая привести эти земли *«в ту же зависимость от России, в какой они были у англичан, и торг обратить к нам»*¹¹. По дороге В.П.Орлов должен был «мимоходом» утвердить «Бухарию» (Бухару), «чтоб китайцам не досталась», а в Хиве освободить всех русских пленных подданных¹². Войско атамана В.П.Орлова составило 21 тыс. 651 человек и состояло из разных казачьих войск с артиллерией¹³. На весь поход Павел I отводил В.П.Орлову три-четыре месяца¹⁴. В письме от 7 (20) февраля 1801 года император указывал: *«Экспедиция весьма нужна и чем скорее, тем вернее и лучше»*¹⁵. Таким образом, в письмах Павла I нет ни одного упоминания о каких-либо совместных действиях с французами.

«Набросок», найденный в бумагах Стединга, не имеет ни даты, ни года составления. Согласно ему, поход должен был составить примерно 130 дней. Причем общее командование экспедиционным корпусом якобы возлагалось на французского генерала А.Массена, *«согласно особой просьбы Императора Павла»*¹⁶. Последнее заставляет сильно сомневаться в подлинности документа. Исключено, что Павел I с его обостренным чувством достоинства согласился бы поставить русскую армию в подчинение французского генерала, тем более виновного в кровавом поражении корпуса А.М.Римского-Корсакова в Цюрихском сражении 1799 года. Кроме того, бросается в глаза, что русская сторона в документе Стединга представлена обслуживающей французскую, начиная от поставок фуража, боеприпасов, лошадей и заканчивая подчинением русских войск французскому генералу.

В 1840 году «набросок» был издан в Париже под названием «Проект русско-французского похода в Индию»¹⁷. В нем появляется высокопарная «цель похода»: *«Навсегда прогнать англичан из Индостана, освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига; открыть новые пути для промышленности и торговли цивилизованных стран Европы, и в частности Франции»*¹⁸. Это совершенно не похоже на стиль Павла I, зато очень напоминает трескучую демагогию французских революционеров.

В издании 1840 года «набросок» превращается в полноценный план кампании с указаниями замечаний и вопросов, по всей видимости Павла I и Бонапарта, хотя их имена не называются. В 1873 году в «Русской старине» был помещен «Проект русско-французской экспедиции в Индию», который является переводом с французского издания 1840 года¹⁹. Однако в отличие от него в «Проекте» неизвестно откуда появляется дата - 1800 год, а вопросы и замечания уже открыто приписываются Бонапарту и Павлу I.

Английский хирург Э.Б.О'Мира передает свой разговор с Наполеоном на острове Святой Елены, который касается «Похода в Индию». Весь рассказ императора по обыкновению наполнен

акцентированием своей личности: «Если бы Павел остался жив, вы бы уже потеряли Индию. Мы договорились с ним о вторжении туда. Я составил план похода. [...] Когда Павел был так сильно раздражен вами, он попросил меня составить план вторжения в Индию. Я послал ему план с подробными инструкциями»²⁰.

Некоторые авторы склонны верить этим словам Наполеона, забывая, что ложь была неотъемлемой частью натуры императора французов. Во всяком случае, если то, что изложил О'Мира, действительно говорил Наполеон, то это не имеет ничего общего с известными «проектами» и уж тем более с реальными планами Павла I, изложенными в приказах генералу Орлову.

Все главные положения «Индийского плана» в устах Наполеона выглядят как некие фантазии, не имеющие под собой никакой реальной основы: «Я обратился бы к персидскому шаху, который не отказал бы...», «мои войска отправились бы в Варшаву...», «мы вместе должны были просить прусского короля, чтобы он разрешил прохождение моих войск по его территории, что было бы тотчас же разрешено...» и т. д. Набор сплошных «бы» - не есть серьезный план кампании. Кроме того, Бонапарт определял Павла I как «безумного» и ни слова не говорил о его роли в предполагаемом походе²¹.

Оценивая французские «источники» проекта так называемого «Индийского похода», соглашаясь с автором комментариев к публикациям, посвященных этой теме подполковником Генерального штаба Баторским: «Легко может быть, что Бонапарте, не обладавший достаточно полными сведениями о странах, лежащих по пути следования армии, только наметил Императору Павлу идею подавления Англии в Индии, имея в виду приступить к выполнению плана в будущем»²². Выдающийся русский военачальник генерал Д.А.Милютин откровенно сомневался в «подлинности этого проекта, соображенного крайне легкомысленно»²³.

¹Stedingk, comte de. Mémoires posthumes de feld-maréchal comte de Stedingk. T. II. Paris, Arthus-Bertrand, Éditeur, 1845.

²Stedingk, comte de. Op. cit. T. II. P. 6.

³Correspondance de Napoléon I-er. T. VII. №5545. P. 168-169.

⁴Correspondance de Napoléon I-er. T. VII. №5550. P. 174.

⁵Собственноручные письма Императора Павла I к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову I // Сб. вольной русской тип. в Лондоне А.И.Герцена и Н.П.Огарева. Кн. 2. 1861. М.: Наука, 1971. С. 3-6.

⁶Русская старина. Ежемес. ист. изд. Т. VIII. 1873. СПб.: Тип. В.С.Балашова, 1873. С. 409-410.

⁷РГБ. Выписки из писем Павла I к Орлову Василию Петровичу от января-февраля 1801 г. Шифр хр.: ОР Ф. 178. 1 к. 11106. ед. хр. 4.

⁸РГБ. Указ. соч. Л. 1.

⁹Там же.

¹⁰К началу XIX в. Англия владела лишь частью территорий в Южной Индии и Нижнего Бенгала, а само понятие «Индия», то есть империя Великих Моголов, включала в ту эпоху Пакистан и значительную часть Афганистана вместе с Кабулом. - *Примеч. авт.*

¹¹РГБ. Указ. соч. Л. 2.

¹²Там же.

¹³Мальцев Д.А. Индийский поход императора Павла I: подготовка, логистика, геополитические перспективы // Проблемы национальной стратегии. Российский институт стратегических исследований. №2 (29). 2015. С. 207 (статья Д.А.Мальцева является на сегодняшний день самым полным исследованием несостоявшегося похода «на Инду»). - *Примеч. авт.*

¹⁴Мальцев Д.А. Указ. соч. С. 208.

¹⁵РГБ. Указ. соч. Л. 2.

¹⁶Stedingk, comte de. Op. cit. T. II. P. 7.

¹⁷Mémoires de Leibniz a Louis XIV, sur la conquete de l'Egypte, publie avec une preface et des notes, par M. de Hoffmanns, suivi d'un Projet d'expédition dans l'Inde, par terre concerté entre le Premier Consul et l'Empereur Paul I-er, au commencement de ce siècle. Paris: Edouard Garnot, Libraire-Editeur, 1840. P. 37-56.

¹⁸Ibid. P. 37.

¹⁹Русская старина. 1873. Т. VIII. Кн. 9. С. 401-409.

²⁰O'Meara (Barry Edward). Napoléon en exil. Paris: Garnier, 1897. P. 356.

²¹Ibid. P. 356.

²²Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военно-ученый ком. Глав. штаба, 1882-1914. Вып. 23. 1886. С. 7.

²³Милютин Д.Н. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. Т. 3. СПб., 1857. С. 697.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН

Е.В.Ананьева,
*обозреватель, кандидат
философских наук*

А.И.Давыденко,
*первый заместитель
главного редактора*

М.Б.Куракин,
*заместитель
главного редактора*

Ю.А.Минаев,
*заместитель
главного редактора*

Е.Б.Пядышева,
*заместитель
главного редактора,
кандидат исторических наук*

Е.Ю.Студнева,
обозреватель

С.В.Филатов,
обозреватель

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

**Заведующая отделом
выпуска и контроля**
И.Н.Знатнова

Редакторы:

О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская

Научный редактор:

А.Д.Дубина

Технический редактор:

М.С.Тюрина

Ответственный редактор и составитель номера Е.Б.Пядышева

www.interaffairs.ru

Ежемесячный научно-политический журнал «Международная жизнь».

Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК:

Основные специальности: 5.1 Юридические науки; 5.5 Политические науки; 5.6 Исторические науки. Тематика журнала: 5.1.5 Международно-правовые науки; 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии; 5.5.4 Международные отношения; 5.6.1 Отечественная история; 5.6.2 Всеобщая история; 5.6.7 История международных отношений и внешней политики. Сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, место работы, электронный адрес) и текстах (заглавие, аннотация, сам материал, ключевые слова, пристатейные ссылки или список литературы) публикуются в базе данных Научной электронной библиотеки (РИНЦ).

Учредитель МИД РФ и ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Издатель ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе, США, фирмой East View Information Services: 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN, 55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202; toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 4300. Цена свободная.

Дата выхода в свет 27.02.2026. Формат 60x90 1/8. Офсетная печать. Заказ №260536

Отпечатано в типографии ООО «Андоба пресс»

105005, г. Москва, пер. Аптекарский, д. 4, стр. 2.

+7 (495) 225-25-78; zakaz@andoba.ru

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции.

INTERNATIONAL AFFAIRS

A Monthly Journal of Foreign Policy, Diplomacy and National Security

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: journal@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ
ПО АДРЕСУ: journal@interaffairs.ru
КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

Правила оформления сносок и библиографии в конце статьи:

¹Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

²Putham H. Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.

³Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS.RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв.
URL: <http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464> (дата обращения: 19.03.2007).

⁴Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл
// Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

journal@interaffairs.ru

Индекс 70530. ISSN 0130-9625 «Международная жизнь». 2026. №2. 1-144

На обложке: гравюра Питера Шенка-младшего «Подписание Ништадтского мирного договора». 1721 г.

ГлавУпДК - традиции гостеприимства: усадьба русская милее сердцу

ГлавУпДК при МИД России - крупнейший и наиболее опытный игрок на рынке аренды московской недвижимости. В ведении Предприятия находятся более миллиона квадратных метров жилой и офисной недвижимости - как в Москве, так и за пределами столицы.

В цикле статей «ГлавУпДК - традиции гостеприимства», подготовленных специально для журнала «Международная жизнь», мы исследуем, как формировались отечественные традиции гостеприимства. В новом авторском очерке речь пойдет о дворянских усадьбах - ярком символе аристократии прежних веков. От скромных владений до грандиозных поместий княжеских родов - мы расскажем об уникальных памятниках, сформировавших архитектурный ансамбль Москвы.

Отражая нравы

Дворянство как класс возникло в XII-XIII веках и изначально являлось нижней частью феодального военного сословия. Это были люди, служившие «при дворе» князя или боярина и, начиная с XIV века, получавшие земли (поместья) в награду за службу.

Правда, традиция строительства полноценных усадеб на таких участках сформировалась позже, в XVII-XVIII веках - в условиях становления Российской империи и активного обмена культурными ценностями с европейскими государствами.

Так, Петр I стремился модернизировать систему управления государством по западному образцу и поощрял возведение полноценных резиденций для аристократии. По задумке императора, усадьбы способствовали демонстрации статуса своего владельца, а также могли служить местом для проведения светских мероприятий.

Екатерина II продолжила курс реформ, и к началу следующего столетия подобные имения переживают настоящий расцвет: появляются парадные усадебные ансамбли с садами, каналами, оранжереями и павильонами. Для проектирования объектов все чаще приглашаются известные архитекторы - как иностранные, так и отечественные мастера.

Дворяне, освобожденные указом Екатерины II от обязательной службы, вели в своих усадьбах праздный образ жизни: проводили балы, театральные представления и приемы гостей.

Одной из первых и самых элегантных дореволюционных усадеб в Москве была летняя резиденция графов Шереметевых - Кусково. Имение, возведенное на территории владений фельдмаршала Петра I Бориса Петровича Шереметева, включало деревянный дворец, парк с гротами, павильонами и оранжереями в европейском стиле.

Неподалеку, в двадцати километрах, расположилась также принадлежавшая Шереметевым усадьба Останкино. Усадебный комплекс, построенный в конце XVIII века, отражал просветительские идеалы тогдашней Первопрестольной: здесь любили собираться представители творческой интеллигенции.

Усадьба Кусково. Источник: Mos.ru

Еще одной жемчужиной архитектурного ансамбля Москвы, и по сей день сохранившей дух той эпохи, является усадьба Архангельское. Имение, получившее негласное название «Русский Версаль», появилось на свет на стыке XVIII - начала XIX веков и включало дворец, театр, парк со скульптурами. Князь Николай Юсупов любил приглашать сюда гостей из Европы, и до 1917 года Архангельское оставалось символом аристократического блеска.

Во второй половине XIX века в судьбе русских дворянских усадеб произошла заметная смена парадигмы владельцев. Отмена крепостного права в 1861 году лишила многих помещиков даровой рабочей силы и стабильного дохода от барщины, что привело к массовому разорению праздного дворянства, особенно мелкопоместного и среднепоместного: неспособные перестроить хозяйство на капиталистические рельсы прежние собственники имений были вынуждены закладывать, продавать или просто бросать свои родовые гнезда. На смену им пришли представители нового сословия - купцы, фабриканты и предприниматели, часто выходцы из крестьян или мещан, которые активно скупали обедневшие имения и превращали их в доходные дома, промышленные комплексы или места для летнего отдыха.

Смена курса

События 1917 года стали переломным моментом в судьбе дворянских усадеб России. С приходом к власти большевиков все частное имущество, включая поместья и городские особняки, было национализировано в соответствии с Декретом о земле от 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1917 года. Согласно постановлению, в стране провозглашалась отмена помещичьей собственности без выкупа.

Решение отражало идеологический путь нового руководства страны: ликвидацию классовых привилегий и перераспределение ресурсов в пользу трудящихся. Многие владельцы поместий эмигрировали или были репрессированы, оставив свои резиденции на произвол судьбы.

В результате тысячи усадеб по всей стране - от Москвы до отдаленных губерний - оказались заброшенными или подверглись разграблению. Крестьяне, вдохновленные лозунгами нового времени, захватывали имения, делили инвентарь, а здания использовали как временные жилища или склады. Многие усадебные комплексы пострадали и от боевых действий в ходе Гражданской войны: особняки разорялись мародерами, а уникальные интерьеры - фрески, мебель, библиотеки - уничтожались или вывозились.

Государство же не всегда видело ценность в сохранении этих памятников «буржуазного прошлого». В усадьбах размещались совхозы, школы, больницы или даже психиатрические клиники; прежние барские дома служили административными зданиями. Например, на территории Городской усадьбы Н.И.Позднякова - С.В.Волковой - В.Н.Грибова (Большая Никитская улица, 51) было организовано общежитие Ленинских международных высших курсов, а в главном здании до 1960-х годов находился Дом юных пионеров им. ЦК РКИ и Совнаркома.

Подобная эксплуатация объектов способствовала утрате оригинальных интерьеров: лепнина скалывалась, паркет разбирался на топливо, а каминные закладки выносились кирпичом.

Однако не все усадебные комплексы постигло забвение: неожиданное спасение нашлось благодаря внешнеполитическим нуждам Советского Союза. С увеличением количества международных контактов возникла и необходимость в размещении иностранных дипломатических миссий. Для этого в 1921 году, по постановлению Совета Труда и Оборона, было создано Центральное бюро по обслуживанию иностранцев в Москве при Народном комиссариате иностранных дел, сокращенно - Бюробин (предшественник ГлавУпДК).

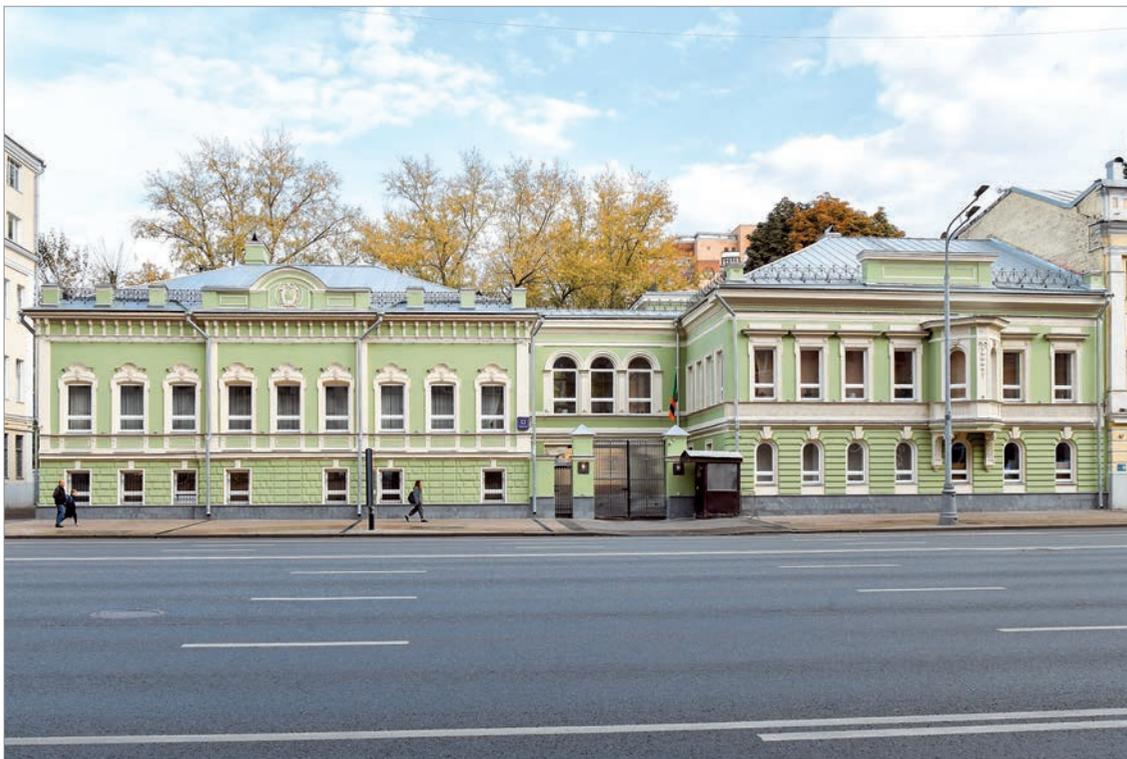
В ведение Бюро перешли десятки исторических зданий, которые впоследствии были переданы для размещения дипломатических миссий. Новый статус таких объектов подразумевал и бережный уход - частично были сохранены фасады и интерьеры особняков. Так, пока многие усадьбы по стране продолжали ветшать, часть из московских шедевров архитектуры сохранили свой облик и стали связующим звеном между дореволюционным прошлым и советской реальностью.

Забота о прошлом - шаг в будущее

Переход к рыночной экономике, случившийся после распада СССР, поставил перед государством задачу не только сберечь архитектурные памятники, но и адаптировать их к современным реалиям. Многие объекты, пережившие десятилетия упадка, обрели вторую жизнь, и важная роль в этом процессе была отдана ГлавУпДК при МИД России.

Сегодня в ведении Предприятия находятся более 100 бывших дворянских усадеб и особняков, интегрированных в повседневную жизнь столицы. Многие из них имеют статус объектов культурного наследия федерального или регионального значения и используются в качестве дипломатических резиденций.

Одним из важнейших направлений деятельности Главного управления является забота о надлежащем состоянии таких зданий. Ежегодно специалисты Предприятия

Городская усадьба Баевых на проспекте Мира, 52

Городская усадьба М.А.Тарасова в Хлебном переулке, 21

совместно с профильными подрядными организациями возвращают исторический облик уникальным памятникам столичной архитектуры, среди которых и прежние усадебные комплексы.

Например, недавно была завершена реставрация Городской усадьбы Баевых на Проспекте Мира, 52 (стр. 1-2). В конце XIX века владение принадлежало купеческому семейству Баевых, и в 1896 году, по проекту архитектора В.И. Чагина, на участке появился двухэтажный особняк с антресолями, соединенный с главным домом зимним садом с тремя арочными элементами. Проведенные в 2025 году работы позволили вернуть первоначальный облик кирпичной кладке, цоколям, пилонам ворот и аттику, а фасадам был возвращен исторический светло-зеленый цвет.

За несколько месяцев до этого была завершена реставрация Городской усадьбы М.А. Тарасова, расположенной в Хлебном переулке, 21. В 1909 году хозяином имения стал екатеринодарский предприниматель Михаил Асланович (Афанасьевич) Тарасов, который вскоре заказал архитектору Михаилу Гейслеру проект особняка в неоклассическом стиле. Фасады двухэтажного, частью трехэтажного, с подвалом и антресолями кирпичного главного дома городской усадьбы были отделаны многочисленными деталями - вазонами, гирляндами, маскаронами и лепными фризами ампиричного стиля.

Благодаря проведенным Департаментом капитального строительства ГлавУпДК работам удалось сохранить и укрепить все подлинные конструктивные и декоративные элементы здания. Так, была восстановлена кладка аттиков и парапетов; расчищены и окрашены металлические изделия; отреставрированы наружные двери, расположенные со стороны Хлебного и Малого Ржевского переулков.

*Узнать подробнее о деятельности
ГлавУпДК при МИД России по сохранению
объектов культурного наследия:*

Мацкепладзе Максим

ГЛАВУПДК
ПРИ МИД РОССИИ

ДЛЯ ЖИЗНИ И БИЗНЕСА В МОСКВЕ

100 лет
безупречной работы

Надежность
Комфорт
Безопасность

Без посредников
и комиссий

Аренда
недвижимости

Медицинское
обслуживание

Индивидуальный
и корпоративный отдых

Бухгалтерское и кадровое
сопровождение бизнеса

Организация конференций
и праздников

Техническое обслуживание
автотранспорта

+7 (495) 770 35 35

updk.ru

119034 г. Москва,
ул. Пречистенка, 20